

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ПУТЬ В НАУКУ

Выпуск 7

*Сборник научных работ
аспирантов и студентов
исторического факультета*

*Под редакцией
доктора исторических наук,
профессора А.М. Селиванова*

Ярославль 2002

ББК Т 3(2Р – 4Яр)
П 90

Путь в науку: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета / Под ред. д-ра ист. наук А.М. Селиванова; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2002. Вып. 7. 184 с.

Сборник содержит результаты научных исследований аспирантов и студентов исторического факультета по различным проблемам отечественной и мировой истории. Статьи подготовлены на основе широкого использования литературы, опубликованных и архивных документальных источников, мемуаров и периодической печати.

Сборник может быть полезен всем, кто интересуется историей, в том числе и исследователям, изучающим затронутые в статьях проблемы.

Редакционная коллегия: проф. А.М. Селиванов (отв. редактор),
проф. М.Е. Ерин,
проф. В.В. Дементьева,
проф. Ю.Ю. Иерусалимский,
проф. В.П. Федюк,
канд. ист. наук А.А. Саблина

© Ярославский
государственный
университет, 2002

1. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. МУЗЕОЛОГИЯ

С.В. Третьякова

Мифологические функции дома в традиционных представлениях палеоазиатских народов

Мифология палеоазиатских народов – совокупность мифологических представлений народов чукотско-камчатской группы – чукчей, коряков, кереков, ительменов, азиатских эскимосов и других. Космологическая концепция палеоазиатов представляет обычное деление на верхний, средний и нижний миры. Согласно фольклорным источникам описание и даже название уровней Вселенной дано соответственно реальным представлениям народов Чукотки и Камчатки об окружающем мире. Так, например, небо – это «Верхняя тундра», а подземелье – «самая нижняя». Характерно, что описание того или иного уровня Вселенной в сказках и мифах всегда дополнено наличием жилища. Герой одной из эскимосских сказок: «... жил в доме Хозяина Вселенной (его душа попала на небо) ... Хозяин Вселенной услышал голос души человека и говорит: «Если скучно тебе, то на своих братьев посмотри». Сказал так, пол в своем жилище открыл и подвел к дыре человека ... на своих братьев (на земле) посмотреть». Три зоны мироздания соединены посредством оси мира. Фольклор палеоазиатских народов позволяет судить о многообразии символов, выступающих в качестве мировой оси. Это и дерево, и полярная звезда, и нить паутины, и луч солнца. И многое другое. Своеобразной мифологической моделью мира является само жилище, в пределах которого, как мы попытаемся показать, реализуются все аспекты космологической концепции палеоазиатов.

Практически всем палеоазиатским народам были известны два типа жилища: постоянное – землянка (полуземлянка) и переносное – яранга. Полуземлянка представляла собой каркасное сооружение, крытое дерном и землей, или со стенами из деревянных плах. Очаг устраивался в центре жилища, а световым, дымовым и одновременно входным отверстием служила «дыра» – воронкообразное отверстие в крыше. Яранга – цилиндрико-коническая конструкция, сооруженная из жердей или костей кита. Состоит

из шатра (холодной, нежилой ее части) и полога (теплой, обогреваемой жилой части). В яранге очаг устраивался в холодной половине, вход в жилище был предположительно с южной стороны. В силу природно-климатических особенностей и специфики хозяйственно-бытового уклада, все народы Чукотки и Камчатки вели оседло-кочевой образ жизни (отсюда два типа жилищ - постоянное и кочевое). При сооружении нового жилища большое значение придавали выбору места. Благополучность выбранного места можно было «проверить» посредством гаданий и обрядовых действий. По окончании строительства (или, наоборот, в начале) приносилась закладная жертва (олень, собака или морской зверь), что должно было быть залогом удачного проживания в новом доме.

Для палеоазиатского жилища характерна четкая оппозиционность низа верху. Вертикальная ось полуземлянки, материализованная в виде столб-лестницы, делит жилище на семантические зоны, каждая из которых символизирует один из уровней Вселенной. Так пол жилища в сказках и мифах мыслится как некий проход в нижний (загробный мир). Отсюда обычай хоронить под полом людей, умерших неестественной смертью и младенцев. Очевиден весь спектр негативных значений, присущий нижней сфере дома. Верхний уровень полуземлянки или яранги имел высокий статус. Под потолком дома хранились самые ценные вещи, ритуальные атрибуты и проч. Вертикальная ось палеоазиатских жилищ определялась по двум важным точкам – дымовому отверстию в крыше и очагу. Дымовое (входное) отверстие мыслилось как проход в мир «верхних небожителей». Стоящий посреди жилища столб-лестница, именуемый в мифах как «входное бревно до самого неба», несомненно, символизирует связь верхнего и нижнего мира, являя собой аналог мировой оси. Важным сакральным объектом жилища был очаг. В мифологических преданиях и сказках огонь очага и дым являются объектами различных ритуальных действий и гаданий. По треску костра коряки узнавали о приближающейся опасности. Дым и сам огонь являлся неотъемлемой частью почти всех очистительных обрядов и обрядов перехода. Священный статус огня, а в жилище – домашнего очага, расположенного в центре, определял это место (центр) как наиболее почетное и символически значимое.

По горизонтали внутреннее пространство яранги (или землянки) также делилось на части: мужскую-женскую, правую-левую, закрытую-открытую и т.п. Традиционно мужской считалась теплая (закрытая) часть жилища – полог, женской – холодная (близкая к выходу) часть яранги: «Отец и сыновья сидели в пологе ... женщины в холодной части сидели возле огня». Мужской считалась правая половина жилища: «... в доме по правую руку старик на нарах сидит, по левую в нише – старуха...». Части дома маркировались либо мужскими, либо женскими вещами. Особое место занимает вопрос, связанный с представлениями о домашних духах. По воззрениям палеоазиатов, в жилище могут обитать как добрые духи – покровители (охранители), так и враждебные человеку существа. Злые духи приносят в

дом болезни и смерть, добрые охраняют домочадцев от вредоносных сил злых духов.

Таким образом, землянка или яранга – это некая модель Вселенной: она имеет трехчастную структуру, соединенную посредством центральной оси, материализованной в центральном столбе-лестнице; делится на части, семантически противостоящие друг другу и воспроизводит ту картину Мира, которая бытовала в представлениях палеоазиатов.

О.Г. Медведева

Представления островных кельтов о жизни и смерти (по данным римской эпитафии)

Отношение к смерти и восприятие потустороннего мира являются одним из коренных параметров коллективного сознания социо-культурной общности, своеобразным эталоном цивилизации. В данной работе предпринята попытка воссоздания представлений о потустороннем мире у островных кельтов, населявших в древности территорию Британии и Ирландии.

Одним из основных источников при реконструкции эсхатологических представлений островных кельтов является культовая эпитафия и культовое изобразительное искусство, которые появились вследствие романизации провинции Британия.

Британцы верили в бессмертие души. Об этом свидетельствуют оставленные ими надписи типа «Духам умершего» или «Духам умершей» на надгробных плитах.

Многие изображения на могильных памятниках в Британии символизируют путешествие в Потусторонний мир – далекое плавание к Островам Блаженных. На некоторых надгробиях мы встречаем изображение умершего, плывущего на лодке, что также свидетельствует о вере в существование загробного мира за Океаном. Плавание на лодке представлялось средством перехода из земного мира в Потусторонний для многих народов, живущих по берегам рек и морей.

Согласно изображениям на надгробных памятниках, достаточно широко было распространено представление о потустороннем мире как о вечном празднестве. На могильной плите изображался умерший, лежащий на кушетке перед небольшим трехногим столиком с множеством яств. Там, где над землей находили памятники с изображением празднества, внутри захоронений почти всегда обнаруживали посуду для еды и различную столовую утварь: ножи, вилки, кувшины, бокалы и, как правило, кости свиньи. Подобное представление о празднестве и о потреблении умершим пищи в загробном мире свидетельствует о достаточно натуралистическом мировоз-

зрении – люди и в мире Ином зависели от потребностей материального тела.

На многих надгробиях археологи обнаруживают изображения небесных светил, звезд, что являлось отражением астральных культов. Лунные символы часто встречаются на могильных плитах, так как луна олицетворяла циклическое обновление, возрождение и бессмертие. Изображаемые на могильных надгробиях звезды, по мнению исследователей, олицетворяли процветание и изобилие в Ином мире. На могильных памятниках в Британии встречаются и солярные символы: наездник на колеснице, символизирующий путешествие в Потусторонний мир, а также колесо и солнечные диски. Данные изображения были выражением мысли о том, что, хотя солнце заходит («умирает»), оно снова взойдет («воскреснет»). Солнце олицетворяло идею возрождающейся жизни, воскрешения, бессмертия. Колесо было одним из символов космической движущей силы, которая управляет вселенной.

На надгробных плитах в Британии археологи обнаруживают изображения животных и птиц. Тема идиллического потустороннего мира, который олицетворяли такие животные, как вепрь, свинья, олень была также очень широко распространена в погребальном искусстве. Важное значение имело и изображение птиц на могильных памятниках – излюбленная аллегория пребывания души человека в потустороннем мире. Часто встречаемый образ петуха на надгробиях символизировал зарю, рассвет и, таким образом, начало вечной жизни. Во многих культурах древности, в частности у галльских кельтов, петух ассоциировался с потусторонним миром.

Многочисленные растения, деревья, цветы и фрукты также широко представлены на надгробных памятниках. Они олицетворяли изобилие и богатство потустороннего мира. Часто в погребальном контексте встречается изображение стилизованного ветвистого дерева – древа жизни – природного символа роста, сезонного умирания и возрождения. Деревья играли важную роль в кельтской мифологии. Они были связаны с тремя сферами: корнями уходили глубоко под землю, а вершинами кроны – в облака, таким образом, являясь как бы посредниками между космосом и подземным миром.

Таким образом, мы видим, что у британцев существовали конкретные, определенные образы потустороннего мира; ничто не указывает на испытываемое ими чувство страха при переходе из одного мира в другой. Здесь феномен смерти воспринимался не как личная трагедия, а как закономерное завершение жизненного цикла, и сама смерть еще не понималась как нечто отличное от жизни. Потусторонняя жизнь и существующий мир составляли тогда для людей единую реальность, одновременно и представляемую, и переживаемую ими. Подавляющее большинство эсхатологических образов в погребальном символическом искусстве Римской Британии находят отражение в кельтской мифологии, в Ирландских сагах, подтверждая тот факт, что процесс романизации являлся прежде всего сосуществованием культур-

ных тенденций в некотором новом единстве, а не моделью вытеснения одного пласта мышления другим.

М.М. Онучин

Феномен колдовства у финнов (по данным эпических материалов)

Анализ эпических и правовых памятников германо-скандинавского региона показывает широкое распространение у этносов, населяющих эту территорию, помимо религиозно-мифологических представлений веры в магию, обереги, гадания, предсказания, а также колдовство. Исключительный интерес для исследователей при реконструкции феномена колдовства у финнов представляет текст “Калевалы”, который включает многочисленные разновременные напластования, в том числе самые архаичные, зафиксированные в письменном виде только в этом памятнике, и разносюжетные материалы. Несмотря на позднейшую интерпретацию и изменения, в ней сохранилась информация о бытовании древних институтов, например колдовстве. Эпические произведения Скандинавского региона также свидетельствуют о теснейшей связи человека с окружающей природой. Поэтому изучение феномена колдовства, понимаемого как сверхъестественное воздействие на людей и природу с помощью магических приемов, представляет значительный интерес. Хронологическая протяженность эпоса (от эпохи разложения первобытнообщинного строя до начала XIX в.) позволяет выстраивать ретроспективу возникновения и эволюции определенных институтов и феноменов. В “Калевале” отразились наиболее архаичные формы организации общества и человеческого сознания. Восприятие слушателями рун формировалось не только за счет увлекательного, подчас устрашающего сюжета, но и напева, создающего особый эмоциональный фон. Свидетельства о широком распространении феномена колдовства у финнов (даже свойстве, присущем этому этносу) имеются в исландских и других сагах (См.: Старшая Эдда. М., 1963; Сага о Греттире. М., 1973; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги. М., 1996). Искусство магии финнов вызывало удивление и поражало скандинавов-чужеземцев, что нашло отражение в сагах. Так, в “Саге о Халльфване Эйнштейнсоне” сказано: “С наступлением весны снарядили они корабли. С ними были два конунга финнов: звали одного Фид, а другого Флоки; они оба были колдунами... Халльфван бросился на него и ударил мечом по луку, так что тот сломался, и отсек Флоки руку, так что она взлетела в воздух. Конунг подставил культю, и когда рука ее коснулась, то они тотчас срослись. Это увидел Фид, конунг финнов, и превратился в моржа. Он прыгнул на тех людей, которые боролись против него, а было их пятнадцать человек, и задавил их до смер-

ти”. В той же битве конунг финнов Хирек обратился драконом. Воинские качества финнов, а также их магические способности подтверждаются и в “Саге о Стурлуге Трудолюбивом Эйгольвсоне”. “... Был один финн, которому выпало выйти против Свипуда (сына колдуньи Вифреи, на поединок. – М.О.). Они сошлись и стали бороться так энергично, что никто ничего не смог рассмотреть. Ни один из противников не поранил другого. А когда те, что наблюдали за поединком, опять туда посмотрели, то тогда оказалось, что оба бойца исчезли, но появились две собаки, злобно кусавшие друг друга. И в тот момент, когда все менее всего ожидали, собаки исчезли, и все люди услышали в воздухе сильный гул, и увидели люди, что в небе бьются два орла, терзая клювами друг друга так, что кровь капала на землю. И закончилось у них тем, что улетел один орел, а другой замятво упал на землю”. Имеются также упоминания о насылании мороков, болезней, вызывании духов, создании эффекта множественности и т.п. О привлечении и использовании магическим образом могущественных сил природы свидетельствуют руны XII и III “Калевалы”. “Выходите вы с мечами / вечные земли герои /, вы из глуби меченосцы / лучники из рек глубоких! / Лес, и ты иди с мужами, / ты с своей толпою, чаща; / Старец гор – с своею силой, / Водяной ушастый Хийси, / Мать воды с своею мощью, / ... На защиту встаньте мужа, / Как товарищи героя, / Чтобы стрелы чародеев / Острием мне не вредили.” Силой своего пения мудрый Вяйнямейнен приводит в движение горы. “...Всколыхнулись озера, / Горы медные дрожали, / Камни твердые трещали, / Со скалы скала свалилась, / Раздробились утесы /”. Весьма показательна и руна IX, одна из наиболее архаичных. Вяйнямейнен вспоминает путь железа от зарождения его в болоте до кузницы Ильмаринена. При ковке была допущена ошибка и “... злобным сделалось железо / и нарушило присягу, / Как собака съело клятвы; / Без пощады режет брата/ и родных с ужасной злобой; / заставляет кровь струиться/ и бежать из раны с шумом. / Знаю я теперь начало / И коварный нрав железа /. Далее кузнец, напоминая железу о его страшных клятвах, изгоняет из него силы зла своим мастерством и заклинанием. В “Саге о Гисли” упоминается колдун Торгрим (“он был силен в ворожбе и был колдун, каких мало”). В “Саге о Ньяле” речь идет о финском колдуне Сване, который вызывает появление густого тумана, окутавшего врага, заблудившегося в болоте и лесу.

Таким образом, изучение материала скандинавского и карело-финского эпоса показывает наличие у народов этого региона постоянного феномена колдовства, которое проявляется в заклинаниях с целью одержать победу над врагом, распознать свое будущее, одолеть силы природы, чтобы достичь благополучия.

А.А. Жижев

Погребения в лодках на Шиховском могильнике

До недавнего времени на территории Европейского Северо-Востока были известны лишь несколько одиночных захоронений, принадлежащих к ананьинской культуре, на поселениях Шойнаты II, Угдым II – III. В 1993 г. И.О. Васкулом был открыт Шиховский могильник, расположенный на правом берегу р. Мача (приток р. Печора), в 4 км к югу от д. Гаревое Усть-Цилемского р-на Республики Коми.

Могильник представляет собой разновременные захоронения, среди которых размерами и формой внутримогильных сооружений выделяется группа из нескольких погребений. На данной стадии изученности памятника их количество ограничено пятью.

На поверхности они практически незаметны и имеют слабо видимые западины. Погребения имеют в длину от 3 до 5 м, в ширину до 70 см и глубину до 20 см. Во всех выявлены сгоревшие деревянные конструкции. Данные из захоронений позволяют интерпретировать их как лодки-долбленки.

Вещевой инвентарь довольно разнообразен. Украшения представлены обоймицами, бронзовыми пронизками, бляхами, бляшками, браслетами, колокольчиками, височными кольцами.

Отдельную группу находок представляют предметы культового литья, представляющие из себя плоские и объемные фигурки птиц и животных.

В погребении № 28 найдены два бронзовых изделия: зооморфная рукоять и наконечник от ножен (?), моделированные в виде фигурки хищника. Подобная рукоять была найдена в 1994 г. в погребении № 1.

Керамическая коллекция представлена сосудами, относящимися к разным культурным типам: Ямашор, Перный, принадлежащими к ананьинскому периоду. Следует отметить, что в верхних слоях памятника, перекрывающих могилы, имеются фрагменты гляденовской керамики. Это дает дополнительные аргументы в пользу датировки захоронений ананьинским временем. Наличие керамики типа Ямашор и Перный, примерно одновременных, позволяет говорить об этнокультурных взаимодействиях на данной территории.

Прямых аналогий захоронениям в лодках пока не найдено. Но уже в ранних могильниках Волго-Камья встречаются погребения, имеющие те или иные признаки лодочных конструкций. На Акозинском могильнике было исследовано ладьевидное сооружение, на Ананьинском была раскопана “ладья”. Также на Ст. Ахмыловском могильнике зафиксирована могильная яма “ладьевидной” формы, имеющая корытообразное дно.

На основании материалов Шиховского могильника и могильников Волго-Камья вырисовываются общие черты погребального обряда в традиционных взглядах ананьинцев. Это непосредственная связь погребальных комплексов с рекой, роль огня, в который вкладывается мистический смысл, обряд трупоположения.

Говоря о традициях, нельзя не сказать о культовом литье. Кроме предметов, найденных на Шиховском могильнике, на территории Республики Коми известны еще несколько вещей – это клевец с Урала, втулка, которого увенчана головой грифона, парадная секира. Прямых аналогий этим находкам нет, но подобные вещи известны за Уралом и Волго-Камье. В совокупности, фигурки зверей, оружие, погребальный обряд указывают на однородность традиционных представлений ананьинцев Волго-Камья и племен, обитавших на территории Республики Коми. Ко всему этому возможно влияние и зауральских традиций, о чем свидетельствует керамика типа Ямашор.

➤ Литература

Археология Республики Коми. М., 1997.

Ефимова Н. Общие черты особенности погребального обряда фино-угров Среднего Поволжья в I тыс. до н.э. (VIII-VI вв. до н.э.) // Тез. док. Congressus ponus internationalis finno-ugris tartum. Pars III. Tartu 2000.

Збруева А.В. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху //МИА. Т. 5. М., 1952.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (ст. Ахмыловский могильник). М., 1982.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М., 1977.

Е.В. Спиридонова

Изучение славянских погребальных памятников Ярославского Поволжья краеоведами XIX - начала XX в.

Археологические материалы как источник для определения этнического состава населения впервые предложил использовать основатель Московского археологического общества А.С. Уваров. Он писал, что до недавнего времени «о вещественных источниках упоминали лишь как об излишнем предмете роскоши при изучении истории. Многие считали, что раз славяне шли по готовой торной дороге, нигде не являлись первыми насельниками, значит не могли оставить значительные материальные памятники». Уваров

выделил второстепенные и существенные признаки погребальных памятников, по которым с большей или меньшей степенью вероятности можно определить народ, оставивший эти памятники. Второстепенными признаками, то есть признаками, общими для всех языческих народов, он считал: 1) холм над могилой (это свойственно всем языческим народам железного века); 2) погребение или сожжение (часто употреблялись вместе, возможно, обряд зависел от местности или времени года); 3) название могильной насыпи; 4) внешняя форма насыпей; 5) высота насыпей (нужно учитывать, что они размываются дождями, меняются со временем); 6) погребения в колодах (употреблялись еще в бронзовом веке); 7) направление костяка и положение рук (если нет постоянного обряда, нет и постоянного положения). Существенные признаки, которые, по мнению автора, несомненно указывают на определенную народность: 1) постоянное и совокупное присутствие в могилах одних и тех же второстепенных признаков; 2) устройство могилы внутри насыпи; 3) сидячее погребение; 4) общая местность. Помимо этого, Уваров советовал исследовать курганы в местах первоначального поселения племен, которое дается в «Повести временных лет», отличать существенные и второстепенные признаки, отделять местные древности от принесенных торговлей. Конечно, на настоящий момент большая часть этих рассуждений выглядит наивно. Ряд признаков, указанных Уваровым, как второстепенные, например направление костяка, сейчас относят к существенным и наоборот. Но, несмотря на ошибки, заслуга археолога в том, что он впервые ввел в научный оборот археологические материалы, не потерявшие своего значения до сих пор.

Ярославский краевед И.А. Тихомиров дал в своей работе общую для большинства народов, в том числе и для древних славян, историю похорон. На первом этапе это безучастное отношение к умершему, затем охрана трупа и жалость по отношению к умершему, что привело к обычаю засыпать покойника травой, песком, оборачивать корой, обносить оградой. Третий этап, это собственно похороны, то есть «прятание» трупа (в дупла, на деревья, в естественные пещеры, в естественные углубления, в воду) и заботливо почтительное отношение к умершему. И последнее – сожжение, то есть поклонение покойному и отправление его на небо. Хотя этот алгоритм далек от истины, поскольку, например, не у всех народов существовал обряд сожжения покойника, а в случае древних славян кремация, наоборот, сменяется ингумацией и т.д., но попытка его создания легла в основу научного изучения погребальной обрядности.

Курганные могильники раньше других археологических памятников стали предметом изучения. Еще А.С. Уваров писал, что слово «курган» появляется лишь в грамотах XVI в., в Новгородской летописи под 1224 годом слово «курган» дается в значении городищ. Автор собрал большое количество других названий курганов, характерных для той или иной местности: могилы, могилыцы, могилки, сопки, мары, волотки, моктаны, мезары, батареи, западни, маяки, сланцы, капцы, пупки, кочи, бугры, ямы, горы, горицы,

тоболки, чудские могилы, батыевы могилы, паны, панки, пановы могилы. Для Ярославской губернии были характерны такие названия, как «могилицы» или «паны», «пановы могилки». Последние местные жители связывают со временем польско-литовской интервенции, но ростовский краевед А.А. Титов приводил другое объяснение. Он писал, что по весьски или по чудски «панен» – класть, «пангед» – могила, по корельски «панап» – хоронить, по мордовски «панда» – гора, холм. Именно с этими словами он связывал названия «паны», «панки», «пановы могилки», считая, что они сохранились с мерянских времен.

Особенно волновал исследователей вопрос о происхождении курганов. Здесь главными оппонентами стали археологи И.А. Тихомиров и А.А. Спицын. Последний считал, что на Ярославские земли курганный обряд принесли кривичи. По его мнению, это были длинные курганы с ровиками в основании, которые всегда соседствовали с круглыми, их размер колебался от 5 до 60 саженей. Погребение представляло собой сожжение (на материке или подсыпке), в насыпи наличествовали угольно-пепельные слои, погребение сопровождал бедный инвентарь и керамические сосуды из плохой глины с примесью дресвы в форме стопки с короткой шейкой. Спицын отмечал, что подобные курганы имеют сходство с жилищем (четырёхугольное основание и скаты), а, согласно Нестору, славяне устраивали погребения на «столбех, на путех», то есть погребения в домиках или домовищах на сваях. Автор делает вывод о кургане как подражании дому, но из земли.

По мнению Тихомирова, курганы были занесены в славянские земли скандинавами. Полемизируя со Спицыным, он замечал, что форма кургана вовсе не схожа с жилищем, это естественная форма кучи земли с округлым основанием. Тихомиров называл два вида погребальных памятников, бытовавших у славян до распространения курганов. Это могила (гроб) – яма для погребения, зарывания умершего, и гробница (голбец, домовище) – наземное сооружение для скрытия, ограждения покойного. Над могилой могла быть насыпь, но не обязательно. Домовище – ограда трупа, сделанная из камней или бревен, сходна с кромлехом, дольменом. До нашего времени сохранился ее пережиток в виде памятника над могилой. Когда у славян появились курганы, они стали засыпать ими привычный голбец. Древние славяне, у которых большее распространение получила могила, стали ставить над ней голбец (камень, колода) для души покойного. Голбцом называли также припечное сооружение, закрывавшее лаз в подполье. По-видимому, первоначально он являлся оградой для непосвященных, закрывавшей путь к священному месту у очага, где в древности могли зарывать покойника, этот обычай сохранился у лопарей и в XIX в. В летописи гробница князя Владимира названа «корста», по-видимому, это слово означало кусок коры, в который заворачивали покойного. Позднее непрочная кора заменялась колодой или досками. На севере могила до сих пор называется «корста» (керста) и представляет собой погребение над землей за оградой. Известен и способ погребения в дуплах деревьев. При сожжении пепел ставился в горшке на

столб, именно этот обряд и описан в «Повести временных лет». Тохомиров привел мнение арабского путешественника Ибн Даста, побывавшего на русских землях около 900 года, который описывал погребальный обряд так: насыпали холм, на нем ставили сосуд с пеплом. Потом сосуд стали зарывать. А отсюда не далеко и до кургана над кострищем. Курганный обряд был заимствован у норманнов, по мнению Тихомирова, из-за влияния варягов на наших землях, а также из-за соображений моды, торжественности, пышности обряда.

Возвращаясь непосредственно к ярославским курганам, следует сказать несколько слов о их принадлежности и датировке. Уваров в свое время делил все курганы на норманнские, мерянские и боевые. Он относил их к языческой эпохе и началу христианства. Археолог отмечал одновременное существование обрядов сожжения и погребения, которые могут соседствовать даже в одном кургане. Например, у села Веськово Переславского уезда в одном кургане под двумя слоями остовов сохранился слой сожженных костей. Автор отмечал наличие в части курганов керамического сосуда, где, по-видимому, находились остатки пищи или жертвы. Тихомиров также писал о переходной эпохе от язычества к христианству, чем и объяснял разнообразие в погребальном обряде. На основе материалов из раскопок курганов на Греховом ручье в Угличском уезде, он сделал следующий вывод: в больших курганах нет прослойки золы, значит здесь похоронены христиане, которые уже не зажигали на месте погребения костер; в малых курганах погребены язычники, их сопровождает горшок с пищей, бедный инвентарь и обязательный слой золы.

Пожалуй, самую подробную характеристику дал ярославским курганам Спицын. Опираясь на материалы из раскопок Савельева и Уварова, он выделил курганы VIII - IX вв., характеризующиеся довольно-таки бедным инвентарем, сожжением на стороне с помещением затем вещей и останков в керамический сосуд. С X в., в связи с проникновением сюда христианства, сожжения сменяются погребениями, хотя курганы со следами кострищ встречаются до XI в., особенно это касается погребений женщин, как более консервативной части населения. В насыпях XII в. нередки остатки гробовищ.

Интересное наблюдение сделал А.И. Кельсиев, который в 1878 г. раскопал ряд курганов в Ярославском и Угличском уездах. Он заметил, что для большинства погребений характерна западная ориентация, то есть умерших хоронили лицом на восход солнца. Незначительные отклонения позволили достаточно точно определить месяц похорон: около половины погребений относятся к апрелю-августу, остальные приходятся на март, сентябрь и октябрь. Следовательно, зимой умерших не хоронили – либо сохраняли до весны, либо сжигали. Именно так Кельсиев объясняет одновременное бытование обрядов сожжения и погребения.

В археологических исследованиях перечисляются найденные в курганах вещи, дающие представления о занятиях и быте славянских племен.

Среди них ключи, ложки, ножницы, иглы, ножи, точильные камни, глиняные сосуды, деревянные ведра, долота, иглы, кремни, кирки, сошники, элементы конской упряжи и т. д. Уваров также называет основные виды вооружения, такие как секиры, топоры, копья, молоты, стрелы, ножи.

Особое внимание исследователи уделяют одежде и украшениям. Одежду древних славян описывали следующим образом: носили сорочки из полотна или холста, верхняя одежда из шерстяного сукна, воротник и грудные прорехи украшали золотыми паволоками или золотым шнурком. Золотые ткани для лучшей сохранности подкладывали берестой. Широко использовали пуговицы и пряжки, носили кожаные пояса наборные с серебряными или медными бляшками. Помимо одежды славяне носили медные привески с лепестками, «бряцальцами», стрелками, колокольчиками и бубенчиками. Головной убор делали из кожи, женщины обычно ограничивались ремешком с височными кольцами, число которых доходило до восьми. Иногда – бронзовый или серебряный обруч (диадема).

Спицын описывал разные виды височных колец, отмечая их этническую принадлежность. Он же перечислял виды бус, встречающихся в погребениях, например, хрустальные, аметистовые, сердоликовые, глиняные, стеклянные и другие. К сожалению, археологи очень мало внимания уделяют керамике. Рисунки глиняных сосудов в отчетах чрезвычайно редки. В лучшем случае исследователь упоминает о лепном или гончарном виде изделия, называет цвет и описывает орнамент, если он есть. Сведения о гончарных клеймах практически отсутствуют. Пожалуй, только Кельсиев упоминает обнаруженные в Тимеревском могильнике четыре сосуда с клеймами в форме креста в круге, свастики в круге и «круга с зубчиками внутри», называя их знаками хозяина или имеющими иероглифическое значение.

В целом, оценивая развитие славянской промышленности, краеведы отмечали ее невысокий уровень. Например, Тихомиров писал, что в IX - X вв. в Ростовской области господствовала норманнская и финская промышленность, а славянская была бедна и незначительна. Спицын еще более категорично утверждает, что в IX - X вв. все северные славянские племена пользуются предметами культуры, усвоенной латышской отраслью литвы, а потом скандинавскими и восточными изделиями: «самостоятельного русского искусства нет и проблесков, все нужное целиком заимствовалось у других народов».

Достаточно подробно в исследованиях XIX в. охарактеризованы торговые связи Ярославского Поволжья. А.С. Уваров, основываясь на материалах археологического исследования более семи тысяч курганов Ярославской и Владимирской губерний, писал о находках восточных монет, которые чеканились в Волжской Булгарии, Багдаде, Бухаре, Самарканде, и западных из Лондона, Оксфорда, Фрисландии и Северной Германии, причем восточные монеты он датировал 772 – 984 гг., а западные – 950 – 1090 гг. Помимо монет, в погребениях нередко привозные вещи. С Востока сюда

поступали серьги, браслеты, перстни, с Запада – медальоны, весы и гири. Византийским влиянием можно объяснить встречающиеся здесь образки и иконки. Несомненно, прибалтийское происхождение имеют изделия из янтаря. Титов добавлял к перечню привозных товаров бисер, цветные камни, украшения конской сбруи и булатные клинки из восточных стран, а также секиры, копья, мечи, стрелы, шерстяные ткани из Германии, Англии, Богемии.

Менее чем за 70 лет (1851 - 1916 гг.) на территории Ярославского края археологами было исследовано более 9 000 курганов. И хотя методика раскопок была далека от совершенства, выводы исследователей не всегда соответствовали истине, труд археологов не пропал даром. Сохранились отчеты о раскопках, коллекции и единичные находки, выходили научные статьи и монографии, посвященные далекому прошлому нашего края, были поставлены основные проблемы, которые остаются дискуссионными до сих пор.

➤ Литература

1. Дело ИАК о раскопках члена ЯГУАК И.А. Тихомирова в Ярославской губернии // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. № 82/1900.
2. Кельсиев А.И. Выводы по раскопкам курганов в Ярославской и Тверской губерниях в 1878 г. // Антропологическая выставка 1879 года /Под ред. А.П. Богданова. Т. 3. Ч. 1 // ИИОЛЕАЭ. Т. 35. С. 58-59.
3. Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905.
4. Спицын А.А. Удлиненные и длинные курганы // ЗОРСА. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1903.
5. Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии: Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М., 1885.
6. Тихомиров И.А. Кто насыпал Ярославские курганы. Ч. 2. Владимир, 1908.
7. Уваров А.С. Доклад Его Императорскому Величеству Государю Императору // Материалы для биографии и статьи по истории археологии. Т. 3. М., 1910.
8. Уваров А.С. О существенных и второстепенных признаках народности могильных насыпей. М., 1873.

Е.С. Рубан

Керамические изделия из Ярославля XVIII в. (по результатам раскопок 1999 - 2001 гг.)

Среди керамических изделий, найденных в ходе раскопок 1999 - 2000 гг., имеется много игрушек и подсвечников. Почти все изделия были найдены на хоздворе по ул. Советской, между домами № 8 и 10. Одна птичка и свистулька были найдены в 2000 г. на ул. Кедрова, и еще один подсвечник и дудка-«соловей» обнаружены в 2001г. при раскопках на углу ул. Кедрова и Волкова.

Всего в археологическом кабинете имеется 19 фрагментов игрушек и из них лишь 4 целые. Все находки белоглиняные, ангобированные. У всех – четыре отверстия. Самая большая группа изделий – это птички- свистульки. Они изготовлялись вручную. Из глиняного жгута мастер делал полый цилиндр, затем в него вставлял свистульную часть, после к туловищу приделывалась голова. Защепом гончар выделывал клюв и ножки¹. Все изделия ангобировались и сверху наносилась полива. Одна птичка не имеет поливы, на ангоб нанесены полосы коричневой краски. Все свистульки покрыты были коричневой поливой. Их размер 9 x 7 см, характерен орнамент на крыльях в виде двух полос и штрихов между ними, на голове обозначен гребешок. Все изделия имеют ярко выраженную голову, глаза, клюв. Подобные находки не встречались среди московских и ростовских игрушек. Так, например, московские птички-свистульки имеют более округлую форму, у них не было ножек, либо была подставка, и они имели совершенно другой орнамент.

В археологическом кабинете хранится 4 коника. Длина лошадок от 4,5 до 12 см и высота от 3 до 9 см. Этот вид игрушек был очень распространен в средневековой Руси и в XVIII в. Маленькие коники изготовлялись из одного цилиндра, а большие из двух (длиной 7 – 8 см), которые затем соединялись, а швы заглаживались мокрой тряпкой. Затем гончар придавал изогнутость спине и расширял круп лошади. Перед обжигом игрушки ставились в теплое место для просушки. В горн они помещались в несколько рядов, без особой осторожности и аккуратности. Вынутые из горна игрушки, после того как они остынут, сортировались, перегорелые и лопнувшие выбрасывались. Игрушки часто делались полыми либо с отверстиями, чтобы при обжиге был меньший процент брака, и это еще уменьшало вес изделия. Игрушки изготавливались из той же глины, что и обычная посуда. На одном из коников сохранилась полива желтая с коричневыми пятнами. Другая лошадка имеет четко прочерченное седло. Самый большой коник покрыт мраморовидной росписью. Она производилась по белой ангобной подгрунтовке цветными ангобами². С этой технологией русские мастера познакомились в XVIII в. Аналогий ярославским коникам среди других изделий не встречено.

К игрушечным музыкальным инструментам можно отнести чернолощеную свистульку, которая была самостоятельной либо вставлялась в какую-то игрушку. Дудка-«соловей» обнаружена в 2001 г., размером она 11,5 x 7,4 см и представляет собой чернолощенный горшок, с одного бока которого приделывалась ручка-трубка.

Было найдено при раскопках 43 фрагмента подсвечников. Большинство изделий белоглиняные, встречаются также красноглиняные и мореные. Средняя их высота 11 – 13 см, диаметр блюдца до 12 см, диаметр стержня 2 – 2,4 см. Подсвечники с поддонами или без них, бочонкообразных и вытянутых форм. Изготавливались они на ножном круге. Сначала делался цилиндр, затем низ его превращался в блюдце. В средней части цилиндр обжимался до стержня. В последнюю очередь формовался воротник и гнездо

для свечи³. Подсвечники с коричневой поливой и ангобированные с росписью красной краской. Один экземпляр имеет зелено-желтую поливу. Встречено одно изделие с изображением цветка в виде синих кружочков.

Почти все изделия были найдены в одном месте – на хоздворе по ул. Советской между домами № 8 и 10. Как подсвечники, так и игрушки являют собой явный брак: они обожжены, полива спеклась, отломаны ножки. В XVIII в. эта территория использовалась в хозяйственных целях, в т.ч. и под складирование мусора, чем являлись эти бракованные изделия. Аналогий ярославским игрушкам не встречено.

➤ **Примечания**

1. Фехнер М.В. Глиняные игрушки московских гончаров // МИА. 1949. № 12. С. 55.

2. Коваль В.Ю. Позднесредневековое глазурированная керамика с мраморной росписью // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 1999. Вып. 3. С. 225.

3. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII - XVIII вв. М., 1968. С. 47.

А.В. Киселёв

Русские предания и поверья о разбойниках в XIX - начале XX вв. (на материале Верхневолжского региона)

Вопрос о поверьях русских в XIX - начале XX вв. достаточно хорошо изучен. В то же время образ "чужого" как носителя иной культуры, представителя другой социальной или этнической общности в данном аспекте традиционной культуры не выступал предметом особого внимания. Настоящее сообщение является попыткой внести вклад в развитие проблемы.

Одним из самых распространенных жанров русского фольклора являлось историческое предание, которое сочетало не только рассказ о реальном факте, но и фантастические мотивы. Последнее делает возможным говорить, в известной степени, о «мифологическом» характере данного раздела устного народного творчества.

Среди действующих лиц преданий XIX - начала XX вв. особое место занимали разбойники. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить характер и особенности представлений о данных персонажах; определить круг мотивов, характерных для рассматриваемого фольклорного цикла.

В процессе изучения периода формирования фольклорных произведений о разбойниках авторы делают вывод о «синкретичности» данного образа, объединившего в себе представления о неких мифических существах;

аборигенах, живших до прихода предков нынешнего населения; основателях населённых пунктов; внешних врагах. Объясняя данный факт «генетическим и функциональным родством» названных персонажей, большинство исследователей тем не менее констатирует усиление «реалистических» признаков образа разбойников в результате «наполнения» его «конкретно историческим содержанием»¹.

Еще одной характерной чертой сказаний данного цикла можно считать связь с определенными топонимами, в качестве примера которых назовем следующие: урочище «Чертовы городища», овраг «Разбойничий», р. «Воровка»² и др. (как названия мест жительства, гибели, захоронений разбойников или нахождения спрятанных ими кладов). Так, в окрестностях р. «Разбойницы» и «Разбойничьего» бора, располагавшихся в Ветлужском уезде Костромской губернии, находились «пещеры со сгнившими срубам», в которых, согласно преданию, жили «какие-то разбойники»³.

Возвращаясь к вопросу об образе разбойников, отметим, что внешность персонажей нередко «гиперболизировалась» («лихой атаман Иван Фаддеич, – описывает предание одного из предводителей разбойничьих шаек, – огромного роста, косая сажень в плечах и красавец собой», «самый здоровый» из своих товарищей⁴). В то же время разбойники наделялись сверхъестественными способностями (оборотничество, неуязвимость и, вследствие чего, возможность избегать смерти). «Ванька Каин» был «заклятый» разбойник: его ничем нельзя было убить, не зная слов заклатья»⁵, – свидетельствует ростовское предание. Впрочем, персонажи, противостоящие людям, терпели поражение в результате применения последними известных магических средств. В Костромской губернии было записано сказание о борьбе местного населения с разбойниками: «собрался народ и стал разбойников связывать, но какая-то невидимая сила мешала, – оковы спадали. «Ткните булавкой им в ноги-то! – посоветовала молодуха, – пустите кровь, тогда свяжете». Сделали так и, действительно, удалось связать разбойников»⁶. В другом варианте в качестве орудия убийства «атамана» разбойников, по совету последнего же, использовались «носины» (заточенные жерди, предназначенные для переноски сена)⁷.

Согласно поверью, со смертью разбойники не успокаивались, а продолжали существовать, переходя в иное качество. В одном из преданий, объясняющем происхождение названия берега р. Ветлуги «Бабыя гора», повествуется о ссоре «атаманши» Степаниды со своей шайкой, в результате чего первая была убита: «теперь в осенние глухие ночи здесь слышен стон умершей без покаяния разбойницы... она по временам показывается... ее не раз видели сидящей на краю утеса пригорюнившись»⁸. Необходимо отметить, что факт неестественной смерти в поверьях русских часто связывался с таким представителем демонологии как «заложный покойник»⁹.

В то же время анализ источников позволяет нам говорить о «мифологизации» не только образа действующих лиц «разбойничьих» преданий, но и всего пространства, связанного с ними. В этой связи привлекает внимание

мотив «заколдованного» клада, спрятанного разбойниками. Данная тема была широко распространена в местах расселения русских¹⁰. В качестве мест, где мог находиться клад, перечислялись горы, холмы, леса, подножия старых деревьев, перекрестки. Согласно традиционным представлениям, названные локусы нередко наделялись признаками «сакральной» территории¹¹. Во второй половине XIX в. среди населения Ярославской губернии было распространено поверье, связанное с кладом, якобы спрятанным упоминавшимся выше разбойником «Ванькой Каином». В окрестностях д. Кетоши Ростовского уезда на «косогоре» росла старая сосна, возле которой были замечены следы раскопок. По преданию, возраст сосны насчитывал «уже сто лет», «она все в одном виде: ни растёт, ни старится». Объясняя данное явление «заклятостью» дерева, представитель местного населения свидетельствовал, что под ним находится «большой клад, положенный на «срок»; и сосна «стережет» этот клад, пока не кончится «срок». Многие «пытались открыть... клад, но, несмотря ни на какие «зачуранья», ни на ограждения крестом, клад не давался. Как только... доруются до него, так тотчас же хлынет вода и закроет разрытое место до самой поверхности земли, а сосна, наклонясь, начнет больно хлестать копавшего своими иглистыми ветвями, не позволяя ему уйти от места до тех пор, пока он не завалит опять откопанную яму вырытой из нее землей, причем, как только начинали зарывать яму, вода уходила в землю... Пытались... срубить самую сосну, но удалось лишь сделать на ней несколько насечек»¹². В нашем случае, «сосна» выступала в качестве локуса, располагавшегося на периферии освоенного, «своего» мира. Находясь, таким образом, в одном контексте с представлением о «злостности» разбойника, поверье характеризовало пространство, освоенное персонажем как «иной» мир¹³.

Подводя итоги, прежде всего отметим, что образ разбойников являлся «синтезированным», сочетая в себе представления о различных, в том числе мифических, персонажах. С другой стороны, необходимо сказать, что «мифологизировались» не только образ героев преданий, но и локусы, имевшие с последними непосредственную связь и включавшиеся в пространство, противостоящее миру людей. В заключение укажем на существование внутренней связи некоторых фольклорных циклов, выразившейся общностью их мотивов, которые характеризовали «инакость» среды, где действовали персонажи.

➤ Примечания

1. Криничная Н.А. Русская историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 175.

2. Смирнов В. Клады, паны и разбойники: (этнографические очерки Костромского края) // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1921. Вып. 26. С. 30-31.

3. Миловидов И. Новые сведения о древностях Костромского края, полученные Архивной комиссией // Костромская старина. Кострома, 1892. Вып. 2. С. 62.

4. Смирнов В. Указ. соч. С. 37.
 5. Титов А.А. Патриаршее село Святославль и упразднённый Воскресенский Карашский монастырь в Ростовском уезде. Ярославль, 1887. С. 13.
 6. Смирнов В. Указ. соч. С. 33.
 7. Там же. С. 38.
 8. Там же. С. 32.
 9. В связи с приведённым выше преданием, отметим факт существования фольклорного произведения, записанного в 1991 г. в д. Сомихино Краснобаковского района Нижегородской области и связанного, по-видимому, с тем же местом (берег р. Ветлуги «Бабья гора»). Повествуя о деятельности «ватаги» разбойников, её «атаманши» и их ссоре по поводу «накопленного добра», сказание далее свидетельствует: «Тогда по доброму и справедливому казачьему совету бросили они все золото и другие богатства в реку. Но не вытерпело сердце атаманши. Жалко ей стало награбленного добра. Следом за золотом бросилась она в реку. С тех пор и живет там, сторожит свое золото» (Предания земли Нижегородской. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1997. С. 37.). Здесь мы видим пример трансформации содержания предания на одну тему, связанной с хронологической разницей записи. Любопытно, что, несмотря на наличие иного объяснения причины смерти предводительницы разбойничьей шайки, мотив неестественной смерти и связанного с ней «заложничества» в предании сохранён.
 10. Так, согласно преданию, записанному в Вологодской губернии начала XX в., в период Смуты польско-литовские интервенты-«паны» спрятали клад: «лежит он под треугольной плитой, под ней песочек мелконькой. Годов 15 тому назад собирались человек по 50-ти клад этот добывать, да тоже, видно, кладен с приговором, а отговору никто не знает. Копали, копали...запустят щуп: слышно, как бы в дерево ударяется и близко; покопают ещё столь же глубоко, потому: клад в землю уходит» (Мерцалов А. Паны в Вологодском крае в Смутное время // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1902. 1 июня. С. 312.).
 11. См., например: Криничная Н.А. На росстани: мифологема судьбы в фольклорно-этнографическом освещении // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 32, 40.
 12. Титов А.А. Указ. соч. С. 13.
 13. Вообще о признаках «чужого» мира см., например: Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Спб.: Наука, 1993. С. 185-186.
-

И.С. Плишина

Космологические воззрения русского крестьянина XIX - начала XX в. (по материалам загадок)

Мышление русского крестьянина XIX - начала XX в. отличалось двоеверным синкретизмом – с одной стороны, оно было религиозным, но в то же время в нем присутствовал значительный языческий элемент. Дохристиан-

ские воззрения можно обнаружить в суевериях, приметах, народной медицине, даже в декоре предметов обихода – в большинстве проявлений народной культуры. Христианские идеи добра и зла, вечной жизни, не могли вытеснить языческие верования по причине абстрактности, отсутствия связи с практической жизнью землепашца.

Лучше всего древние представления отражены в наиболее архаичных жанрах фольклора, связанных с магией, ритуалом. К таким жанрам относится и загадка. Она помогает найти партиципации – символические связи между предметами и явлениями, характерные для мифологического мировосприятия. К примеру, в загадках месяц изображается как краюшка хлеба, а серп – как упавший на землю месяц. Таким образом обнаруживается аналогия макрокосма и микрокосма, объектов мироздания и предметов утвари.

Антропо- и зооморфные представления о мироздании, вероятно, являются древнейшими. Наиболее типичен образ Матери Сырой Земли, воплощения плодородия (“Меня бьют, колотят, ворочают, режут. Я все терплю и добром плачу.”). Антропоморфны и солнце (“Красная девушка по небу ходит.”), месяц (“Пастух рогатый”). В одной из загадок небо названо Батюшкой, земля – Матушкой, месяц – Братцем. Это рудимент космогонического мифа о том, как Отец-Небо и Мать-Земля породили все сущее. Часто встречаются и зооморфные образы: “Сивый жеребец на все царство ржет” (месяц), “Белый бык в подворотню глядит” (солнце), “Поле не мерено, овцы не считаны, пастух рогат” (небо, звезды, месяц). Небо и небесные тела ассоциируются с конем, быком (так как небо – источник плодородия, а бык и жеребец – символы мужской сексуальной силы).

Следующий комплекс космологических загадок связан с мифологемой Мирового Древа и с троичной системой мира, а также с отождествлением космических элементов с предметами домашнего хозяйства. Ось Космоса воплощена в образе Мирового Древа (“дуб-стародуб”, “дуб веретенский”, “яблоня”, “дерево райско”), а также реализуется в загадках как “брус”, “столб от земли до неба”, гора (например, Сион). Верхушкой Древа иногда изображается солнце: “Стоит дуб: одна половина сырая, другая сухая, золотая маковка”. Кроме того, оно выступает как колесо, клубок, коклюшка. Вообще, элементы Космоса часто отождествляются с предметами обихода: “Висит котел в 90 ведер” (месяц), “Постлана рогожка, посыпано горошку” (небо, звезды), “Сито вито гвоздями убито” (звезды). Небо изображено в виде покрытия (шубенки, рогожки), емкости (корыта, сита, котла), куда помещены светила и дождь. Также оно мыслилось как твердь с воротами для выхода светил и дождя. Звезды изображены как однородные дисперсные тела (огурцы, горох, репа), либо как нечто единое (стакан, кушак, кувшин бисера), либо как отверстия в небосводе, через которые пробивается свет.

Загадки о времени мы также относим к космологическим, т.к. время в архаичном сознании неотделимо от пространства, сливаясь с ним в категорию хронотопа. В загадках время – понятие высоко абстрактное – заменяется более очевидной категорией пространства. К примеру, год обычно вы-

ступает как протяженный объект (“брус во всю Русь”, “столб до небес”, колода), а месяцы, недели, дни – как небольшие дискретные тела (гнезда, яйца).

Особое место в космогонических воззрениях крестьянства XIX - начала XX в. традиционно занимает образ царя: “Пастух стадо пасет, редко видит”, “На поле Романовом \ Много всего, и скота рогатого; \ Один пастушок \ Ровно жемчужок”, “Летел орел, \ Сел на престол, \ Разговаривал: “Господи Боже! \ Дал ты мне волю \ Над всей землею, \ Только не дал воли \ Над ветром в поле, \ Да над рыбой в море”. В первых двух загадках есть аналог с месяцем (он тоже выступает как пастух) и даже Иисусом Христом; вторая загадка по схеме повторяет загадки о смерти и о звездах. То есть царь мыслился как еще один элемент Космоса, относящийся скорее к сакральному миру, чем к профанному, земному.

Итак, очевидно, что загадки дают нам обширнейший материал для изучения народных представлений о Космосе в XIX - начала XX в. Они свидетельствуют о том, что восприятие миропорядка было в значительной степени архаичным и мифологизированным. Причиной тому является тесная связь между такого рода воззрениями на природу и традиционным сельскохозяйственным циклом работ, народным календарем, остававшимся основой жизни крестьянина.

А.А. Нуждина

О социально-психологическом облике российского крестьянина

Отражение земледельческой деятельности в ценностях крестьян

Крестьяне сильно отличались от рабочих по роду своей деятельности. Во-первых, крестьянин был не только работником, но одновременно и хозяином, и в свое хозяйство он вкладывал не только физические силы, но и умственные. Во-вторых, крестьянин был независим не только от работодателя, но и от государства в целом. Вот, например, что говорил о земледельческом труде один подмосковный крестьянин: "Деревенская жизнь – разлюбозное дело. Ты на каждом шагу сам себе господин. Отдал старосте оброк, – никакой черт к тебе не подступит, а постарайся, и оброк будет из чего взять. Все зависит от себя, и что ни сделаешь, все для себя. Работа у тебя честная, а раздолье-то какое! <...> Пашешь ли, косишь ли, - отойди, обожгу! Другие говорят "тяжело". Как будешь считать, а то все покажется тяжело, даже на постели лежать. А я то думаю: действительно, порой бывает тяжело, да слободно". В-третьих, в отличие от большинства промышленных

работ крестьянский труд не был примитивен и однообразен, в течение всего года работы менялись, и каждая требовала своего навыка и опыта и в каждой работе существовали свои артисты.

Кроме того, по роду своей деятельности крестьянин был более близок к природе, чем к обществу, и очень тонко чувствовал эту близость. При этом, с одной стороны, крестьянин целиком зависел от погоды, которая не подчинялась никаким законам логики. С другой стороны, он понимал, что без его деятельности урожая не будет. Благодаря этой двойственности, крестьянин не мог легко воспринять идею частной собственности на землю, поскольку владелец поля растил урожай не сам, а только вместе с солнцем, ветром и дождем. Его личный труд только содействовал этому процессу. Поэтому земля понималась крестьянином в первую очередь как условие труда, а не как собственность, и поэтому земля не подлежала завещанию и наследованию.

Итак, условием присвоения продуктов земли становился труд на ней. Именно труд признавался крестьянами как единственный и справедливый источник собственности. Причем к "трудовому" праву собственности крестьяне относились с глубоким и трепетным уважением. Трудовой принцип регулировал и хозяйственную, и семейную, и общественную жизнь и формировал юридические воззрения крестьян. А это обособляло крестьян от остального общества, обычное право было основано на трудовом принципе, гражданское – на неприкосновенности частной собственности.

Таким образом, крестьяне, являясь частью общества, до некоторой степени выпадали из него, благодаря преобладающим отношениям с природой. А по роду занятий крестьянин очень сильно отличался и от рабочего с его зависимостью от работодателя, и от работодателя, ориентированного на извлечение максимума прибыли. Для крестьянина земледелие являлось не столько профессией, сколько образом жизни. Свое хозяйство он рассматривал не как источник прибыли, а как вещь самоценную, он стремился не к богатству, а к достатку, но в рамках своего хозяйства.

Социальные истоки крестьянской религиозности

Поскольку религиозные верования в значительной мере обуславливаются социальными и экономическими условиями жизни, то религией крестьянства, с точки зрения хозяйственного уклада, является язычество. Жизнь крестьянина зависит в первую очередь от урожая, то есть природных условий, поэтому главные религиозные действия – это магические заклинания и обряды, помогающие умилостивить стихию. Так что христианство, чтобы завоевать свой авторитет в крестьянской среде, вынуждено было ассимилировать элементы язычества.

По своему социальному статусу крестьянство являлось еще и наиболее бесправным сословием. Христианство же, с его ориентированностью на потустороннее воздаяние, является религией угнетенных сословий. Поэтому оно было близко мировосприятию крестьян тем, что восстанавливало социальную справедливость; освящало крестьянский труд как божественную

миссию и этим поднимало социальный статус крестьянина в его глазах; перекладывало ответственность за проблемы и их решение на волю бога взамен более истовой веры. По причине безграмотности народную веру не сковывали рамки догмы, поэтому из многочисленных религиозных пластов крестьянство отбирало самые насущные элементы. Таким образом, крестьянское православие представляло весьма специфическую деревенскую версию официального вероучения.

Социально-экономические потрясения второй половины XIX в. оказали сильное влияние на крестьянское мировоззрение. Это вызывало две тенденции. Во-первых, в связи с развитием промышленного отхода все большая доля крестьян превращалась в рабочих на постоянной основе, у них формировалась пролетарская психология. Рабочие же по своей социальной природе слабо религиозны, поскольку их экономические интересы основаны на вполне предсказуемых факторах. Их светское мировоззрение оказывало влияние на деревню, поэтому обыденная религиозность крестьян снижалась. Во-вторых, развитие рыночных отношений, усиливавшееся влияние города расширяло кругозор крестьянства, уменьшало безусловность верований, освященных традицией. Кроме того, к концу XIX в. постепенно увеличивается уровень грамотности крестьянства. Чтение порождало вопросы, но официальная церковь не могла удовлетворить новые духовные интересы крестьян. Политика Синода была направлена на опрощение сельского клира, что вело к снижению авторитета духовенства в глазах крестьян и уменьшению интереса к официальной церкви.

Эти факторы порождали уменьшение обыденной религиозности, что вело либо к равнодушию к религии вообще, либо к увеличению интереса к этической стороне религиозного учения и неофициальным религиозным течениям.

Е.А. Тихонова

Трансформация мужского крестьянского костюма во второй половине XIX в.

В основу настоящего сообщения положены архивные материалы ряда фондов Государственного архива Ярославской области (далее – ГАЯО), связанные с разделом, описью имущества, кражами, убийствами в крестьянской среде. Кроме того, в качестве источника были привлечены произведения русских писателей и поэтов второй половины XIX в. В названных документах мы находим сведения об одежде низших слоев городского населения и жителей деревни. В отличие от дворянского костюма эволюция мещанской и крестьянской одежды в большей мере зависела от социальных изменений, вызванных развитием промышленности и товарообмена.

Говоря о причинах изменения форм традиционного народного костюма, необходимо отметить значение городов, которые издавна вносили заметный вклад в развитие национальных форм материальной и духовной культуры. Отсюда в деревню приходили новые товары и новые вкусы. Именно благодаря воздействию городской культуры гардероб крестьян во второй половине XIX в. пополнился целым рядом вещей, имеющих иностранное происхождение. Судя по содержанию уголовных дел Ярославского окружного суда, в 60-е гг. XIX в. в обиход крестьян входит жилет¹. Свидетельства об этом появляются и в литературных произведениях. Так, у Н.А. Некрасова при характеристике Егорки Шутова находим следующие строки: “На шее красный шелковый / Платок, рубаха красная, / жилетка и часы”². Поскольку жилет являлся новой, а значит, модной составной частью костюма, носили его преимущественно в праздничные дни.

Во второй половине XIX в. практически среди всех сословий получает распространение и пиджак. Низшие слои городского населения (крестьяне, рабочие, мещане) носили и так называемые пиджачные пары, состоявшие из пиджака, брюк и жилета³. Подобный костюм был распространен в это время и среди дворян, богатой буржуазии. Мещане же и крестьяне могли себе позволить купить модные пиджак и брюки, сшитые из недорогой ткани или уже поношенные и выставленные на продажу по низкой цене. Чаще всего такой товар можно было приобрести на базаре. В.А. Гиляровский упоминает об одной из подобных “толкучек” в Москве у Китайской стены: “Все это – товар дешевый, главным образом русский: шубы, поддевки, шаровары и пиджачные и сюртучные пары, сшитые мешковато, для простого люда”⁴. Среди перечисленного “русского товара” автор называет и поддевку. Этот вид одежды был привнесен в крестьянский гардероб из костюма мещан и купцов. Обычно под поддевкой носили рубаху. Этот вид одежды продолжал бытовать среди крестьян до конца XIX в. Крой рубахи-косоворотки оставался традиционным, и только домотканое полотно постепенно было заменено фабричными ситцами⁵.

Типично крестьянской одеждой во второй половине XIX в. продолжал оставаться армяк. Шили его из желтого, серого или черного сукна: “На Яшке был новый, тонкий армяк из серого сукна...”⁶. Несмотря на замену ткани (армячины), крой армяка остался традиционным. У Н.А. Некрасова читаем: “В армяке с открытым воротом, / С обнаженной головой, / Медленно проходит городом / Дядя Влас – старик седой”⁷. Ряд исследователей полагает, что кроме вышеописанного воротника-шали в Ярославской губернии был распространен стоячий воротник на армяке.

Таким образом, процесс внедрения в крестьянский костюм новых тканей, фасонов и видов одежды происходил при сохранении его традиционной основы. Благодаря этому базовые элементы русского народного костюма оставались в гардеробе крестьян на протяжении всей второй половины XIX века.

➤ Примечания

1. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 85, 98, 87, 413, 1889 и др.
2. Некрасов Н.А. Избранные сочинения. М., 1987. С. 571.
3. Ривош Я.Н. Время и вещи. М., 1990. С. 165.
4. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 79.
5. ГАЯО Ф. 346. Оп. 4. Д. 45, 3256, 87, 189 и др.
6. Тургенев И.С. Записки охотника: Певцы. Тула, 1976. С. 105.
7. Некрасов Н.А. Влас. Избранные сочинения. С. 68.

Е.А. Тихонова

Провинциальный городской костюм средних классов России второй половины XIX в. (на примере мужского костюма)

Русский городской костюм второй половины XIX в. не имел ясно выраженного сословного характера. Преобладание в Ярославле этого времени мещанского и купеческого населения, не утратившего живых связей с традициями национальной культуры и быта, наложило своеобразный отпечаток на понимание и интерпретацию западноевропейской моды в городской среде¹.

С середины XIX столетия прослеживается стремление части купцов «облагородиться». Однако они продолжали сохранять корпоративное достоинство и, даже надевая общеевропейскую одежду, непременно чем-нибудь во внешнем облике подчеркивали свою соотнесенность с сословием. Это проявилось в костюме мещан и купцов 1830 - 1840-х гг.

Костюм становится зеркальным отражением внешних изменений, которые произошли в среде русского купечества второй половины XIX в. Все большее число лабазников и лавочников не только иначе и масштабнее стали вести свои дела, но и стали отказываться от традиционной мужской одежды: кафтанов, сибирок, чуек и т.д. – этого требовало от них время. Однако для подавляющей массы мещан и купцов русская одежда по-прежнему оставалась не только знаком национальности и сословия, но и утверждала принципиальную традиционность купеческого быта, которая и составляет его разнообразие. Своеобразие купеческо-мещанского костюма заключалось главным образом в сочетании вещей. Некоторые из них были заимствованы из господской моды; другие имели крестьянское происхождение. Традиционный купеческий костюм в этом смысле исключительно ярко отражал социальное положение купечества, вышедшего из крестьянства и добравшегося до положения господствующего класса.

Представителей средних городских слоев отличал следующий характерный набор вещей: длиннополый сюртук, чуйка или сибирка, жилет, рубаха, картуз и ботфорты с кисточкой, скрывающие в себе оконечности брюк. Такое сочетание предметов одежды стало классическим при создании литературного образа купца. Знарок купеческого быта XIX в. В.А. Гиляровский не раз прибегает в своих произведениях к описанию костюма горожанина: «Хлудов ходил обыкновенно в высоких сапогах, в длинном черном сюртуке и всегда в цилиндре», «Савельев думал себя гордо, не смотря на длиннополый сюртук и сапоги бутылками»².

Известно, что сюртук как род одежды появился в конце XVIII – начале XIX в. и сначала был верхней одеждой. Часто сюртук одевали во время верховой езды. С начала XIX в. сюртук стал более распространенной одеждой³. В 1860 - 1880-е гг. сюртук являлся неотъемлемой частью мещанско-купеческого костюма.

Купцы носили сюртуки длинные, застегивающиеся на четыре пуговицы по борту, лацканы их были без шёлка. Зачастую купеческие сюртуки обшивались по вороту и отворотам тонкой шелковой тесьмой или «жгутиками». При пошиве использовали обычно креп или сукно. Сюртуки, предназначенные для холодной погоды, утепляли овчинным мехом⁴.

Среди богатого купечества, еще не отказавшегося от традиционного костюма, предметом особого щегольства являлась чуйка из дорогого сукна с ценным мехом⁵.

Не меньшей популярностью среди купцов и мещан во второй половине XIX в. пользовался пиджак. Несмотря на то, что пиджачный костюм подразумевал ношение нешироких внизу длинных брюк с ботинками, купцы отдавали предпочтение широким штанам типа шаровар. Для их изготовления использовали креп, сукно, треп, плис в цвет пиджака или сюртука⁶. Брюки купцы заправляли в сапоги.

Под пиджак, сюртук, чуйку надевали косоворотку. Рубаху носили на выпуск, подпоясывались шёлковым шнуровым поясом с кистями. Дома носили косоворотку, надетую под жилет. Эта модная деталь, разнообразившая мужской костюм, уже с середины XIX столетия стала обязательной составной частью гардероба горожанина⁷. Необходимо отметить, что купцы и мещане носили жилеты с более глухим вырезом по горловине, чем того требовала мода.

Во второй половине XIX в. значительно разнообразнее становится набор верхней уличной одежды средних слоев горожан, предназначенной для ношения в холодное время года. Кроме традиционных шуб и тулупов, купцы носили одежду, первоначально бытовавшую в кругу дворян и бюрократии: суконные плащи с меховыми воротниками, драповые двубортные пальто, часто покрытые бархатом⁸.

Наряду с верхней одеждой городского типа зимой мещане и купцы продолжали носить характерные для русского народного костюма шубы, армяки и тулупы.

Как свидетельствуют источники, овчинные шубы и полушубки в городском быту практически полностью были вытеснены енотовыми, лисьими и бобровыми, обязательно покрытыми сукном. Наиболее распространенным был мех рыжей лисы. меховые шубы застегивались на петли, сделанные из шкурки⁹.

Гардероб провинциального мещанина и купца второй половины XIX в. невозможно представить без тулупа. Этот вид одежды не претерпел серьезных изменений под влиянием костюма городского типа. По-прежнему основным сырьем для изготовления тулупов служила овчина¹⁰.

Тем не менее в отделке тулупов проявилось своеобразие купеческого видения моды и красоты. Встречаются примеры, когда тулупы украшал бобровый или лисий воротник. Вероятно, таким образом купцы пытались подчеркнуть уровень своего социального и экономического положения. Дороговизна используемого меха отчасти сближала их с привилегированными сословиями. Вместе с тем традиционная форма, крой, материал тулупа делали очевидными корни, связывающие представителей купеческо-мещанского сословия с крестьянским бытом. Это нашло отражение в манере ношения вещей, их сочетании. В качестве примера приведем отрывок из дела об ограблении мологского мещанина А. за 1866 г.: «У ворот дома появился А., одетый в дубленый новый полушубок, сверху на нем армяк синего сукна на нанковой подкладке голубого цвета, тулуп на овчинном черном меху, обшитый синим сукном»¹¹.

Таким образом, сочетание разных по происхождению вещей, разных по стоимости и качеству материалов, используемых при их пошиве, заметно отличало купеческую костюмную традицию второй половины XIX столетия от одежды других сословий.

➤ Примечания

1. Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 г. / Под ред. А.М. Пономарёва и др., Ярославль: Верх.-Волжс. кн. изд-во, 1990. С. 246.

2. Гиляровский В.А. Сочинения в 4-х т. Т. 4: Москва и москвичи; Стихотворения. М.: Терра, 1997. С. 118.

3. Ривош Я.Н. Время и вещи. М.: Искусство, 1990. С. 103.

4. ГАЯО. Ф. 150. Оп. 2. Д. 7065. Л. 3; Ф. 230. Оп. 4. Д. 29. Л. 3. Ф. 346.

5. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 113907. Л. 4; Д. 1280. Л. 7; Д. 11892. Л. 3.

6. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 1256. Л. 6; Оп. 4. Д. 180. Л. 85.

7. ГАЯО. Оп. 4. Д. 180. Л. 185; Д. 189. Л. 74; Оп. 5. Д. 1256. Л. 6.

8. ГАЯО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 5988. Л. 34; Ф. 346. Оп. 4. Д. 92. Л. 3.

9. ГАЯО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 5365. Л. 4; Д. 5519. Л. 3; Д. 11892. Л. 13.

10. ГАЯО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1496. Л. 3; Д. 5519. Л. 3; Д. 1672. Л. 4.

11. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 2. Д. 1474. Л. 3; Д. 4009. Л. 4.

О.В. Князева

Деятельность Московского археологического общества по сохранению памятников старины в XIX в.

История охраны памятников является важной частью музейного дела, а также и истории культуры. Поэтому исследование данной проблемы позволяет проследить, как складывались принципы и методы охраны памятников, многие из которых не потеряли своей значимости до наших дней.

Имеющиеся у нас в распоряжении источники свидетельствуют о многочисленных случаях разрушения памятников. Как указывал председатель МАО граф А.С. Уваров, «памятники уничтожались скорее от рук неопытных восстановителей, чем от разрушающей силы времени, часто даже спасение памятника было его погибелью». Большой ущерб наносило археологическим памятникам отсутствие достаточно эффективного контроля над раскопками.

Поэтому создание такого общества, которое взяло бы на себя функции выявления, изучения и сохранения памятников старины, было очень актуальным в середине XIX в.

МАО было основано 17 февраля 1864 г. Уже на первом заседании Общества А.С. Уваровым были определены основные его цели: «Пусть чувство народности поможет нам уничтожить равнодушие к отечественным древностям... Тогда мы будем уметь ценить всякий остаток русской старины... К такому возбуждению всеобщего сочувствия должны стремиться все наши ученые Общества».

МАО понимало необходимость единого государственного контроля за охраной памятников старины, освобождение их от контроля различных ведомств. С этой целью Обществом в 1869 г. был разработан проект положения об охране памятников старины, который предусматривал деление страны на пять округов. В каждом округе устанавливался бы блюститель, который представлял Обществу отчет о состоянии памятников вверенной ему губернии. Но этот проект не смог преодолеть ведомственных преград и так и остался на бумаге.

Для более качественного подхода к делу охраны памятников в рамках МАО была создана специальная Комиссия. В ее состав вошли такие деятели, как П.С. Уварова, И.Е. Забелин, В.Е. Румянцев. Кроме осмотра текущих дел по охране, в обязанности Комиссии входила также и реставрация памятников архитектуры.

Охрана памятников была связана со многими трудностями. Главной из них было незнание и непонимание большинством священнослужителей значения памятников древности для сохранения памяти о прошлом своей

страны. По сообщениям заведующих имуществом приходских церквей и монастырей, “неправильно применялось к предметам древности общее правило, по которому церковная утварь, прослужившая известное число лет, обращается за непригодностью в лом. Под этим предлогом продавались целые корзины церковного имущества”.

Поэтому Общество обратилось к обер-прокурору св. Синода К.П. Победоносцеву, чтобы он разъяснил духовенству и остальным лицам, имеющим на хранении предметы древности, что подобные памятники должны быть сохраняемы не только как украшение церкви, они должны быть изучаемы как часть русского искусства и культуры. МАО подчеркивало, то, что для человека неподготовленного не представляет никакого интереса и кажется вещью совершенно обыкновенною, может, напротив, в руках ученого, пролить новый свет на историю русского искусства”. МАО так же просил К.П.Победоносцева, что если какую-то вещь хотели уничтожить священнослужители, то они должны были сначала предоставить ее в Императорский музей, который, оценив вещь, приобретет ее за деньги. В этом же отношении МАО указывало на необходимость разъяснения священнослужителям, что они не имеют права отдавать посторонним лицам на руки вещи и предметы из церкви. В ответ на это отношение последовал отказ К.П. Победоносцева.

Общество активно участвовало в учреждении музеев и древлехранилищ. Оно брало на себя издание объемных каталогов, занималось их финансовой поддержкой. Среди созданных МАО музеев и древлехранилищ следует назвать Тульское епархиальное древлехранилище, Грузинское древлехранилище, а также Ростовский музей.

Одной из главных заслуг МАО являлась организация Археологических съездов, которые развивали местную науку, приобщали к охране памятников широкие слои населения.

Таким образом, МАО была проделана колоссальная работа по выявлению, систематизации и охране памятников, особенно памятников церковной старины. МАО были определены основные теоретические позиции по проблеме охраны памятников, организованы принципы охраны памятников, многие из которых вошли в современные Положения. Не будь МАО Россия не досчиталась бы множества памятников, которые вошли затем в историю отечественной и мировой культуры.

Д.П. Морозова

Образовательная и просветительская деятельность музеев Ярославской губернии в 1920-е гг.

Первые послереволюционные годы войдут в историю отечественной культуры как время небывалого расцвета музейного дела. В губернских и уездных городах создавались музеи местного края для всестороннего изучения родного края, спасения ценных предметов и памятников искусства и старины, а также для просветительской и образовательной работы.

Провинциальные музеи в этот период можно разделить на две категории в соответствии с условиями организации экспозиций:

1) музей со строгой системой экспонирования, специализирующийся на одной или двух областях знания (Художественный музей, Естественно – исторический музей, Сельскохозяйственный музей);

2) "народный" музей, в котором были представлены разнообразные и часто не связанные между собой предметы, имеющие художественное и историческое значение.

Специализированный музей, как правило, состоял из нескольких отделов, его экспозиции были хорошо и логично продуманы, пополнение его фондов шло достаточно целенаправленно. Так например, в Историческом музее г. Ярославля, открытом в 1920 г., к 1925 г. работало 3 отдела. Историко-этнографический отдел (отдел быта) представлял преимущественно быт русского севера и ярославской земли. Он делился на подотделы – археологии, железа, резьбы по дереву и др. Художественный отдел представлял собой собрание картин и скульптуры русской школы и небольшой подбор художественной мебели и фарфора. Отдел религиозного культа (отдел древнерусского искусства) содержал в себе отделение художественных церковных ценностей, зал древней иконописи и реставрационную мастерскую. Кроме того, к последнему отделу были прикреплены храмы города, переданные Губмузею¹. Каждый отдел возглавлял сотрудник музея, отвечающий за его работу.

"Народный" музей, как правило, был небольшим и занимал одну или две комнаты. Музей представлял и крестьянскую жизнь, и дворянский быт, и природу местного края. Например, Норский музей местного края (открыт осенью 1925 г.) размещался в 2 комнатах, предоставленных Норско-посадской школой I ступени. Экспонаты музея были тематически разделены на "группы": природа, экономика (сельское хозяйство, промышленность, кооперация, ремесла и промыслы), история революционного движения, история народного образования, быта и творчества. Для размещения материалов экспозиций из членов Норского научного общества назначались руко-

водители. Это был их первый опыт музейной работы, и поэтому некоторые "группы" были не очень удачно скомплектованы².

Несмотря на различия в организации работы провинциальных музеев, одним из важных направлений их деятельности в 1920-е гг. становится организация просветительной и образовательной работы среди населения.

В состав посетителей музея входили главным образом учащиеся школ, воспитанники детских домов и детских садов. Также посетителями музеев являлись служащие профессиональных организаций, красноармейцы, рабочие и крестьяне. Руководителями экскурсий обычно был сам заведующий музеем или его сотрудники. Весной и летом, когда количество экскурсантов увеличивалось, в музей на работу приглашались внештатные сотрудники и студенты. Осмотреть экспозицию отдельные посетители могли в присутствии научного сотрудника или служителя музея.

Реализация поставленной задачи по образованию и просвещению местного населения в музее шла несколькими путями.

Во-первых, каждый экспонат имел пояснительный текст, а для тех, кто не умел читать, экскурсовод давал пояснения в зависимости от возраста и уровня образованности посетителей³. Многие школьные экскурсии приходили со своими руководителями, которые предварительно инструктировались служащими музея.

Во-вторых, при музее устраивались лекции, проводились беседы и для небольшого количества слушателей. Так, в работе Пошехоно-Володарского городского музея особое внимание уделялось организации краеведческих кружков в уезде с участием школьных работников⁴.

В третьих, сотрудники музея совместно с местными научными обществами организовывали выездные экскурсии по уездам. Так, Ростовский музей провел ряд экскурсий по Ростову и окрестностям, в ходе которых были осмотрены церкви Иоанна Богослова на Шике, монастыри. В этих экспедициях участвовали не только научные сотрудники, но и все желающие. Самая большая экскурсия, в которой приняло участие 200 человек, была проведена в Яковлевском монастыре⁵. Сотрудники музея им. Н.Н. Розова в г. Мологе совместно с членами Мологского научного общества проводили обследование памятников старины и брали их на учет, устраивали экспедиции на молочный луг, в Иловну и другие имения, на месте изучали образцы юрских отложений. В таких выездных экспедициях также принимали участие не только специалисты, но и все желающие, для которых читались лекции по теме прямо на месте выезда⁶.

В четвертых, экспонаты музеев использовались преподавателями и учащимися местных школ и университета в образовательных целях. Коллекция Естественно – исторического музея г. Ярославля использовалась для научных занятий специалистов и для демонстрационных целей по зоологии, энтомологии и ботанике в университете. Пользовалась орнитологической коллекцией музея и группа школьников из 5 человек занимающихся работой по определению певчих птиц. Молодые ученые Рыбинского научного

общества работали над систематизацией коллекций и материалов по ихтиологии Рыбинской и Ярославской губерний⁷.

Интересы посетителей музеев были различны. Из всех отделов Исторического музея большой интерес вызывали коллекции деревянной резьбы, оружие; шитье и ткани в Музее древнерусского искусства⁸. В Естественно-историческом музее внимание привлекали отделы млекопитающих, сравнительной анатомии и эмбриологии с уродствами и палеонтологии⁹. Посетители Пошехоно-Володарского городского музея обращали внимание на представленные образцы хлеба и муки, употреблявшихся в Поволжье во время голода 1920 - 1921 гг., коллекцию чая эпохи нэпа, модель баржи и самогонный аппарат¹⁰.

Большое значение для доступности музеев имела входная плата. В 1923 г. в целях обеспечения музеев материальными средствами на неотложные нужды и экстренные расходы, не обеспечиваемые государственным бюджетом, в соответствии с инструкцией "О взимании входной платы в музеях" была установлена плата за посещение открытых музейных залов в размере не выше 10 коп. золотом с одиночного посетителя и 5 коп. золотом с каждого участника экскурсии¹¹. По инструкции Наркомпроса предполагался ряд категорий посетителей, которые освобождались от входной платы: дети дошкольного возраста (до 9 лет) в сопровождении взрослых, студенты литературно-художественного отделения ФОНа и студенты вузов изобразительного искусства, лица, занимающиеся научной работой по материалам музея и др. Кроме того, часть экскурсий проходили бесплатно. Установлен был и особый день бесплатного помещения музея для рабфактовцев, учащихся и красноармейцев¹².

Но, несмотря на все вышеперечисленные меры посещаемость музеев после 1923 г. падает. Это было связано, как и с введением платы за вход, так и с тем, что у местного населения понизился интерес к постоянным меняющимся экспозициям музеев. Постоянными и активными экскурсантами по-прежнему оставались члены научных обществ, краеведы школьники и учащиеся.

Музей становится центром, объединявшим вокруг себя любителей истории, природы, искусства. Выполнение провинциальным музеем задач просвещения и образования местного населения, несмотря на все трудности в работе, делало его также учебным и научным центром.

➤ Примечания

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО) Ф. 1007. Оп. 1. Д. 1. Л. 45. Пояснительная записка к смете Ярославского исторического музея за 1923 - 1924 гг.; Л. 103. Годовой отчет Ярославского губернского исторического музея. 1921 - 1922 гг.

2. Там же. Д. 43. Л. 21. Сообщение Норского научного общества в Губмузей. 1925 г.; Л. 27 Сообщение в Ярославский уездный исполнительный комитет. 1924. дек.; Л. 91. Доклад об образовании Норского музея. 1925 г.

3. Там же. Л. 114. Годовой отчет Тутаевского музея за 1924 - 1925 гг.

4. Там же. Д. 30 Л. 44-44 об. Состояние Пошехоно-Воложарского музея. 1924 г.
 5. Там же. Д. 2. Л. 4. Отчет Ростовского музея за 1919 г.
 6. Там же. Д. 43. Л. 130-133 об.
 7. Там же Ф. 221. Оп. 1. Д. 154. Л. 18 Отчет о деятельности Естественно-исторического общества и музея за 1921 г.
 8. Там же. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 3 Л. 45 об. Ответы на вопросы годового отчета музея за 1923 - 1924 гг.
 9. Там же. Л. 70. Отчет о деятельности Естественно – исторического музея за 1923 - 1924 гг.
 10. Там же. Д. 30 Л. 74-74 об. В Губмузей. 1924. 18т авг.
 11. Рыбинский филиал ГАЯО (РФ ГАЯО) Ф. 429. Оп. 1. Л. 2 об.
 12. ГАЯО. Ф. 1400 Оп. 1. Д. 3. Л. 45 об.
-

Д.Е. Озерова

О становлении и развитии музейной педагогике

Понятие «музейная педагогика» относится к тем явлениям, о которых принято говорить «это хорошо забытое старое». Еще каких-нибудь 5 - 7 лет тому назад оно не было известно широкому кругу специалистов музейного дела в нашей стране, хотя впервые о нем стали говорить в России уже в 1970-е гг.

В 1968 г. в г. Москве и в г. Ленинграде проходила конференция Международного совета музеев (ИКОМ)¹. В ней приняла участие “Рабочая группа музейной педагогики” из ГДР, благодаря которой российские музееведы познакомились с взглядами и идеями музейных педагогов Восточной Германии². Но еще в начале XX в. отечественным музейным работникам были хорошо известны труды немецких специалистов А. Лихтварка, К. Фолля, стоявших у истоков зарождающихся отношений между музеем и образованием, воспитанием. Речь идет о деятельности А.В. Бакушинского, Н.И. Романова, Ф.И. Шмита.

А. Лихтварк (A. Lichtwark) был директором Кунстхалле (художественного музея) в Гамбурге, работал на рубеже XIX – XX вв. В музейное дело он пришел из педагогики, поэтому изначально считал, что музей, как и школа, является местом обучения. Лихтварк ввел понятие «музейные диалоги» – ведение экскурсии по принципу диалога с посетителем. Его последователем стал А.В. Бакушинский («Музейно-эстетические экскурсии», 1919 г.). Посетителя он рассматривал не как «объект воздействия», а как полноценного партнера. 1920-е гг. в России с легкой руки А.В. Бакушинского называли «веком ребенка», потому что каждая область науки в то время занималась вопросом изучения ребенка, а в музейной работе выделилось особое «дет-

ское» направление. Н.И. Романов, хранитель Румянцевского музея в Москве, предлагал в музее для взрослых сделать детский отдел – несколько комнат, в которых дети могли бы чувствовать себя уютно и свободно. Ф.И. Шмит предлагал даже создать особые музеи детского творчества. По его мнению, «детей нужно воспитывать не в тесном душном классе, а везде: в живой природе, во всевозможных мастерских и повсюду, где дети могут почерпнуть полезный опыт»³. Конечно, «почерпнуть полезный опыт» дети имеют возможность прежде всего в музее. Такой мысли придерживались в России в первые годы советской власти.

В 1920-е гг. в нашей стране произошел первый всплеск интереса к детским музеям. Тогда возникает и развивается новая модель детского музея – «игромuzeя», что связано с деятельностью трех замечательных личностей. Н.Д. Бартрам организовал в тяжелое время гражданской войны первый детский музей в нашей стране – Музей игрушки (1918 - 1931). А.У. Зеленко был создателем, к сожалению, неосуществленной идеи Детского дворца (с детским музеем, театром, местами отдыха и т.д.), а также организатором четырех выставок для детей («Для детей – про зверей», «Что чем движется», «Как учились прежде и учатся теперь», выставка к юбилею детской книги, 1925 - 1929 гг.). Я.П. Мексин работал директором Музея детской книги (1934 - 1941 гг.). И музеи, и выставки для детей были созданы с учетом детской психологии – опорой на эмоциональное восприятие информации, активность ребенка. На экспозиции применялись «музейные игры». Например, в музее Н.Д. Бартрама дети могли принять участие в играх: «Зоологический сад», «Центральный городской рынок», «Главодежда». Игра «Изба богатого крестьянина», которую придумали дети – посетители музея, на выставке декоративного искусства в г. Париже в 1925 г. получила диплом. В Музее детской книги функционировала своя типография, где дети могли напечатать книжку. Игровой момент в детском музее – важный способ внедрения ребенка во взрослую жизнь. Проигрывая различные ситуации, дети получают ориентацию в жизни, в обществе. Оба детских музея произвели впечатление на зарубежных коллег. В США, в Италии, Германии в то время в прессе появился ряд восторженных статей и откликов о работе музеев.

Можно привести пример создания детских музеев в рассматриваемый период не только в столице, но в провинции. В 1922 - 1924 гг. музей детского творчества существовал в г. Рыбинске Ярославской губернии. В музее работали для детей несколько кружков: вышивания, выжигания, выпиливания, конструирования, рисования, аппликации. Коллекцию музея составляли в основном сделанные детьми поделки. В музее устраивали праздники, в подготовке которых принимали участие дети: шили костюмы, рисовали декорации. Для школьников устраивали экскурсии⁴.

К сожалению, модель детского музея, основной идеей которого было воспитание мыслящего, опирающегося на свои силы и инициативного человека, просуществовала в нашей стране недолго, так как стала плохо вписы-

ваться в наступавшую идеологию всеобщего стандарта и подчинения. Тем не менее опыт первых музеев для детей можно назвать яркой страницей советского музееведения. В современных условиях она потребовала дальнейшего развития.

Возрождение интереса к детским музеям происходит в нашей стране в 1990-е гг. Через полвека после создания музеев Бартрама и Мексина в 1993 г. появился Детский музей в молодом городе Ноябрьске Тюменской области⁵. Совсем недавно этот уникальный во всех отношениях музей постигло большое несчастье. В декабре 2000 г. пожар уничтожил практически все фонды, экспозицию, библиотеку, компьютерный класс, мастерские. Музей просит помощи⁶.

По примеру города Ноябрьска во многих городах России стали создаваться детские музеи, детские музейные центры: Москве, Санкт-Петербурге, Петрозаводске, Смоленске, Иваново. В декабре 1999 г. в музее-усадьбе Н.А. Некрасова «Карабиха» открылся первый в Ярославской области, наверное и в стране, *детский литературный* музей. Он называется «Музей деда Мазая». Автор и руководитель проекта – заведующая отделом музейного маркетинга и массовой работы Т.А. Полежаева. В ближайших планах отдела «Музейная педагогика» Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника также намечено создание детского музея на территории существующего музея для «взрослых»⁷. По прогнозам специалистов интерес к детским музеям растет во всем мире.

Создание и деятельность детских музеев – это лишь одно из проявлений сути музейной педагогики. Для полноценного объяснения термина «музейная педагогика» трудно найти четкое определение. Оно выглядело бы очень объемно, поскольку в широком смысле музейная педагогика подразумевает проведение воспитательно-просветительной работы не только с детьми дошкольного и школьного возраста, но и среди разных категорий посетителей музея, отличающихся друг от друга и по возрасту, и по интересам, и по профессии. В настоящее время в нашей стране музейная педагогика одновременно является определенным видом деятельности музея (работа с посетителями, главным образом с учащимися) и научной дисциплиной. Есть ряд объяснений, почему сложилась такая двойная ситуация.

Сейчас формируется новая образовательная концепция отечественного музея, т.е. система представлений о назначении музея в обществе и сущности его работы с посетителями. Музей должен отказаться от прежних жестких идеологических установок и сформировать у посетителей ценностное отношение к культурно-историческому наследию. Кроме того, музей меняет отношение к своей аудитории. Посетитель для музея становится не просто тем, кого необходимо обучать и воспитывать с помощью монолога экскурсовода. Посетитель теперь может с помощью музейного педагога стать активным участником процесса, происходящего в музее. Для этого надо найти индивидуальный подход к каждому посетителю. Поэтому разрабатываются в последнее время программы для детей разного возраста, студентов, роди-

телей с детьми, туристов, пенсионеров, инвалидов. Для написания таких программ и внедрения их в жизнь должны быть соответственно подготовленные кадры, владеющие знаниями не только из области музееведения, но и по психологии, педагогике. Таким образом, возникла потребность в интеграции музееведения с названными науками, а значит, необходимо рассматривать музейную педагогику тоже как научную дисциплину.

Вопросы о формировании единого понятийного аппарата, о теоретической базе, о закономерностях развития музейной педагогики и в целом о её будущем существовании нередко встают у работников музея, занимающихся созданием различных музейно-педагогических программ. Многие из них уже успешно функционируют. Самые известные из них были созданы в г. Москве – “Музей и культура” (руководитель Е.Г. Ванслова) и “Предметный мир культуры” (М.Ю. Юхневич) и в г. Санкт-Петербурге – “Здравствуй, музей!” (Б.А. Столяров). Указанные программы заслуживают отдельного разговора, но хотелось бы привести пример ярославской музейной программы. Полное ее название – музейно-экскурсионная программа для начальной школы “Мир вокруг нас”. Её разработал авторский коллектив отдела «Музейная педагогика» Ярославского государственном историко-архитектурного музея-заповедника в составе заведующей отделом В.А. Новожиловой и научных сотрудников музея-заповедника С.Д. Трениной и И.Е. Холодяковой. На ее создание ярославских музееведов вдохновил опыт московских коллег, прежде всего Е.Г. Вансловой, бессменного руководителя Всероссийских (прежде Всесоюзных) семинаров «Музей и подрастающее поколение». Консультацию и помощь оказали авторы московской программы «предметный мир культуры» М.Ю. Юхневич и Е.Б. Медведева⁸. Кроме того, были еще и объективные причины разработки программы. Во-первых, в силу общего экономического положения в государстве снизился поток туристов – основных посетителей музея-заповедника. Поэтому обратили внимание на местных жителей, прежде всего на школьников. В это время наблюдается стремление к гуманитарному обновлению образования, что также стало стимулом для создания новой образовательной программы на базе музея как альтернативы традиционной, школьной. Во-вторых, наблюдалось и наблюдается по настоящий день чрезмерное влияние западной культуры на подрастающее поколение в ущерб своим родным исконно русским традициям. «Особенно обидно, – по мнению В.А. Новожиловой, – если такое происходит с детьми, малая родина которых такой русский город как Ярославль – живое воплощение историко-культурного наследия России»⁹. Поэтому программа выполняет следующие задачи:

1. Познакомить детей с историей и культурой их «малой родины».
2. Способствовать формированию особого ценностного отношения к историко-культурному наследию, воплощенному в памятниках и достопримечательностях Ярославля, экспозициях музея-заповедника, предметах му-

зейного значения и в непредметных формах бытования культуры: легендах, обычаях и обрядах.

3. Способствовать развитию у детей наблюдательности, умения подмечать значимые детали, эмоционально переживать увиденное, фантазии и творчества¹⁰.

В 1994 - 1996 гг. программа прошла апробацию в нескольких ярославских школах. В 1996 г. коллектив музея назвал её «самым ярким достижением года»¹¹. В настоящее время по программе «Мир вокруг нас» работают более 70 ярославских школ.

Главное в программе – это сотрудничество музейного педагога и школьного учителя. Вместе они знакомят маленьких ярославцев с историей и культурой их родного края. Основным элементом программы является экскурсионное путешествие, которое включает в себя три этапа:

- подготовка детей к экскурсии;
- экскурсия;
- закрепление полученных знаний и впечатлений¹².

Каждый ученик имеет художественно оформленные «Творческие тетради», разработанные музейными работниками. В них задания по блокам программы: «Знакомьтесь, музей», «Природа, которая нас окружает», «Путешествие в мир рукотворных предметов», «Город, в котором мы живем», «Как жили наши предки»¹³.

Положительные результаты от реализации программы получает и ребенок, и школа, и музей. Ребенок накапливает знания по истории и культуре родного края, учится ценить культурно-историческое наследие, развивает наблюдательность. Школа обогащает содержание учебных программ, наполняет их новым материалом. Музей получает уверенность в своем самостоятельном, а не вспомогательном значении.

Сотрудники отдела музейной педагогики ищут новые формы работы с подрастающим поколением. Второй год в музее действует образовательная программа «Семейный абонемент» для детей 5 - 6-ти лет и их родителей. Главная её задача – совместное обучение родителей и детей. План каждого занятия состоит из трех частей. Основное занятие проходит на экспозиции в игровой форме. В отделе природы дети совершают прогулку в сказочный лес. В музее знаменитого оперного певца, ярославца Л.В. Собинова, дети и их родители получают приглашение к нему в гости. Вторая часть – подвижные игры, чтобы снять напряжение и усталость. Третья часть – выполнение творческого задания: конструирование Ярославского Кремля, рисование, лепка русской игрушки, плетение из соломы¹⁴.

За последние пять - шесть лет изменились формы работы музея-заповедника и по отношению к взрослому посетителю. Теперь ему предлагается не только роль пассивного экскурсанта, а активного участника праздников, устраиваемых музеем: Никола Зимний, Рождество, Масленица, Пасха, праздник славянской письменности, а также международный фестиваль колокольной и хоровой музыки «Преображение».

Современный музей не может оставаться в стороне от внедрения во все сферы жизни новых информационных технологий, поэтому молодой Музей истории города Ярославля применяет в своей практике мультимедийную программу «Ярославль. XX век». Она пользуется спросом прежде всего у школьников.

Чтобы просвещение и образование (главные составляющие музейной педагогики) и для детей и для взрослых происходили в ненавязчивой, интересной обстановке, музей-заповедник устраивает праздники, Музей истории города предлагает мини-шоу в парке-сквере, где размещены произведения монументального искусства, в Ярославском художественном музее проходят уже несколько лет музыкальные концерты и театральные представления. В последнее время в художественном музее также стали большое внимание уделять работе с детьми. Совместно с Ярославским полиграфическим комбинатом и Книжным клубом «Терра» музей предлагает для школьников 1 - 7 классов программу «Тайны и загадки Книги». Тема особенно остро звучит в век телевидения, компьютеров и Интернета. Участники программы в ходе занятий должны ответить на вопросы, есть ли у книги будущее и какие у нее возможности; им предлагается стать авторами своей книги.

Интерес к опыту и методам музейной педагогики растет в ярославских музеях с каждым годом. И не только музей обращается к ней за помощью, но и образовательные учреждения. Всерьез над разработкой образовательной программы с элементами музейной педагогики для детских садов города Ярославля задумывается городской Центр развития образования.

В качестве перспективной задачи развития музейной педагогики стоит выделить необходимость обращения отечественных музеев, в том числе и ярославских, ко взрослому посетителю музеев. Так же, как и музейно-педагогические программы для детских садов и школ, которые продуктивно работают уже в достаточном количестве, важны подобные программы для студентов и взрослых, что стало бы неплохой перспективой для музейной педагогики. Это особенно важно в условиях, когда «XXI век обещает музеям очень серьезный вызов, подвергающий испытаниям всю сложившуюся систему музейной деятельности»¹⁵. Главное здесь образовательная миссия музеев. Среди взрослого населения больших и малых городов наблюдается в последнее время повышение интереса к проблемам образования, культуры, досуга. Обладая значительным научным и образовательным потенциалом музеи, как крупные национальные, так и небольшие провинциальные, должны поддержать и развить этот интерес.

➤ Примечания

1. Медведева Е.Б., Юхневич М.Ю. Музейная педагогика как новая научная дисциплина //Культурно-образовательная деятельность музеев: Сб. тр. творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела ИПРИКТ / Сост. И.М. Коссова. М., 1997. С. 17-18.

2. Германия стала родиной музейной педагогики в 1930-е гг. Существует два мнения о том, кто создатель термина «музейная педагогика», но в обоих случаях им является немецкий исследователь. Одни называют Г. Фрейденталя (H. Freidental, 1931 г), автора книги «Музей. Образование. Школа» («Museum – Volksbildung – Schule»), другие – К. Фризена (Jukob Friesen К.Н., 1934 г.).

3. Цит. по: Столяров Б.А. Педагогика художественного музея: от истоков до современности. СПб., 1999. С. 30.

4. Колобова Д.П. Рыбинский музей детского творчества (1922-1924 гг.) // Путь в науку: Сб. науч. работ аспирантов и студентов Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Ярославль, 1999. Вып. 5. С. 99-100.

5. Подробно о деятельности Детского музея г. Ноябрьска в кн.: Детский музей города Ноябрьска. Концепция развития /Под ред. Н.А. Никишина. Ноябрьск, 1997.

6. Интернет-ресурсы. <http://www.museum.ru>.

7. Музей – только для детей //Северный край. 2001. № 37. 27 февр.

8. Доклад Новожиловой В.А. на региональном семинаре по музейной педагогике 25 - 26 ноября 1998 г. // ГАЯО. Ф. Р-1400. Оп. 1. Д. 1080. Л. 2.

9. Там же.

10. Справки о профессиональном творческом состоянии музея за 1997 г. // ГАЯО. Ф. Р-1400. Оп. 1. Д. 1059. Л. 12.

11. Там же.

12. Первый и третий этапы проводит школьный учитель, второй – музейный педагог. Последний разрабатывает методические разработки «Материалы для учителя», в которые включены сценарии, планы уроков, художественные тексты, иллюстративный материал и библиография. Но это лишь предложения специалиста, обязательно предполагается творчество и фантазия самого учителя.

13. Новожилова В.А., Тренина С.Д., Холодякова И.Е. Музейно-экскурсионная программа «Мир вокруг нас» для школ г. Ярославля // Культурно-образовательная деятельность музеев: Сб. тр. творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела / Сост. И.М. Коссова. Москва, 1997. С. 72 – 82.

14. Петровская Ю.В. Музейно-образовательная программа «Семейный абонемент» для детей 5-6 лет и их родителей // Детский сад. День открытых дверей. Информационно-методический бюллетень. Ярославль, 2000. Сентябрь. С. 15.

15. Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н. Образовательная миссия музея в XXI веке // Произведение искусства в образовательном процессе. Межд. науч.-практ. конф. 5-7 апр. 2000 г.: Тез. докл. СПб., 2000. С. 115.

Т.А. Третьякова

К вопросу о комплектовании народных музеев

Одним из главных и жизненно важных вопросов в деятельности любого музея, независимо от его профиля и структурно-организационной базы, является задача комплектования и формирования музейных фондов, поскольку конечный результат этой работы – качество музейных фондов с реализацией возможностей музейной деятельности, обеспечением базиса существования музейного учреждения и детерминированием его профиля.

Вопросы комплектования сложны, поскольку зависят от множества объективных и субъективных факторов, как то: специфика музея, профессионализм музейных работников, экспертов и состав закупочных комиссий, источники поступлений, финансовая база и платежеспособность учреждения и прочее.

Для государственных музеев и музеев, существующих на общественных началах, решение вопросов о комплектовании различно по своим возможностям и условиям реализации, изначально заложенными статусом этих музеев.

Процесс комплектования государственных музеев регламентирован музейным законодательством, учредительно-уставными документами, правилами музейной работы, что создает нормативную основу пополнению музейных собраний, определяя оптимальные условия для процесса комплектования, обуславливая права и обязанности музейных работников в данном вопросе. Облегчает процесс комплектования государственных музеев авторитет статуса. Комплектование государственных музеев следует рассматривать как объективный процесс. Комплектование же народных музеев субъективный. Вещевой сбор и пополнение фондов подобных музеев полностью зависит от организующего начала, то есть тех людей, которые возглавляют и определяют работу народного музея. Причем форма организующего начала (зачастую она же и структурная единица народного музея) может быть различна – коллегиальная или персональная.

Особенно ярко субъективный характер комплектования народных музеев проявляется на первых стадиях их деятельности.

Формирование и комплектование фондов народного музея – процесс сложный, многотрудный и долголетний. При этом обязательно планомерное решение данных вопросов с необходимостью соблюдения концептуального подхода к реализации задач комплектования, особо на поздних стадиях существования и деятельности музея.

Из вышеуказанного следует, что комплектование народного музея – процесс этапный, в несколько периодов и фаз, в зависимости от стадий развития музея в целом.

Каждый этап – это комплекс определенных методов и приемов комплектования, источников пополнения и элементов собирательства предметов фондового хранения и музейного назначения. Причем необходимо выполнение правил учета, соблюдение мер по обеспечению сохранности фондов и условий хранения экспонатов (перспективных и используемых), что для народного музея является актуальной и наисложнейшей проблемой в его деятельности.

Кстати сказать, что отсюда следует и отказ многих народных музеев от целенаправленного комплектования фондов потенциальными предметами риска (иконы, нумизматика и культовые предметы из драгоценных металлов, украшения, профессиональная живопись и т.д.).

Поскольку развитие народного музея поступательно, с переходом одной стадии (этапа) в другую, то закономерно в процессе комплектования применение одних и тех же методов и приемов пополнения фондов, но не всех, а лишь тех, которые оптимальны и эффективны на данном этапе формирования и комплектования музейного собрания. Отсюда следует, что каждый последующий этап (стадия, фаза) комплектования в дополнение к старым методам сбора и пополнения фондов непременно обогащается новыми приемами, т.е. в комплектовании существует перспектива возможностей.

Развитие каждого народного музея индивидуально. Следовательно, процесс комплектования также индивидуален и различен по временному критерию, по критерию исторической оценки музейного предмета и его значимости как исторического источника, по критерию источниковедческой ценности, историзма и т.д.

Однако, несмотря на различия развития, комплектования и формирования фондов, народные музеи в своей деятельности используют ряд общих (единых) методов и приемов, похожими и типичными являются также некоторые этапы (стадии, фазы) становления и функционирования этих музеев.

Выделим некоторые черты общего и типичного в работе музеев на общественных началах. Во-первых, организация любого народного музея начинается с фазы теоретического осмысления, когда инициаторы создания или создатель определяют перспективу осуществления музея, его социокультурное значение для определенной местности и региона, его культурологические функции, направления деятельности и т.д.

Во-вторых, обязателен этап первичного накопительства. Именно этот этап – основа дальнейшего существования и деятельности музея и период активного комплектования его фондов, когда закладываются основы музейного собрания, коллекций, определяются направления формирования фондов и музейного фондирования, обуславливаются критерии и тенденции деятельности музея и т.д. Ведется массовый сбор вещей.

В-третьих, каждому народному музею свойствен этап целенаправленного комплектования с углубленным формированием музейного собрания, когда определены приоритетные направления в комплектовании музея и

формировании его фондов в связи с перспективой развития музея, а также с существованием объективно-субъективных причин бытования и сохранности потенциальных музейных предметов (уничтожение предметов быта, вышедших из употребления, урбанизация городов, проникновение городской культуры в сельскую местность и прочее).

В-четвертых, комплектованию народных музеев присущ этап, который можно охарактеризовать как «этап экспозиционного комплектования или профильного комплектования», когда сбор и поступление предметов ведется под основные существующие в музее экспозиции. На этом этапе происходит качественное изменение процесса комплектования. Если на прежних этапах экспозиционная деятельность музея основывалась на результатах процесса комплектования, то на данном этапе, наоборот, комплектование подводится под предметный состав экспозиций музея, когда определяется и обеспечивается материально-виртуальное использование музейного пространства и его мифологизация. В целом, мифологизация свойственна народным музеям, это как бы одна из опорных точек их деятельности.

Но наряду с этим именно «этап экспозиционного комплектования» сближает процесс комплектования и формирования фондов народного музея с подобным процессом в государственных музеях, когда они комплектуются по принципу профильности.

Из общих методов и приемов, используемых народными музеями в процессе комплектования, можно отметить следующие: экспедиция, поход, индивидуальный сбор, дарение, пожертвование, закупка (при наличии финансовой базы, свойственно на поздних этапах развития музея).

Огромное значение для процесса комплектования народного музея имеет общественное мнение и работа с местным обществом, поэтому важен правильный общественный пиар и грамотно организованная работа с общественностью.

Таким образом, процесс комплектования народного музея сложен и отличается от комплектования государственного музея, которому присущи принципы преемственности и взаимосвязи, влияние исторического авторитета.

Народный музей комплектуется путем самоопределения, путем проб и ошибок, изначально не имея опыта и предшествующих наработок. Он постоянно должен доказывать право на свое существование, поэтому конечная цель комплектования народного музея – формирование фондов и создание фондовой экспозиционной базы, определяющей самобытность, самостоятельность, самоценность и цельность народного музея, что детерминирует его социо-культурную значимость в ореоле существования и влияние в общекультурном развитии определенного региона.

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

А.В. Лукьянец

Должность *praefectus urbi* в концепции римской государственности Теодора Моммзена

Теодор Моммзен (1817-1903) – крупнейший историк и правовед XIX в., предложивший свое концептуальное осмысление многих политических институтов античного Рима. Нам, в частности, весьма интересен его взгляд на институт городской префектуры.

Исследователь рассматривал данную государственную структуру в разделе «заместителей» и шел от общего к частному, то есть сначала прослеживал общие условия функционирования заместителей и называл два вида их назначения: в период междуцарствия и в период временного отсутствия в городе высших магистратов, а затем характеризовал институты-заместительства каждый в отдельности¹.

Должность *praefectus urbi*, по мнению исследователя, прошла ряд этапов: 1 этап (с древности до 367 г. до н.э.) – возникновение и расцвет должности; 2 этап (367 г. до н.э. – 30/27 г. до н.э.) – время ее угасания, 3 этап – период функционирования политического института в императорскую эпоху на принципиально ином положении.

Возникновение института городской префектуры в Италии исследователь относил ко временам, когда еще не был основан Рим, и выводил его корни от латинов². По форме это был, как полагал Т. Моммзен, чрезвычайный институт, базировавшийся на мандатной основе, то есть власть *praefectus urbi* получал не от народа, она ему делегировалась высшим магистратом через мандат, и в этом у исследователя нет сомнений. Причины появления данного органа власти в трактовке немецкого исследователя были связаны со стремлением обеспечить преемственность власти и поддержать стабильность в городе, а также частыми военными конфликтами и личным царским участием в них³. Таковы, по мнению Т. Моммзена, факторы, вызвавшие к жизни данный институт.

На первом этапе, согласно представлениям Т. Моммзена, эта должность занимала одно из центральных мест в системе управления городом. *Praefectus urbi* имел широкий круг полномочий: он мог обращаться к гражданам и сенату и тем самым влиять на принятие решений; кроме того, данный субъект

правоотношений имел высшую юрисдикцию в области гражданского права⁴, полномочий в военной сфере у него не было, и компетенция его ограничивалась лишь расстоянием в 5 – 6 мильевых столбов. Он не мог передавать полномочия (или часть их) другому лицу⁵ или покидать пределы города.

Т. Моммзен четко не говорил, был ли *praefectus urbi* магистратом или нет, в любом случае он старался избегать применения термина «магистрат». Это понятие («магистрат») встречается 1 – 2 раза за весь раздел, и поэтому у читателя не складывается определенного впечатления о точке зрения ученого. В конце главы он отмечал, что эта должность «скорее аналогична высшему военному чину, а не магистратуре»⁶.

Институт, по мнению Т. Моммзена, на первом этапе (впрочем, как и в последующее время) назывался *praefectus urbi*; к другому названию этой должности, употребляемому иными исследователями применительно к данному учреждению царского периода – *custos urbis*, он относился скептически⁷. Занятие этой политической должности в то время считалось почетным, и на нее назначались уважаемые лица, достаточно компетентные в вопросах городского хозяйствования.

Дальнейшее развитие института, по мнению Т. Моммзена, шло по пути снижения его роли и сужения функций должностного лица. Рубежной датой стал 367 г. до н.э., когда в городе появился магистрат, постоянно связанный с городом – претор, но в период Латинских празднеств все покидали Рим (в том числе и претор), поэтому полного упразднения должности не произошло, а произошла лишь ее трансформация в *praefectus urbi feriarum latinarum causa*⁸. Prestиж института упал: теперь его могли занимать совсем юные (даже несовершеннолетние) лица сенаторского сословия, но не являвшиеся сенаторами. Должность стала одной из первых ступеней *cursus honorum* и трансформировалась из чрезвычайного института в формально-ритуальный.

К моменту создания принципата *praefectus urbi feriarum latinarum causa* вырождается, и третий этап – это функционирование «новой магистратуры под прежним именем»⁹.

Т. Моммзен, отдельно останавливаясь на проблеме назначения городского префекта, пришел к выводу, что его могли назначить лишь те должностные лица, которые управляли от имени народа, не являясь заместителями: царь, консул, диктатор. Претор, начальник конницы, децемвиры, военные трибуны с консульской властью, на взгляд Т. Моммзена, этого права не имели. В случае досрочного прекращения полномочий городского префекта¹⁰ наступало междуцарствие.

Конец действия полномочий префекта наступал с момента возвращения магистрата, давшего мандат на управление городом¹¹.

О процедуре избрания исследователь сообщает крайне мало: в выборах городского префекта комиции не участвовали, а диктатор, по выражению Т. Моммзена, имел к ним какое-то отношение¹². Так же вскользь он говорит и о знаках отличия. *Praefectus urbi* принадлежали *toga praetexta*, *sella curules* и два ликтора, но на втором этапе всего этого уже не было¹³.

Таким образом, Т. Моммзен дал развернутую характеристику института *praefectus urbi*, сделав акцент на причинах его появления, а также уделил достаточно внимания времени его действия и полномочиям должностного лица. Городской префект – это, в концепции Т. Моммзена, чрезвычайная должность, основывающаяся на мандате; был ли он магистратом или нет, – на этот вопрос виднейший романист не дал четкого ответа. Знаки отличия и процедура избрания рассмотрены им были недостаточно. Из периодов существования должности особенно подробно освещен первый, на который приходится возникновение и расцвет должности. *Praefectus urbi feriarum latinarum causa*, по мнению Т. Моммзена, не являлся магистратом в полном смысле слова, и значение городской префектуры при применении данного варианта должности резко упало. В период Империи, в соответствии с теорией Т. Моммзена, существовала одноименная должность, связанная с прежней компетенцией основными чертами, но базировавшаяся не на мандате, а являвшаяся новой, уже чиновничьей по характеру должностью.

➤ **Примечания**

1. Marquarolt J. Mommsen Th. Handbuch der römischer Alterthümer. Bd. 2. Abl. 1. Leipzig, 1881. S. 165.
2. Ibid. S. 167.
3. Ibid. S. 168.
4. Ibid. S. 173.
5. Ibid. S. 171.
6. Ibid. S. 172.
7. Ibid. S. 166.
8. Ibid. S. 168.
9. Ibid.
10. То есть смерти, так как городской префект не мог передавать свои полномочия другому лицу, потому что сам в своем управлении городом опирался на делегированный мандат.
11. Marquarolt J. Mommsen Th. Handbuch der römischer Alterthümer. Bd. 2... S. 171.
12. Ibid. S. 171.
13. Ibid. S. 174.

Е.Н. Великанова

Объективные факторы мотивации поступков Гая Калигулы (на примере политики по отношению к иудеям)

Гай Калигула, римский император, правивший в 37 - 41 гг., занимает особое место в истории ранней Империи. Стиль правления Гая поставил перед исследователями сложную задачу: определить, чем было вызвано поведение императора, поступки которого само римское общество той эпохи считало не вполне адекватными. Об этом свидетельствуют Светоний, Иосиф Флавий, Филон Александрийский, они дают отрицательную оценку правлению Калигулы. В современных исследованиях действия Гая объясняются его заболеванием: от шизофрении до психопатии¹. В связи с этим встает вопрос: какую роль в принятии конкретных решений играли субъективные и объективные факторы? Рассмотрим один из эпизодов правления Гая – попытку установить в Иерусалимском храме статую Гая-Зевса. На наш взгляд, это решение императора является следствием ряда событий, случившихся в 38 - 39 гг.

Крупнейшим, экономически развитым, многонаселенным городом Римской Империи на Востоке была Александрия. Здесь в 38 г. происходит кровавое столкновение между александрийцами: иудеями и неиудеями. Корни этого конфликта давние, а сама причина, по мнению Филона, кроется в тлеющей ненависти со стороны александрийской черни (*De legatione ad Gaium*. 18). Иосиф Флавий пишет о распре между иудеями и греками (*Ant. XV.8.1.*). В конфликте участвовали иудеи с одной стороны, и «туземцы»-египтяне (которые составляли низы александрийского общества²), а также греки – с другой. В период эллинизма шел процесс ассимиляции негреческого населения греческим. Важным моментом этого процесса стало слияние греческого и египетского пантеонов, в частности, принятие греками традиции обожествления правителей. Она позволила достаточно быстро усвоить новый императорский культ. Большинство жителей Александрии признали божественную сущность Гая. С этим явлением не могли согласиться иудеи, закон которых запрещал поклонение императору. Подобное отношение вызывало раздражение среди неиудейской части александрийцев. Отметим также и то, что иудеи стремились сохранить свои обычаи и веру. Иудейская диаспора в Александрии жила относительно обособленно, обладая специальной юрисдикцией, правами³, что также вызывало недовольство остальных. Поводом к столкновению стал приезд Агриппы, который незадолго до этого получил от Гая царский титул. В результате жестокого александрийского погрома⁴ погибло огромное количество людей,

произошел разгром кварталов, где проживало иудейское население Александрии.

В этой трагедии свою роль сыграл римский чиновник Авиллий Флакк. Он не смог предотвратить страшное событие и, как считает Филон, извлек из происшедшего свою выгоду (*Adversus Flacum*. 8), стремясь доказать преданность Калигуле, поддержав обвинение против иудеев в оскорблении величия императора. Сам Гай, зная о событиях в Александрии, достаточно небрежно отнесся к прибывшему иудейскому посольству. В то же время император получил неутешительное известие от сборщика налогов в Иудее. Тот жаловался на нежелание местных жителей платить налоги (*De legatione ad Gaium*. 30). Отметим, что к 39 г. казна была практически опустошена. Гай, по свидетельству Светония, истратил два миллиарда семьсот миллионов сестерциев (*Cal.* 37). Известие о недоимках не улучшило положения императора. Он вводит новые необычные налоги.

Последней каплей стало разрушение в иудейском городе Явне алтаря, посвященного Гаю. Алтарь сооружался для культовых целей «иноплеменниками»-неиудеями, поселившимися в Явне (*Phil. De legatione ad Gaium*. 30). Постройка алтарей и святилищ являлась данью уважения императорской особы, свидетельством ее почитания. Для иудеев же это означало нарушение собственных законов и установлений, фактически поклонение императору считалось преступлением. Иудеи решили разрушить алтарь. По римским представлениям нанесение ущерба императорскому культу попадало под действие закона об оскорблении величия, виновный должен был быть наказан. Эти известия вызвали негативную реакцию со стороны Калигулы и его двора. Разъяренный Гай решает установить свое изображение в Иерусалимском храме – главной святыне иудеев. На данное решение, конечно, оказало влияние его стремление доказать свою правоту и могущество. Но, на наш взгляд, его определил еще один веский аргумент. Значение этого аргумента становится понятным, если учесть состояние финансовых дел Калигулы. Храм, являвшийся религиозным центром для иудеев, имел казну. Каждый иудей обязан был делать взносы в Храм, которые поступали более регулярно, чем государственные подати⁵. На его содержание всегда тратились огромные средства (*Phil. De legatione ad Gaium*. 30). В правление Тиберия римской администрацией была предпринята попытка использовать храмовые деньги. Наместник Иудеи Понтий Пилат воспользовался «священным кладом» Корбаном для строительства необходимого городу водопровода. Его действия вызвали протест народа. Для подавления этого выступления Пилатом применялись войска (*Ios. Ant.* XV.3.2; *Bell.* II.9.4). Гай также, на наш взгляд, имел виды на храмовую казну, т.е. преследовал материальную выгоду.

Установка статуи Гая-Зевса свидетельствовала бы не только о признании местным населением императора богом, поклонении, почитании, подчинении воле Калигулы, но и о контроле над денежными средствами, поступающими в Храм. Это означало возможность распоряжаться «Кладом», что, безусловно, было важно для Гая в условиях финансового кризиса.

После того как стало известно о намерениях Калигулы, иудеи направились к наместнику Сирии Петронию с просьбой помочь защитить их права. Гай же, полный решимости, приказывает переправить войска в Иудею. Противостояние грозило перерасти в войну. В данной ситуации политика, проводимая Петронием, выглядит обдуманной и взвешенной. Наместник понимал возможный исход дела и прилагал усилия, чтобы избежать военных столкновений. Разгневанный Гай требовал от Петрония исполнения приказа – установить статую правителя в Храме. Иудеи же оказывали отчаянное сопротивление и готовы были воевать с римлянами (Ios.Ant. XVШ.8.7). Опасное положение разрешилось со смертью Гая в 41 г. Идея установить статую в Храме была оставлена и забыта. К тому же немногие после смерти Калигулы желали видеть в нем божество и воздавать ему почести.

Анализируя сложившуюся ситуацию, отметим, что гнев Гая действительно был велик и в приступе ярости он готов был начать долгую войну в Империи. Его поступки были эмоционально ярко окрашены, что, конечно, являлось субъективной чертой Гая. Основанием для возникновения гнева стали объективные факторы, роль которых в рассматриваемой нами ситуации была значительной. К существенным обстоятельствам мы отнесем особенности жизни еврейской общины, их отношение к вере, разногласия между диаспорами в Александрии, где непосредственно начинались события, пассивность представителей римской администрации. На примере Петрония мы видим, каким болезненным был поиск компромисса, насколько важно было учитывать местные условия и психологию населения. Таким образом, события 39 - 40 гг. являлись результатом не только субъективного болезненного состояния Гая Калигулы, но и действия внутренних объективных факторов, непосредственно не зависящих от воли императора. Накапливаясь в течение долгого времени, они оказывали большое влияние на развитие ситуации в отдельных частях Римской Империи. И поступки Гая мы можем рассматривать отчасти как реакцию на произошедшие события.

➤ **Примечания**

1. См.: А.Б. Егоров. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 160.
2. Моммзен Т. История Рима: В 4 т. Ростов-н/Д. 1997. Т. 4. С. 473.
3. Там же. С. 389, 395.
4. Подробное описание событий александрийского погрома содержится в произведении Филона Александрийского «Против Флакка» (*Adversus Flacum*. 8)
5. Моммзен Т. Указ. соч. С. 392.

Д.Е. Фирсов

«Жизнеописание Демонакта» как источник реконструкции мировоззрения Лукиана

«Жизнеописание Демонакта» Лукиана из Самосаты (ок. 120 - после 180), грекоязычного писателя, сирийца по происхождению, представляется интересным биографическим сочинением, содержащим сведения о жизни малоизвестного афинского философа Демонакта (посл. треть I – посл. треть II вв.), о положении Афин II в. в системе римских колоний. Кроме того, «Жизнеописание» можно рассматривать как источник реконструкции мировоззрения самого Лукиана.

Демонакт происходил с Кипра, переселился в Афины в начале II в. Вскоре после переселения он был обвинен перед судом в непочитании богов и пренебрежении мистериями, оправдан и впоследствии окружен почетом. Не имея постоянного пристанища, он проводил дни на улицах, беседуя с согражданами. Умер он почти в столетнем возрасте, добровольно отказавшись от пищи, и вопреки желанию был с пышностью похоронен за счет города.

Лукиан описывает Демонакта как идеал практического философа, подчеркивая его сходство с древними мудрецами, особенно с Сократом и Диогеном.

Аналогичны обвинения, предъявленные Сократу и Демонакту. Демонакт сам подчеркивал это сходство, обращаясь к афинянам: «Принесите же теперь и меня в жертву. Ведь первая ваша жертва не встретила одобрения богов». [Luc. Dem. Vit. II.]. О Сократе Демонакт говорил с почтением.

Образ жизни Демонакта, не имевшего имущества и семьи, сравним с киническим. Демонакт восхищался Диогеном, ценил кинический стиль и приемы речи.

Некоторые высказывания Демонакта позволяют говорить о влиянии Платона.

«Только свободный человек счастлив – ни на что не надеется и ничего не боится». [Luc. Dem. Vit. 20.].

«Каждый имеет в себе двух противоположных неразумных советчиков: удовольствие и страдание. К ним присоединяются еще мнения относительно будущего, общее имя которым «надежда». [Plat. Leg. I.].

«Законы совершенно бесполезны – ведь хорошие люди вовсе не нуждаются в законах, а дурные не становятся от них лучше». [Dem. Vit. 59.].

«Одни из законов устанавливаются ради людей порядочных с целью научить их, каким образом надо общаться друг с другом, чтобы жить в мире; другие же законы даются для людей, не получивших воспитания и обладающих неподатливой природой, которую ничем нельзя смягчить, – даются с той целью, чтобы люди эти не предались окончательно пороку. Законода-

тель предпочел бы, чтобы законы эти никогда не применялись». [Plat. Leg. 9.].

Не желая спускаться в бассейн с горячей водой, Демонакт задает вопрос: не должен ли он сделать это ради отечества, явно обыгрывая неоднократные увещания Платона подчинять свои действия благу государства.

Демонакт высмеивал современных ему философов за профанацию учений, мелочность и прочие пороки. Его шутки всегда остры и не всегда цензурны.

Описывая Демонакта как идеал философа, Лукиан тем самым определяет цель и средства философской эволюции, в том числе и для себя как философа. Следовательно, их пути тождественны. А поскольку Демонакт следует за Сократом, Диогеном и т.д., то и Лукиан на том же пути. Дистанцируясь от современных эпигонов, Лукиан посредством образа Демонакта декларирует свое стремление подражать признанным мудрецам древности.

Таким образом «Жизнеописание Демонакта» является важным источником реконструкции мировоззрения Лукиана.

Д.М. Лунев

Константин Философ и Македонское Возрождение

Тема противостояния иконоборчества и иконопочитания была актуальна на протяжении всего средневековья. Особое значение она обрела в эпоху Реформации и религиозных войн. В странах, где иконоборцы пришли к власти, церковь была поставлена под контроль государства и глава любой из лютеранских церковных организаций мог, подобно первому императору-иконоборцу Льву III Исавру (717 - 741 гг.), сказать: «Я царь и первосвященник».

В исторической науке существуют две точки зрения на проблему происхождения иконоборчества. Представители марксистской школы считали, что василевсы, взяв под контроль церковь, пытались поправить за счет нее материальное положение государства¹. Исследователи, придерживавшиеся цивилизационного подхода, истоки иконоборчества искали в синтезе христианства и ислама, распространявшегося из районов, пограничных с арабами, где «исконно жили ... антииконные доктрины»².

Иконоборчество получило наибольшее распространение в 726 - 780 гг. и в период с 813 по 842 гг. В первый и начале второго периода оно проявило себя как деструктивная сила в искусстве, что выразилось в запрете любого рода изображения. Но в связи с ослаблением Арабского халифата императоры стали ориентироваться на античные культурные традиции³.

Изменение в методах противостояния иконоборчеству связано с именами двух столпов иконопочитания – Феодора Студита (759 - 826 гг.) и Кирилла-Константина (826 - 869 гг.). Оба внимательно относились к «эллинским» наукам, поскольку они учили более четко выражать собственную мысль. К тому же в дискуссии с иконоборцами трудно было опираться только на Священное писание, так как существовало несколько противоречащих друг другу его переводов⁴.

Автор Пространного жития Константина подчеркивал, что в его семье поклонялись иконам издавна⁵. В Пространном житии Мефодия говорится, что «первые (вельможи) ... беседовали с ним, как с равным»⁶. Автор имел в виду «право свободной речи» – возможность свободно разговаривать с императором, дававшуюся некоторым родственникам и особо приближенным из придворных. Эти косвенные указания позволяют нам предположить, что знатная семья была выслана из Константинополя за приверженность иконопочитанию, а ее глава получил скромный чин «друнгария под стратигом» в Фессалонике.

Еще в детстве Константин Философ сочинил молитву Григорию Назианзину – основателю иконопочитания. Это одно из оригинальных произведений святого, в котором дважды рефреном звучит: «Григорий – телом человек, а душой ангел! Ты будучи телом человек, явил себя ангелом!»⁷. Таким образом, Константин считал тело святогоместилищем ангельской души. Иконы и статуи, изображавшие Бога и святых в церквах, были продолжением античного искусства (пусть даже в более примитивном виде). Константин чтит античную традицию, о чем свидетельствует восклицание Климента Охридского: «Какое искусство осталось непознанным его блаженной душе?»⁸.

Следуя традиции изначального противостояния Константина идеологии иконоборчества, автор его Жития рассказывал о диспуте святого с Иоанном Грамматиком – низвергнутым патриархом. Несмотря на то, что ряд ученых (например, Ф.И. Успенский, Д.И. Польшанский) считали, что этот текст является поздней вставкой и призван показать ортодоксию святого, для нас важно, что в данной ситуации Философ выступил в качестве олицетворения партии иконопочитателей. Исследуя взгляды, которых придерживался Константин, можно заметить, что он победил Грамматика не цитатами из Писания, а логическими рассуждениями.

Заслуга Константина состоит в том, что он «реабилитировал» античную философию. Провозглашенное им разделение человеческой и божественной мудрости открыло путь для развития элементов философской культуры в рамках религиозной доктрины. Константин, скорее всего, не был одинок в стремлении возродить некоторые аспекты античной культуры. Правящая элита Византии во второй половине IX в. стремилась повысить уровень образованности. Деятели Македонского Ренессанса свидетельствовали, что «эллинская» культура проникла во все сферы жизни. Они могли

сравнить монарха-подвижника с олимпийским победителем, нисколько не смущаясь, что награждают ревностного христианина языческим титулом¹⁰.

Таким образом, византийские образованные круги, представителем которых был Константин, обратились к античным культурным ценностям, пытаясь противостоять иконоборчеству. Константин Философ стоял у истоков «Македонского Возрождения» в Византии.

➤ **Примечания**

1. Левченко М.В. История Византии. М.; Л.: ОГИЗ, 1940. С. 131-138.
2. Карташев А.В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. С. 458.
3. Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. СПб.: Наука, 1992. С. 47
4. Там же. С. 49-50.
5. Пространное Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. В.Д.Королюк. М.: Наука, 1981. С. 72.
6. Пространное Житие Мефодия // Сказания С. 96.
7. Пространное Житие Константина. С. 72.
8. Климент Охридский. Слово похвальное Кириллу // Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX - XVIII вв. М.: Художественная литература, 1990. С. 317.
9. Продолжатель Феофана. С. 60.

А.А. Абакумов

Американцы и индейцы: колониальный опыт

Колониальный период истории США продолжался около 150 лет – с начала XVII в. до 1783 г. Основным его содержанием стала борьба двух моделей колониализма – “французской” и “английской”. Но наряду с ними существовала еще и третья сила – американские индейцы. Первоначально многочисленные (около 10 млн.) и владевшие всеми богатствами Нового Света, они заставляли считаться с собой. Поэтому и была разработана “индейская политика”.

Считается, что французы преуспели в этом больше англичан, и в первую очередь благодаря миссионерам. Французские проповедники были в основном католиками-иезуитами, а английские – протестантами, более того – радикалами-пуританами. Свою задачу пуритане видели в распространении *новой* религии (и лишь единоверцев считали *людьми*), а иезуиты – в возрождении престижа *старой*. Поэтому они выступали за «осторожное» развитие колонизации, отношение к индейцам как к равным. Но суть миссионерской работы – искоренение традиционных устоев индейского общества – от этого не изменилась.

К тому же бытует мнение, что своим либерализмом в отношении индейцев французы старались загладить грубейший просчет: еще в 1609 г. они

вмешались в конфликт между индейскими племенами, применив огнестрельное оружие. Этим они взорвали весь привычный уклад жизни коренного населения и восстановили против себя значительную его часть. Англичане же всегда старались точно рассчитать, где уместна «грубая сила» (вплоть до полного геноцида), а где дипломатия. Так, они быстро добились союза с могущественной Лигой ирокезов («силой № 1» в индейском мире) и использовали его в своих интересах.

Трагедией индейских племен стало то, что часто их вожди *добровольно* шли навстречу колонизаторам. Причины могли быть разными – прямой подкуп, принятие христианства, неспособность (или нежелание) критически оценить надвигающиеся перемены. Даже те племена, которые старались сохранить *политическую* независимость, лишались *экономической*. Без европейских товаров, и прежде всего ружей, они уже не могли существовать, и возврат к прежнему образу жизни был невозможен.

Разница в тактике между французами и англичанами объяснялась разными экономическими целями. Французские колонисты жили главным образом торговлей (и для них главной ценностью была пушнина), английские – сельским хозяйством (и превыше всего ценили плодородную землю). Поэтому, если в первом случае дружба с аборигенами была *выгодна*, во втором – нет. Английские поселенцы обычно смотрели на индейцев лишь как на конкурентов в борьбе за место под солнцем. Они искусно играли на том, что индейцы не знали частной собственности на землю, и далеко обогнали французов по числу лицемерных и грабительских сделок. А у индейцев появилось достаточно оснований считать французский режим более привлекательным или, по крайней мере, «меньшим злом».

Однако и Новая Франция, и Новая Англия оказались перед лицом одной и той же проблемы. Процесс колонизации разошелся на два направления – «верхушечное» и «низовое» (т.е. на уровне метрополии и на уровне колоний). Часто колонисты в обход приказов из метрополии захватывали индейские земли, развязывали войны, не боясь карательных мер. Обычно «центр» закрывал на это глаза, но в ряде случаев своеволие колонистов перечеркивало многолетние усилия политиков в метрополии. Ситуация в английских колониях осложнялась еще и тем, что каждая из них сама решала «индейский вопрос»; единого плана не было.

Французы первыми попытались исправить положение, проведя в 1660-х гг. колониальную реформу. Управление колониями взял на себя король через назначенного им губернатора. Был унифицирован и курс «индейской политики». Английское правительство попыталось сделать то же, но сто лет спустя, когда власть короля ослабла. Колонисты восприняли реформу как грубое вмешательство в свои внутренние дела, и это привело к войне за независимость США 1775 - 1783 гг.

150 лет постоянных войн показали равную жизнестойкость и французского, и английского режимов – их противостояние завершилось лишь в Семилетней войне 1756 - 1763 гг. В свои войны они втянули и индейские

племена, стремясь убить сразу двух зайцев – и уязвить (чужими руками) конкурента, и ослабить ту самую «третью силу», которая стояла на пути колониальной экспансии. В конце концов победили англичане. Но они пробыли единоличными хозяевами Северной Америки всего 20 лет, разделив в 1783 г. власть с Соединенными Штатами.

➤ Литература

1. Калашников В.М. Антиколониальная борьба индейцев Северной Америки в XVI – XVIII вв. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1996.
2. Brownell C. The Indian Races of North and South America. Hartford, 1864.
3. Sultzman L. The Compact Histories of the North American Indian tribes. Адрес в Интернет: <http://www.dickshovel.com/Compacts.html>
4. Tyler S. A History of American Indian Policy. Washington: US Department of the Interior, 1973.

О.В. Спиридонова

Коммерциализация культурной жизни Англии в XVIII в.

Изолированное географическое положение, прошедшая буржуазная революция, раннее вступление в полосу промышленного переворота выгодно отличали Англию от других европейских стран и способствовало расцвету ее национальной культуры, но вместе с тем и процессу ее коммерциализации. Появились концепция «свободного художника», ограниченного исключительно законами рынка, профессиональный театр, художественная словесность конституировалась как литература. Деятели культуры впервые стали ориентироваться на коммерческий успех и более массового зрителя.

Причины коммерциализации культуры следующие: во-первых, в Англии, благодаря бурному экономическому росту сформировался широкий общественный слой, обладающий значительными денежными средствами; во-вторых, установившийся после «славной революции» компромисс между дворянством и буржуазией сделал культуру более доступной и менее аристократичной; в-третьих, английское Просвещение, культивируя тип деятельного человека, способствовало закреплению в английском национальном характере таких черт, как предприимчивость, изобретательность и деловая хватка. В англичанах росли потребности к самовыражению, тяга к комфорту, увлечение модой, формировалась потребительская психология. Все это стимулировало появление подобия массового рынка потребительских товаров и услуг, который распространялся и на культуру, сделав ее достаточно прибыльной сферой деятельности. Черты коммерциализации проявились во всех сферах культурной жизни Англии. Прежде всего, в структуре художественной жизни меценатство сменилось новым образова-

нием в виде целого класса посредников между деятелями культуры и публикой: книготорговцы, издатели, антрепренеры, торговцы картинами и гравюрами и т.д. Эта посредническая инстанция сразу обнаружила двойственность своей природы: с одной стороны, художник мог теперь сосредоточиться на искусстве, а с другой – посредники достаточно быстро стали преследовать собственные цели и эксплуатировать творчество в интересах наживы. Так, книгоиздатель Э. Миллар, заплатив Г. Филдингу за роман «История Тома Джонса» 600 ф. ст., а затем осуществив четыре переиздания, получил 6 000 ф. ст., в результате чего обзавелся роскошной каретой с лошадьми¹.

За коренным изменением социально-экономических отношений между обществом и деятелями культуры последовало их юридическое оформление в виде авторского права. В 1710 г. был утвержден «Статут королевы Анны» – первый закон об авторском праве писателя, а в 1736 г. британский парламент принял билль Хогарта, покончивший с «пиратством» торговцев гравюрами². В театре вводилась система контрактов, регулирующая отношения между актерами и антрепренерами. Таким образом, в XVIII в. утвердилось понятие интеллектуальной собственности, способствовавшее укреплению социального статуса деятелей культуры. Вообще, потеряв покровительство знати, творческие деятели вынуждены были интегрироваться в сферу коммерческих отношений. Примером успешного коммерческого художника стал Дж. Рейнольдс, писавший в год около 150 портретов, используя при этом труд многочисленных учеников и помощников.

В XVIII в. сформировался тип литератора- профессионала, живущего исключительно за счет собственного писательского труда. Профессиональные литераторы появились на «нижнем этаже» английской литературы, связанном с лондонской улицей Граб-стрит, где располагались «темные издательства» сенсационных романов, газетных листков, заранее оплаченных памфлетов. Но литературный заработок «наемных перьев» был очень невелик и, когда будущий известный писатель и критик С. Джонсон первый раз пришел к издателю, тот посоветовал ему лучше пойти в носильщики³. Только к концу XVIII в. писатели получили возможность безбедно жить за счет своего труда.

Процесс коммерциализации был связан с неизбежным появлением черт массовой культуры: предпочтение «усредненного» потребителя, упрощение художественных приемов, образов и проблем, включая их тиражирование, усиление развлекательного компонента. Директора театров ради прибыли включали в свой репертуар все жанры, начиная с исторических хроник и заканчивая пантомимой и танцевальными номерами. Кроме того, большое внимание уделялось внешним эффектам представления – машинерии и пиротехнике. Деятели культуры не всегда могли позволить себе следовать собственным творческим убеждениям и идеалам. Так, художник Т. Гейнсборо писал, что его «тошнит от портретов, но, рисуя что-то иное, можно умереть с голоду»⁴. Тем не менее культура XVIII в. не была массовой в современном

смысле этого слова. Зрители смотрели в театре и легковесные пьесы, и комедии Г. Филдинга, О. Голдсмита и Р. Шеридана. В этот период еще не возникло резкого разделения на элитарную и массовую культуру. Н.М. Карамзин, побывав в Англии в конце XVIII в., писал, что «здесь ремесленники читают Юмову «Историю», а служанки Ричардсона, Стерна и Филдинга»⁵.

Коммерциализация подтолкнула развитие новых механизмов культурной коммуникации между творческими деятелями и публикой. Распространенным явлением стали выставки, появились знаменитые аукционы Сотби и Кристи, на основе периодической печати складывалась художественная критика. Таким образом, культура выделялась в профессиональную самостоятельную сферу жизни английского общества. Процессы коммерциализации повлияли на признание высокого ценностного ранга художественной деятельности и обусловили появление средств управления и регулирования культурного процесса. Тем не менее в XVIII в. можно говорить только о зарождении коммерциализации культуры, так как не было еще резкого противопоставления таланта и рыночных отношений.

➤ **Примечания**

1. Роджерс П. Г. Филдинг: биография. М., 1984. С. 95.
2. Азбука авторского права. М., 1982. С. 21.
3. Алексеев М.П. Из истории английской литературы. М., 1960. С. 164.
4. Мастера искусства об искусстве. М., 1967. Т. 3. С. 442.
5. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1987. С. 518.

А.В. Доманова

Развитие системы начального и среднего образования в Англии в XIX в.

Развитие системы образования в Англии проходило в условиях промышленного переворота. Изменения, происходившие в социально-экономической и политической сферах, повлекли за собой ускорение процесса становления национальной системы образования. В начале XIX в. в центре внимания педагогов и государственных деятелей оказались вопросы создания национальной школы и введения связанных с ней принципов всеобщего, обязательного и светского обучения. Важной проблемой был вопрос о структурной организации учебных заведений, приведения в единую систему школ разных уровней.

В начале XIX в. в Англии сложилась сеть учебных заведений, не представлявших собой единую систему образования и отличавшихся строгой сословной иерархией. Начальное образование низших классов осуществлялось в кафедральных, монастырских и приходских школах. Сеть народных

учебных заведений включала, кроме церковных, цеховые, гильдейские, грамматические школы, а также классы для бедняков, так называемые «грошовые школы». Большая часть этих школ возникла по инициативе частных лиц и благотворительных организаций.

Основной целью народных учебных заведений было не распространение грамотности и научных знаний, а воспитание в народе покорности официальной церкви и догмам англиканской религии. Образование в подобных школах сводилось к изучению катехизиса, при этом навыки письма и чтения не всегда были нормой. Поскольку обучение не носило обязательного характера, а дети из малообеспеченных семей были вынуждены работать, то уровень посещаемости в народных школах, как правило, был низким. В связи с этим в конце XVIII в. началось движение за создание воскресных школ. В 1830 - 1840-е гг., в период подъёма чартистского движения, лозунг всеобщего образования для народа был одним из важных пунктов программы рабочих. Важным этапом в процессе развития народной школы можно считать 1867 г., когда был принят закон о расширении избирательного права. Интеграция масс в буржуазное общество с этого момента стала насущной задачей политических партий.

Одной из отличительных черт, свойственных английской системе образования в XIX в., было отсутствие четких границ между учебными заведениями разных уровней. Так, в рамках начальной школы существовало деление на высший и стандартный уровни. Также сложно провести грань между старшими классами начальной и первыми классами средней школы. Учитывая то, что дети из рабочего класса были вынуждены самостоятельно зарабатывать деньги и не имели возможности обучаться в течение длительного срока, можно сказать, что доступные для них учебные заведения и составляли начальную ступень образования.

Дети из более обеспеченных семей имели возможность продолжать обучение в течение более длительного времени. Таким образом, им была доступна и средняя ступень образования. Юноши и девушки из наиболее уважаемых слоёв общества, как правило, начинали обучение, минуя его начальный уровень. Эквивалентом начальной школы в среде аристократии и буржуазии было домашнее воспитание и найм частных учителей. Школьное образование начиналось обычно с 14 лет.

В элитарных школах программа учебных занятий строилась на «классических» дисциплинах, то есть большая часть времени отводилась на изучение философии, латинского и греческого языков. В середине XIX в. в связи с развитием наук и ростом потребности в практических знаниях многие педагоги и общественные деятели осознали необходимость изменения школьных программ и методов обучения. Другой специфической чертой элитарных школ было повышенное внимание к воспитанию характера учащихся, а не развитию у них академических знаний. В викторианской средней школе культивировался идеал лидера, способного добиваться поставленных целей своими силами, так как в связи со стремительным

индустриальным развитием Англия всё больше нуждалась во всякого рода руководителях. Консерватизм элитарных школ долгое время был препятствием на пути образовательных реформ.

Во второй половине XIX в. изменились установки, регулировавшие английские обычаи, связанные с трудом и досугом. Ценности в новых условиях стали выступать не только в качестве субъективных установок индивидов, но в виде объективных норм, требовавших от каждого строгого подчинения общественным законам. Идеалы послушания и религиозности постепенно вытеснялись культом силы и практичности. В это время активизировалось движение за создание принципиально новой системы образования, отвечающей потребностям индустриального общества.

Общеопределяющей тенденцией в развитии английского образования было снижение роли церкви и расширение участия государства в школьном деле. Последнее выразилось в трёх взаимосвязанных сферах деятельности: законодательной, исполнительной и финансовой. Первый шаг к созданию школьного законодательства был сделан в 1830 г., когда парламент впервые предоставил субсидию на развитие просвещения. С этого момента образование ежегодно было одной из статей английского государственного бюджета. В 1839 г. с целью контроля за распределением субсидий и инспектирования школ был создан Комитет по образованию при Тайном совете. Впоследствии он послужил тем фундаментом, на котором возникло Министерство просвещения. На протяжении всего XIX в. периодически создавались королевские комиссии, осуществлявшие проверку качества преподавания, уровня грамотности учащихся и посещаемости в школах, получавших государственные субсидии.

Развитие тенденции к усилению роли государства в школьном деле привело к крушению гегемонии англиканской церкви в сфере образования. На протяжении викторианской эпохи авторитет официальной религии неуклонно снижался, вследствие чего общественное мнение всё больше склонялось к принятию религиозного компромисса в школьном деле.

Итогом преобразований, проводившихся в XIX в. в сфере английского образования, стало создание единой государственной сети светских школ, которая была официально оформлена законодательным актом Форстера в 1870 г. Во вновь создававшихся учебных заведениях широко применялись новые методы обучения, школьные программы были существенно расширены за счёт научных и практических дисциплин. Образовательные реформы XIX в. дали толчок развитию школьного законодательства в Англии и заложили основу современной системы обучения.

Н.А. Смирнов

К вопросу о характеристике внутрипартийной ситуации в Польше (1944 - 1948 гг.)

Поставленная проблема является ключевой в исследовании формирования режима ПНР и развития оппозиции ППР и партиям правящего блока. До начала 1990-х гг. проблема в общем смысле не являлась спорной. Существовало несколько вариантов ее разрешения, сильно не дифференцированных. И в польской и в советской историографии они сводятся фактически к двум основным: борьба за строительство основ социализма в Народной Польше¹; гражданская война (борьба с реакционным подпольем)². Оба варианта взаимодополняющие и взаимопроникающие, могут быть сведены к одному. Именно его определяла господствовавшая коммунистическая идеология. Мы не игнорируем абсолютно "традиционную" точку зрения. Просто следует рассмотреть проблему пристальней на фоне возникших в начале 1990-х гг. методологических и теоретических споров, прежде всего в Польше. В нашей стране чаще всего изучение данных проблем ведется исходя из принципа глобализма. Определяются общие черты перехода к "народной демократии" в Центральной и Юго-Восточной Европе, и эти наработки критически применяются по отношению к конкретному страноведческому материалу³.

В течение последнего десятилетия в Польше и многих других странах Восточной Европы, в том числе государствах Балтии, превалировало определение времени "народных демократий" как советской оккупации и установления Советским Союзом марионеточных или максимально выгодных для осуществления своих империалистических притязаний режимов. Однако сохраняется, хоть и "оппозиционная" ныне, точка зрения о гражданской войне, происходившей в Польше в этот период.

Что же в реальности имело место в стране в первые годы после ее освобождения: новая советская оккупация или гражданская война? Этим вопросом задались польские исследователи с начала 1990-х гг. Среди многих публикаций мы выделим два сборника статей, имеющие характерные схожие заглавия: "Гражданская война в Польше, 1944 - 1947" и "Гражданская война или новая оккупация?"⁴.

Остановимся на позиции авторов первой книги, концентрирующих переосмысление "традиционной" точки зрения в направлении утверждения ее на основе новых данных и новых идеологических взглядов. Большая их часть формулировала в свое время именно "традиционную" позицию. В центре сборника стоит статья Р. Назаревича, известного историка марксистского толка⁵. Автор руководствуется в своем исследовании энциклопедическими дефинициями, согласно которым гражданская война – это война за господство в государстве между его гражданами или же вооруженная борьба

ба в рамках одного государства. Данные тезисы дополняются данными из "Лексикона военных знаний" (Варшава, 1979), согласно которым гражданская война, даже "идушая с опорой на внутреннюю базу, часто поддерживается (в смысле помощи той или другой стороне в ней – *Н.С.*) другими государствами, которые официально и напрямую не участвуют в ней". Далее автор указывает, что, как правило, такая война проходит две фазы: нерегулярной и регулярной борьбы. Первая из них – партизанская война, которая, согласно Оксфордскому словарю (*The Concise Oxford Dictionary. Oxford, 1964*), представляет собой как раз "нерегулярную войну, ведущуюся небольшими, действующими независимо группами". Вторая фаза, в которую может перерасти гражданская война, – это война "классическая". Р. Назаревич замечает, что польская гражданская война не вышла за рамки первой фазы. Поэтому ее можно определить как "ограниченную", как территориально (на восточных и в центральных землях), так и по способу ведения (партизанские действия, саботаж и диверсионные акции)⁶.

Чем Назаревич аргументирует определение "гражданская война" применительно к Польше? Во-первых, он обращает внимание на существование руководящих центров сторон конфликта – в Варшаве и Лондоне. Во-вторых, называет число вовлеченных в борьбу: совокупно 450 тыс. чел.; с антиправительственной стороны 150 тыс. чел. (включая арестованных и легализовавшихся), из них около 30 тыс. в вооруженных отрядах. В третьих, это обычный для такого рода войны всплеск насилия и количество жертв с обеих сторон – 25 тыс. чел.⁷

Какова была роль внешнего фактора в этой войне? Северная группа советских войск имела психологическое и политическое значение, не принимала активного участия в боевых действиях. Главную роль здесь играли войска 64 дивизии НКВД (МГБ); следует принимать во внимание также советских советников в МГБ Польши, советских офицеров (чаще по национальности поляков) в Войске Польском. Однако их прямая вовлеченность в войну к 1947 г. уменьшилась до минимума, о чем свидетельствуют следующие данные о потерях среди советских солдат в ходе внутренней борьбы в Польше: 96% из них погибло в период с июля 1944 г. до августа 1946 г., причем большая часть, 60%, – в 1945 г.⁸ УПА автор не причисляет к внешнему фактору, доказывая польское гражданство большинства участников этих подразделений на территории Польши, и вводит ее в число участников гражданской войны с антиправительственной стороны⁹. Р. Назаревич утверждает невозможность оказания западными державами влияния на политику режима из-за обязательств по антигитлеровской коалиции и последовавшего признания ими Временного правительства национального единства¹⁰. В результате автор делает вывод о незначительной роли внешнего фактора в поражении и распаде вооруженного подполья.

Касаясь обычных для подпольных организаций лозунгов борьбы за независимость и суверенитет, против советской оккупации, Р. Назаревич заявляет, что доля суверенитета была обратно пропорциональна активности

действий подполья. Чем больше последнее угрожало интересам СССР в регионе, тем большей становилась опасность действительной оккупации Польши и утраты ею к тому же независимости, о потере которой нельзя говорить, ибо с 1944 г. реально существовало польское государство (несмотря на его происхождение и ограниченность суверенитета)¹¹.

В сборнике "Гражданская война или новая оккупация?" выделяется статья А. Стшембоша "Оккупация в международном праве и юридический статус Польши в 1944-1956 гг."¹² Автор в своем исследовании опирается на работы польских и зарубежных специалистов, посвященных статусу оккупации в международном праве, а также непосредственно на Гаагские соглашения 1899 и 1907 гг. и 2-ю Женевскую конвенцию 1949 г. Рассматриваются две основные разновидности оккупации: военная и мирная. Основой второй формы, по З. Цыбиховскому, на которого ссылается автор, является соглашение между двумя государствами, согласно которому одно государство обязуется обеспечить порядок в границах территории другого путем оккупации последней. Рамки соглашения ограничивают свободу действий оккупанта¹³.

Автор делает выводы относительно статуса Польши в указанный период. Анализ событий склоняет его к принятию за искомую специфической формы военной оккупации, существенно отличающейся от классической, основанной на овладении, в результате конфликта между двумя государствами, территории одного государства другим государством¹⁴. Польша и СССР формально не находились в состоянии войны ни в 1939, ни в 1944 - 1945 гг., а также не было открыто заявлено об оккупации территории Польши. Однако не вызывает сомнения использование СССР военной силы" (массовые аресты представителей гражданских властей в подполье и участников антифашистского Сопротивления, не связанных с Москвой). Автор не может признать легитимности КРН и ПКНО (настаивает на их марионеточном характере), а также польского характера армии Жимерского. Они характеризуются как "камуфляж" политики СССР. Отсутствие общественной поддержки у данных марионеточных структур показала их постоянная опора на "советские штыки"¹⁵. У них не было даже возможности вести гражданскую войну без поддержки сколько-нибудь широких масс общества¹⁶.

Советская оккупация, по мнению А. Стшембоша, "наиболее приближается к военной, хотя бы принимая во внимание вооруженное сопротивление ей и тем, которых она с собой привела, однако, ей не ставилась цель, по крайней мере, с 1945 г., прямой аннексии всей страны (за исключением земель на восток от Буга)". Первоначально даже созданные фактически в СССР органы новой власти не играли какой-либо самостоятельной роли¹⁷. Продолжалась военная оккупация, которая с точки зрения гаагских конвенций была абсолютно "неправомерной". Таким образом, в тогдашней Польше не было оснований для гражданской войны – вооруженная борьба представляла собой сопротивление советскому террору, советской оккупации и политике навязанного СССР псевдо-правительства, не обладавшего суверенитетом¹⁸.

Выше нами изложены две основные оценки статуса Польши во второй половине 1940-х гг., существующие в современной польской науке. Обе они являются достаточно радикальными, особенно вторая, имеющая более широкую поддержку в Польше. По нашему мнению, продолжение споров относительно проблемы носит чисто политический характер. Скорее всего, пока невозможно выработать сколько-нибудь однозначное ее решение, однако попытаемся сформулировать более "компромиссную" позицию.

Мы полагаем, что не следует снимать со счетов дефиниции как гражданской войны, так и оккупации, ибо они имели, в различной степени, место в тогдашней Польше. Анализ даже опубликованных материалов из отечественных архивов¹⁹ говорит об искусственности и несамостоятельности КРН и правительства Осубки -Моравского, по крайней мере, до выборов 1947 г. или даже до прихода к реальной власти в 1956 г. В. Гомулки.

Деятельность НКВД-МГБ по подавлению вооруженных формирований, восходящих к Армии Крайовой, а также НСЗ, УПА и других, формально обуславливалась лишь сомнительной военной необходимостью (охрана тылов фронта) и то до окончания, в большинстве случаев, боевых действий в Европе, а также формально незаконным разделом "сфер влияния" державами коалиции. Она не была первоначально инициирована соглашением с законным правительством страны (для защиты интересов данного государства) – в противном случае, можно бы было говорить о "мирной оккупации".

Мы склоняемся к тому, что гражданской войной можно назвать любой широкомасштабный конфликт внутри общества, в том числе и национальный (в случае с УПА), по определению. Для этого необязательно присутствие реальных центров, управляющих действиями конфликтующих сторон, важно реальное разделение общества на соперничающие группы, а также масштаб активного их столкновения (обязательно военного характера) и накал борьбы. В данном случае мы имеем дело (предлагаем согласиться с Р. Назаревичем) с ограниченной гражданской войной, сторонами в которой выступали, во-первых, органы власти, инициированные эмиграцией в СССР и самим Советским Союзом, подчинявшиеся им силы безопасности и слои общества, их поддерживавшие²⁰; во-вторых, противники режима, недифференцированные и действовавшие разрозненно²¹.

Относительно роли внешнего фактора мы можем отметить то, что советская оккупация Польши, имевшая первоначально цели обеспечения тыла советско-германского фронта, а также политико-психологической и отчасти военной поддержки прокоммунистического правительства, практически сразу стала играть роль, которую в иных условиях выполняет военная интервенция. Таким образом, мы можем говорить о гражданской войне в условиях оккупации и поддержки оккупации одной из сторон. Возможность разделения общества, вплоть до конфликтов разного масштаба, показывает ситуация в таких государствах, как Югославия и Албания периода второй мировой войны. В Польше времени немецкой оккупации также происходили вооруженные конфликты между АК, с одной стороны, ГЛ (АЛ) и совет-

скими партизанами – с другой. Польский эмигрантский историк Л. Юревич, например, начинает хронологию гражданской войны в Польше с лета 1943 г., аргументируя это фактом уничтожения подразделением АК Л. Зуб-Здановича небольшого отряда ГЛ под Боровом²². Если предположить возможность гражданской войны в период немецкой оккупации (или ее элементов), то почему такого рода конфликт невозможен в период оккупации советской (также ограниченный)?!

Далее, следует заметить, что деятельность послевоенного подполья продолжала линию Сопротивления периода немецкой оккупации, ибо АК, НСЗ и некоторые другие формирования (допуская лишь возможность временного тактического взаимодействия против Германии) в 1939-1941 гг. боролись также против "присоединения" "восточных земель" Польши к Советскому Союзу. После "исчезновения" одного из врагов остался другой, и программные документы поаковского подполья, ВиН и других организаций в качестве цели ставили борьбу за независимость Польши, освобождение страны от советской оккупации.

В итоге, мы можем заключить, что ситуация в Польше не может получить однозначного определения. По нашему мнению, она отличалась сложностью, многоплановостью. Формулирование однозначных оценок может привести к упрощению проблемы и часто имеет чисто политический характер.

➤ Примечания

1. *W walce o utwalenie władzy ludowej w Polsce 1944-1947*. Warszawa, 1967.
2. Валихновский Т. У истоков борьбы с реакционным подпольем в Польше, 1944-1947. Киев, 1980; *W walce ze zbrojnym podziemiem 1945-1947*. Warszawa, 1972.
3. Носкова А. Ф. и др. "Народная демократия": миф или реальность? М., "Наука", 1993.
4. *Wojna domowa w Polsce, 1944 – 1947*. Warszawa, 1997; *Wojna domowa czy nowa okupacja? Polska po roku 1944*. Wrocław, 1998.
5. Nazarewicz R. *Wokół kwestii wojny domowej // Wojna domowa w Polsce*. S. 25 – 39.
6. Nazarewicz R. *Op. cit.* S. 28-29.
7. *Ibid.* S. 29.
8. *Ibid.* S. 30-31.
9. *Ibid.*
10. *Ibid.* S. 32.
11. *Ibid.* S. 32-33.
12. *Wojna domowa czy nowa okupacja?* S. 17-27.
13. *Ibid.* S. 20-21.
14. *Ibid.* S. 22.
15. *Ibid.* S. 22-23.
16. *Ibid.* S. 23.
17. *Wojna domowa czy...* S. 23.
18. *Ibid.* S. 24-25.

19. СССР – Польша. Механизмы подчинения. 1944 – 1949. М., 1995.
 20. См. напр.: "Народная демократия". Миф... М., 1993; Zblewski. Z. Miedzy wyzwoleniem a 17 republika. Krakow, 1998. S. 11-12.
 21. Wnuk R. Dylematy zolnierzy podziemia antykomunistycznego w latach 1944-1947 // Polska, 1944/45-1989. Studia i materialy. 1996. № 2. S. 63.
 22. Jurewicz L. Zbrodnie czy poczatek wojny domowej. L., 1980. S. 9.
-

А.М. Корнилович

Московские советники в Венгрии (1949 - 1953 гг.)

Сведения о деятельности московских советников в странах Восточной Европы являлись до недавних пор строго засекреченными, но в 1997 г. вышел сборник "Восточная Европа в документах российских архивов"¹, который позволил приоткрыть завесу на данную проблему.

Под московскими советниками понимается особая группа советских специалистов, работавших в 1940 - 1950-е гг. в странах Восточной Европы. Они работали в военной, политической и экономической сферах. Кадры советников формировались из отраслевой и ведомственной верхушки, генералитета и старшего офицерства МГБ и МВД СССР. Московские советники появились в некоторых странах восточноевропейского региона еще в годы Второй мировой войны или сразу после нее.

С лета 1949 г. началось ускоренное формирование долгосрочной системы советников. Исходя из документов, московские советники направлялись в страны Восточной Европы *только* после официального обращения властей страны к советской стороне. Ярким примером может служить "Письмо Матиаса Ракоши² секретарю ВКП(б) Суслову", в котором содержалась просьба о командировании в Венгрию московских советников в рамках сотрудничества с СССР в оборонной сфере. С этого момента можно говорить о появлении корпуса советников в Венгрии на постоянной основе. Именно после даты вышеуказанного документа появляются материалы, касающиеся деятельности московских советников. Наблюдается тенденция к увеличению штата советников в Венгрии. Сравнение данных, содержащихся в "Справке Секретариата Совета Министров СССР о количестве советников в странах Восточной Европы" (сентябрь 1949 г.) и "Справке МИД СССР о советских специалистах, работающих в странах народной демократии" (октябрь 1949 г.) показывает постепенное увеличение количества московских советников в Венгрии.

По постановлению "Совета Министров СССР" о заработной плате советских специалистов, командируемых для работы в учреждениях, организациях и на предприятиях Польши, Чехословакии и Болгарии" (31 октября 1949 г.) правительства стран пребывания советников обязывались выплачи-

вать московским советникам заработную плату в размере окладов, соответствующих местным специалистам, плюс 75% оклада в СССР. Исключение составляли оплата работы советников МГБ и МВД СССР, которая осуществлялась только за счет бюджета СССР. Советников и специалистов отправляли многие министерства СССР: внутренних дел, государственной безопасности, промышленности, электростанций и т.д. Специалисты направлялись на срок от 6 месяцев до 3 лет.

Полномочия советников были зафиксированы в "Наставлении советникам" (октябрь 1951г.). Советник был обязан: своими советами в устной форме оказывать помощь учреждениям, информировать руководство страны пребывания и СССР о работе доверенных ведомств, поставлять информацию в Москву о положении в стране. С другой стороны, советник не имел права подменять местных работников, лично принимать агентуру и персонал. В мае 1952 г. вышли два нормативных документа: Постановление Совета Министров СССР "Об улучшении руководства советскими советниками" и "Инструкция для советских советников и специалистов". В массе советников возникала четкая субординация: *главный советник* (при правительствах и ключевых министерствах) – *старший советник* (при министерствах и ведомствах) – *советник – специалист*. Вводился ежегодный отчет МИД СССР о деятельности советников. Работа советников оценивалась руководителями стран Восточной Европы положительно. Так, М. Ракоши неоднократно писал благодарственные письма в Москву, всячески показывал свою заинтересованность и просил увеличить количество советников в Венгрии.

Благодаря новым документам, мы можем с уверенностью говорить о том, что деятельность московских советников не всегда ограничивалась сугубо совещательными функциями. Например, глава Венгрии не мог начать суд над Я. Верешем³ без согласия на то советника МВД Емельянова.

Итак, 1949 - 1953 гг. стали временем окончательного формирования системы московских советников в Венгрии. Ключевое место занимали политические и военные советники, функции которых были весьма точно определены и были довольно широки. Стоит подчеркнуть обоюдную заинтересованность в деятельности советников как Москвы, так и Будапешта. Для венгерской правящей элиты советники были неким гарантом безопасности, т.к. помогали копировать систему СССР. Для советских лидеров работа московских советников создавала прекрасные условия для стягивания восточноевропейского региона к Москве. Во второй половине 1950-х гг. система московских советников была постепенно свернута, что можно объяснить событиями в Венгрии 1956 г., а также подписанием Варшавского договора, что дало новые перспективы подчинения Венгрии СССР.

➤ Примечания

1. Восточная Европа в документах российских архивов. М., 1998. Т. 1, 2.
2. Лидер Венгрии до 1956 г.

3. Процесс над венгерским генералом Яношем Верешем состоялся в 1949 г. Вереш был обвинен в шпионаже и приговорен к тюремному заключению.

А.М. Корнилович

Использование рекламных технологий в изображении венгерских событий на страницах газеты "Правда" (1950-е гг.)

Изучение идеологического воздействия на человека позволяет проследить достаточно тесную связь его с рекламным воздействием. Оба явления предполагают примерно одинаковые цели и методы достижения. Как идеология, так и реклама пытаются навязать человеку определенную идею, формируют требуемый образ мыслей, а также программируют необходимые действия. Все это реализуется, прежде всего, путем привлечения внимания объекта воздействия и последующей манипуляции.

Идеологическое воздействие в печати представляет большой интерес. Во внутренней структуре информационных сообщений и в их расположении можно увидеть применение законов рекламного воздействия (См.: У. Уэллс и др. Реклама: принципы и практика. Спб., 1999; Романычева Э.Т. и др. Дизайн и реклама. М., 2000; Музыкант В.Л. Теория и практика современного рекламиста. М., 1998, и т.д.). Например, размер заголовка и шрифта, расположение на листе (верхняя и левая части запоминаются лучше), размер сообщения и т.д.

Стоит остановиться на так называемом "чтении по диагонали" (в рекламной литературе – "Эффект Гуттенберга"). Чтение газетного листа происходит либо по вертикали вниз, либо по горизонтали влево, человек, читающий бегло, пытается использовать оба направления одновременно, и его взгляд движется по диагонали (право верх – лево низ). Чтобы иметь воздействие на читателя в таком случае особую важность представляют заголовки. Для исследователя необходимо найти связанные сообщения: основная статья – "статья-спутник". Содержание второго сообщения не несет никакой нагрузки – вся важность в заголовке, именно он помогает воспринять прочитанную информацию в нужном русле. Некий вариант невидимой подсказки. Для примера можно рассмотреть изображение в "Правде" одного из пиковых событий в отношениях СССР со странами Варшавского договора – антисоветского восстания в Венгрии 1956 г.

"Правда": СССР-Венгрия, теплые отношения. 2 января 1950 г.
"Вождь мирового коммунизма". Статья Матиаса Ракоши о Сталине. Главная идея: "Сталин – это Ленин сегодня". В диагональном направлении – "Герои наших дней". Сообщение о героях труда. (Прием – аналогия)

31 января 1950 г. "Венгрия на пути к социализму". Статья Эрне Гэре члена политбюро ЦК ВНР об успехах страны за 4 года существования. Диагональное направление: "Рост безработицы в Канаде" и "Факты изобличают, как выглядит в действительности американский образ жизни". (Контраст)

"Правда": СССР-Венгрия, кризис. 26 октября 1956 г. "К провалу антинародной авантюры в Будапеште". Сообщение Совета Министров ВНР о ликвидации контрреволюционного путча и о нормализации жизни в городе. "Жизнь ребенка спасена". (Аналогия).

28 октября 1956 г. "Крушение антинародной авантюры в Венгрии", "К провалу контрреволюционного путча в Будапеште". Статья двойник: "Конец палаточного городка". (Аналогия)

29 октября 1956 г. "Положение в Венгрии". Сообщение о благополучном разрешении конфликта. В Будапеште восстановлен порядок. Сатья-спутник: "Терек покорился воле советского человека".

2 ноября 1956 г. "К положению в Венгрии". Сообщение о том, что после резкого ухудшения ситуации в Венгрии идет улучшение и нормализация жизни. В диагональном направлении – "Дело о чужом ребенке". (Аналогия) Описан случай обнаружения маленького ребенка без родителей и его определения в детдом. Учитывая связь статей крайне интересно высказывание автора: "...советские люди проявляют исключительную заботу о детях, и особенно о тех, которые по какой-то причине отбились от родителей. Весь коллектив больницы принял самое сердечное участие в судьбе девочки. За ее судьбой следила вся общественность..." Кроме того, заголовки обеих статей напечатаны шрифтом одного размера.

4 ноября 1956 г. "К положению в Венгрии". – "Во имя спасения ребенка" (Аналогия)

6 ноября 1956 г. Комплекс сообщений, посвященных событиям в Венгрии. Страница оканчивается фундаментальной статьей "Вдохновенный пример Советского Союза"

7 ноября 1956 г. "Новые разоблачения чудовищных преступлений контрреволюционных банд в Венгрии" – "Фашизм не пройдет" (сообщение о антифашистской демонстрации во Франции).

11 ноября 1956 г. "Венгерский народ отбил атаку контрреволюции и международной реакции". Статья-двойник: "Обеспеченная старость".

Эти и масса других примеров в изображении венгерских событий в "Правде" позволяют предположить возможность использования приемов рекламного воздействия в советской идеологии.

М.В. Кольцов

От союзника к противнику: трансформация образа Великобритании в СССР в 1945 - 1951

ГГ.

Развитие образа Великобритании в СССР в 1945 – 1951 гг. прошло путь от союзника по антигитлеровской коалиции до противника в холодной войне. И если механизм формирования образа США как главного идеологического соперника прослеживается весьма четко, то, как воспринималась Англия, еще только предстоит выяснить. Вообще, проблеме так называемых перцепций, то есть представлений одних государств или народов о других, в отечественной историографии уделялось незаслуженно мало внимания. В то же время положительный или отрицательный образ, стереотип страны или народа оказывает непосредственное влияние на отношения между государствами, зачастую формирует и определяет внешнюю политику.

Пропаганда в СССР, как и в любом другом тоталитарном государстве, играла основную роль в процессе формирования у населения тех или иных необходимых правящей верхушке внешнеполитических стереотипов. Поэтому для более четкого понимания характера образа Великобритании, сложившегося в советском обществе после войны, необходимо прежде всего обратиться к материалам периодической печати – ключевому элементу сталинской идеологической машины.

Во время второй мировой войны межгосударственные отношения СССР и Великобритании определялись союзным договором от 26 мая 1942 г., заключенным на 20 лет. Таким образом, договаривающиеся стороны надеялись, что «прочный союз» двух государств с антагонистическими системами возможен и после победы над Германией. Существовавшие в годы войны союзнические отношения, несомненно, отложили отпечаток на представление советского общества о Великобритании, которую воспринимали как партнера по антигитлеровской коалиции, а англичан как соратников по общему делу борьбы с нацизмом. Тем не менее подлинное чувство руководства СССР к своему союзнику может быть обнаружено во фразе, брошенной Сталиным в частном разговоре в 1944 г., о том, что в Советском Союзе не забыли, кто такие англичане и кто такой Черчилль, и что «у них нет большей радости, чем нагадить своим союзникам»¹.

Строить послевоенные советско-английские отношения Москве пришлось не с консерваторами, а с лейбористами, победившими на выборах в июле 1945 г. В СССР положительно встретили приход к власти правительства К. Эттли, поскольку и возросшие симпатии англичан к Советскому Союзу, и многократные предвыборные заявления лейбористов о своих намерениях поддерживать и укреплять дружественные отношения между

двумя странами позволяли надеяться на более продуктивное сотрудничество именно с лейбористским правительством, чем с консерваторами. Советская печать была полна оптимистических высказываний руководителей страны о том, что дружба с Великобританией, испытанная в войне, «будет развиваться и крепнуть и в послевоенное время на благо обоих народов»².

Однако начало идеологического противостояния СССР и Запада привело к неизбежному охлаждению в отношениях между странами и к трансформации образа Великобритании в Советском Союзе. Отправной точкой считается речь У. Черчилля в Фултоне, которую Сталин расценил как опасный акт, рассчитанный на то, «чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество»³. Фултонская речь как нельзя лучше помогла советской пропаганде сформировать образ нового врага, чье место после окончания войны было вакантным. Сталин немедленно повесил на Черчилля и «его друзей в Англии» ярлык поджигателей новой войны и последователей дела Гитлера⁴. В запущенной в советской прессе антиимпериалистической кампании Великобритания прочно заняла место врага № 2. Советская печать уделяла значительное внимание Соединенному королевству, хотя основной мишенью пропаганды, конечно, были США. Каждое новое противоречие между СССР и Великобританией на дипломатическом уровне служило причиной появления массы статей, затрагивавших как внешнеполитические отношения двух государств, так и внутреннюю ситуацию в Англии. Эта закономерность стала особенно четко видна в 1947 г., когда противоборствующие стороны предприняли ряд действий, вызвавших дальнейшую эскалацию холодной войны. Кроме того, стоит отметить предпринятые в том же году англо-советские переговоры о продлении срока действия договора 1942 г. с 20 до 50 лет. В своей прежней форме договор не был нужен ни той ни другой стороне, а переговоры о новой редакции зашли в тупик⁵. Советская пропаганда всеми средствами пыталась представить английскую сторону ответственной за их срыв. Подобный прием одностороннего признания лейбористского правительства виновником ухудшения отношений между двумя странами был взят советской стороной на вооружение и использовался неоднократно, в частности при срыве переговоров о расширении англо-советских торговых отношений⁶.

Тон советских газет, развернувших кампанию по «разоблачению сущности» правительства Эттли-Бевина, становился все резче по мере того, как развивались дальнейшие внешнеполитические события. Безудержный поток критики «английского империализма» достиг апогея в 1950 - 1951 гг. Лейбористы, именовавшиеся «правосоциалистическими предателями» и «лакеями Уолл-Стрита», обвинялись в том, что, «капитулировав перед монополистическим капиталом США», поставили «Гордый Альбион» в экономическую, политическую и военную зависимость от Вашингтона⁷. Все действия внешнеполитического ведомства, руководимого «главным врагом СССР» Э. Бевином, трактовались как направленные на изоляцию Советско-

го Союза и сколачивание антисоветских блоков. Особенно доставалось от советской прессы экономической теории лейбористской партии, так называемому демократическому социализму, который считался фальшивой концепцией и прикрытием подлинной политики, в которой нет ни демократии, ни социализма. Советским гражданам разъяснялось, что лейбористская партия и «правящие круги Великобритании» являются яркими противниками движения борьбы за мир, предателями интересов собственного народа и «сторожевыми псами капитализма». Материалы, посвященные внутреннему положению Великобритании, создавали впечатление постоянного падения уровня жизни простых английских трудящихся и нескончаемой череды финансовых, энергетических и продовольственных кризисов британской экономики. Подобные сообщения всегда подавались в контрасте с очередным снижением цен или другой победой коммунизма в советском народном хозяйстве. Кроме того, сталинская пропаганда носила тотальный характер, то есть использовала все возможные средства и приемы. К формированию отталкивающего образа «английского империализма» подключались как простые советские женщины, вернувшиеся в СССР после браков с англичанами, с рассказами об унижениях и лишениях, испытанных ими в Великобритании, так и известные в стране люди, например, М. Зощенко и И. Эренбург.

Повествуя о бедствиях «простого английского народа», советская печать неоднократно подчеркивала, что в Англии есть прогрессивная общественность, которая желает дружественных отношений с СССР, что «английский народ хочет мира, а не войны... он ищет выхода из того тупика, в которую завели страну политические дельцы»; просто пока не все англичане понимают, что «путь в будущее им может указать лишь коммунистическая партия Великобритании»⁸.

В трансформации образа Великобритании за шесть послевоенных лет можно убедиться на примере различных оценок, которые давала советская пропаганда итогам выборов 1945 и 1951 гг. В 1945 г. в прессе всячески подчеркивалась как принципиальная разница избирательных платформ основных конкурентов, так и закономерность победы лейбористов, которые учли коренной сдвиг, произошедший после войны в сознании англичан⁹. Напротив, предвыборная кампания 1951 г. характеризовалась как фарс, ибо в стране «давно уже правит одна партия – американская партия, полностью поддерживающая планы агрессивной войны...»¹⁰

Советской пропагандистской машиной в глазах советских граждан формировался образ страны, чья «правящая верхушка» вопреки всем обязательствам пошла на обострение отношений с Советским Союзом и, предав интересы собственного народа, втянула Англию в стан врагов мирового коммунистического движения.

➤ Примечания

1. Цит. по: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 58.

2. Правда. 1945. 22 авга.
 3. Там же. 1946. 14 марта.
 4. Там же.
 5. См. подробнее: Кочкин Н. Англо-советский союзный договор 1942 года и начало «холодной войны» // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 92-101.
 6. Правда. 1947. 28 июля.
 7. Большевик. 1951. № 20. С. 41.
 8. Правда. 1951. 8 апр.
 9. Большевик 1945 № 15. С. 54-58.
 10. Правда. 1951. 8 апр.
-

С.П. Канинский

Эволюция образа США в газете «Правда» в 1985 - 1988 гг.

Актуальность темы определяется тем, что проблемы советско-американских и российско-американских отношений до сих пор являются центральными в геополитической сфере. В последние несколько десятилетий XX в. в Западной Европе широкое распространение получила «теория образов других», согласно которой любая внешнеполитическая концепция создается на основе определенных социально-психологических образов, существующих в сознании ее авторов. Примерное количество этих образов и их основные характеристики уже определены учеными, однако каждый участник международных отношений интерпретирует их по-своему.

Образ США в центральных советских печатных органах всегда менялся в соответствии с изменениями внешнеполитического курса СССР. С началом перестройки, когда руководство Советского Союза взяло курс на поворот основных внешнеполитических доктрин, все средства советской пропаганды, в частности и периодическая печать, также сменили акценты в создании образа США. В общем, за период с 1985 по 1988 гг. образ США в газете «Правда» (наиболее идеологизированном печатном органе из всех советских) эволюционировал по направлению «противник – партнер» с перспективой на полное стратегическое партнерство. Более детально изменение образа США в «Правде» можно проследить в следующих аспектах.

1. Сорок лет, предшествовавших рассматриваемому периоду, «Правда», следуя центральной линии партии, создавала образ врага из Соединенных Штатов. И если в 1985 г. условный процент негативной информации, касающейся США, был равен 92, то уже с 1986 г. пропагандистский механизм газеты стал работать в обратном направлении. В цифрах динамику этого процесса негативных оценок США можно выразить следующим образом (%): до Женевской встречи в верхах (1985) – 97%, от Женевы до встречи в Рейкьявике (1986) – 64%, от Рейкьявика до Вашингтонской встречи

(1987) – 31%, после Вашингтона и до середины 1988 г. – 18%. Таким образом, мы видим, что после каждого раунда советско-американских переговоров оценки США «Правдой» «теплели» приблизительно в два раза.

2. С началом перестройки эволюционировал и стиль подачи материала в газете. «Правда» стала отходить от классических шаблонных методов антиамериканской пропаганды и взяла параллельный с советским руководством курс на позитивный образ Соединенных Штатов. Как наиболее яркий пример можно привести ряд лингвистических цепочек, которые характеризуют эволюцию языка газеты в отношении США от негатива к позитиву: агрессия (1985/1986) – военное вмешательство (1987) – военное присутствие (1988); ложь, лицемерие (1985/1986) – двойная мораль (1987) – заблуждение (1988); агрессивный милитаризм (1985) – милитаризм (1986) – мировой империализм (1987) – капитализм (1988); классовый враг (1985) – противоположный лагерь (1986) – страны Запада (1987) – будущее сотрудничество (1988). Налицо картина последовательного курса на переход от резкой критики к созданию положительного образа.

3. Очень интересен в рассмотрении эволюции образа США в «Правде» такой жанр, как политическая карикатура. Самый распространенный образ США – толстяк-буржуй, несмотря на обогащение американцев, постепенно худел, приобретая все более солидное человеческое обличье. С середины 1980-х гг. в карикатурах «Правды» исчезает классический образ социалистического лагеря – высокий рабочий, неизменно поражающий путающихся под ногами империалистов

В заключение хотелось бы охарактеризовать эволюцию образа США в «Правде» тремя известными цитатами: «империя зла» (1981 - 1985), «конструктивный диалог» (1986) и «мы больше не враги» (1987). Все это свидетельствует о резком смягчении курса «Правды» как средства формирования массового сознания в отношении США. Эти моменты показывают необратимость и значимость поворота на 180 градусов в советско-американских отношениях.

А.В. Шустов

Межэтнические конфликты и этносоциальные процессы в Таджикистане (1989 - 2000 гг.)

С момента обретения независимости формирование таджикского государства происходило в условиях жесткой борьбы кланово-региональных элит за власть, вылившейся в 1992-1997 гг. в полномасштабную гражданскую войну. Под ее влиянием этническая и социальная структура республики претерпела значительные изменения, не замедлившие сказаться на экономической ситуации в стране. Исследование взаимосвязи этих процессов и

их последствий для дальнейшего развития Таджикистана и легло в основу данной статьи.

Накануне распада СССР Таджикистан представлял собой самую слабо развитую в экономическом отношении союзную республику с быстро растущим населением и во многом сохранившимися традиционными социальными отношениями. По расчетам Л.А. Фридмана, подушевой ВВП Таджикистана в 1990 г. находился на последнем месте в СССР и составлял 2 180 дол., тогда как в соседнем Узбекистане он равнялся 2 790, в Казахстане – 4 490, а в России – 6 930 дол.¹ При этом для Таджикистана были характерны самые высокие в Союзе темпы прироста населения, ежегодно увеличивавшегося в 1980-е гг. на 2,9%². Сохранению высоких темпов демографического роста способствовала благоприятная половозрастная структура населения и традиция многодетной семьи, средний размер которой в начале 1990-х гг. был самым большим в СНГ и составлял 7 чел.³

Модернизация экономики Таджикистана в советский период, в ходе которой были созданы топливно-энергетическая, машиностроительная, химическая, горнодобывающая и другие отрасли промышленности, в незначительной степени затронула сам таджикский этнос. В течение 1959 – 1989 гг. удельный вес населения республики, занятого в индустриальном производстве, вырос с 19,4 до 29,1%, тогда как доля таджиков среди промышленных рабочих в конце 1980-х гг. составляла всего около 13%⁴. Как следствие, промышленные предприятия Таджикистана обслуживались в основном рабочими из России и других “славянских” республик СССР, а сохранившееся традиционные социальные структуры и патриархальный образ жизни коренное население было занято главным образом в сельском хозяйстве и сфере услуг. Все это свидетельствует, что для советского Таджикистана был характерен распространенный в восточных обществах феномен этнического разделения труда, когда каждый этнос занимал свою экономическую нишу.

Межэтнические конфликты рубежа 1980 - 1990-х гг. и начавшаяся в 1992 г. гражданская война деформировали этносоциальную структуру Таджикистана, приблизив ее к исторически характерной для таджикского общества традиционно-патриархальной модели. Проявлением этого стало резкое сокращение численности этнических меньшинств и рост удельного веса титульного населения, зафиксированные в ходе состоявшейся в январе 2000 г. всеобщей переписи населения. В течение межпереписного периода 1989 - 2000 гг. население Таджикистана увеличилось с 5 109 до 6 127 тыс. чел., или на 19,9%. При этом количество таджиков увеличилось с 3 172,4 (62,3%) до 4 898,4 (79,9%) тыс., или в 1,5 раза, а численность русских сократилась в 5,7 раза, уменьшившись с 388,5 (7,6%) до 68,2 (1,1%) тыс. чел. Если в 1989 г. на долю коренных этнических групп приходилось 87,7% населения Таджикистана, то в 2000 г. их удельный вес вырос до 97%, а доля некоренных жителей республики снизилась с 11,6 до 3%⁵.

Основная причина столь противоположных тенденций демографической динамики различных этнических групп заключалась в массовой

эмиграции некоренного населения, протекавшей на фоне сохранения высоких темпов естественного прироста коренных этносов. Рост эмиграции наметился уже в 1989 г., когда количество покинувших пределы республики более чем в два раза превысило среднегодовые показатели предшествующих лет и составило 19,1 тыс. чел. После февральских беспорядков 1990 г. в Душанбе, носивших черты межэтнического конфликта, количество эмигрантов выросло в 3 раза и составило за год 59 тыс. чел.⁶ В относительно спокойном 1991 г. уровень эмиграции снизился в два раза, но ее главным фактором по-прежнему оставалось обострение межэтнических отношений, составившее, как показало выборочное обследование Госкомстата СССР, 40,6% всех причин отъезда. По значимости этого фактора Таджикистан в 1991 г. уступал только Азербайджану (47,9%), втянутому к тому времени в вооруженный конфликт с Арменией⁷.

Сложная этнополитическая ситуация еще более усугублялась выступлениями лидеров оппозиции, использовавшими распространенные на рубеже 1980 - 1990-х гг. антирусские настроения для повышения собственного имиджа. Следствием одного из таких заявлений, сделанного лидером Демократической партии Таджикистана Ш. Юсуфом в апреле 1992 г., стало бегство из республики в течение двух неполных месяцев около 20 тыс. «русскоязычных» жителей. К октябрю 1992 г., когда между вооруженными формированиями Народного фронта (НФ) и Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) развернулись ожесточенные бои, количество беженцев из числа некоренных жителей составило 90 тыс., а к апрелю 1993 г., после взятия силами НФ Душанбе, достигло 300 тыс. чел.⁸ За время наиболее активной фазы боевых действий Таджикистан, таким образом, покинуло около половины его некоренного населения, а общая миграционная убыль республики в 1991 - 2000 гг. составила, по официальным данным, 330 тыс. чел.⁹ Реальные миграционные потери, однако, могут оказаться на порядок выше, поскольку за годы гражданской войны в Таджикистане была полностью разрушена система государственного учета населения, нередко покидавшего страну без всякой регистрации¹⁰.

На фоне высоких темпов естественного прироста таджиков и узбеков, в семьях которых рождалось в 4,8 раза больше детей, чем у русских¹¹, миграционные потери Таджикистана оказались не столь высоки, как можно было ожидать, но обернулись нехваткой квалифицированных кадров. По данным статистики 24,2% мигрантов, покинувших республику в 1989-1995 гг., имели высшее, 3% – незаконченное высшее, 36,4% – среднее специальное и 20,4% – общее среднее образование, что привело к потере республикой 132,7 тыс. квалифицированных специалистов¹².

Депопуляция и эмиграция проживавших в городах некоренных этнических групп, а также высокие темпы естественного прироста коренных этносов привели к тому, что удельный вес горожан в 1990-е гг. снизился с 33 до 26%, а доля сельского населения возросла с 67 до 74%. Сокращение населения наблюдалось в 12 из 22 городов Таджикистана, в том числе наиболее

крупных – Душанбе и Худжанде, количество жителей которых уменьшилось соответственно на 32 (5%) и 11 (7%) тыс.¹³. В результате по уровню урбанизации Таджикистан оказался отброшенным к периоду 1940 - 1950-х гг., когда горожане не превышали 1/3 населения страны.

Следствием резкого сокращения численности некоренного населения стали и существенные изменения в отраслевой структуре занятости, являющейся одним из главных показателей уровня модернизации страны. По сравнению с 1989 г. удельный вес населения, занятого в промышленности, сократился в 1,7 раза (с 29,1 до 17,4%), число занятых в сельском хозяйстве выросло крайне незначительно (с 40,8 до 41,1%), зато в 1,4 раза (с 29,5 до 41,5%) увеличилось количество работающих в сфере услуг¹⁴. В условиях снижения промышленного производства это означало рост занятости в государственном аппарате, торговле и традиционном мелком бизнесе, то есть сокращение реального сектора экономики.

Сопоставление этносоциальных процессов, происходивших в Центральной Азии после распада СССР, показывает, что по сравнению с другими государствами региона структура таджикского общества подверглась гораздо более глубокой трансформации. Если в среднем по Центральной Азии численность русских сократилась в 1,4 раза, то в Таджикистане их количество уменьшилось в 5,7 раза. Сходным образом сократилась численность и другого некоренного населения, игравшего на протяжении советского периода ведущую роль в создании и функционировании современного сектора экономики. Как следствие, Таджикистан, не имевший в условиях гражданской войны возможности сдерживать поток эмигрантов, гораздо быстрее столкнулся с проблемой обеспечения предприятий квалифицированными кадрами, а индекс его человеческого развития в 1999 г. по-прежнему находился на последнем месте в СНГ¹⁵. В результате эмиграция некоренных этносов стала одним из главных факторов традиционализации таджикского общества в 1990-е гг., отброшенного по своему социальному и экономическому развитию на несколько десятилетий назад.

➤ Примечания

1. Фридман Л. А., Видясова М. Ф. Положение СНГ-Евразии в меняющейся структуре современного мира // Россия и окружающий мир: контуры развития. М., 1996. С. 54.

2. World Development Report 2000/2001. World Bank. N. W., Washington, D.C., 2001. P. 279.

3. СНГ и ЕС: факты и цифры, 1995. Межгосударственный статистический комитет СНГ. Статистическое бюро Европейского сообщества. М., 1995. С. 31, 41.

4. Фридман Л. А., Каражас О. В. Структурные сдвиги в народном хозяйстве Центральной Азии и Закавказья // Вестник Московского ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1994. № 2. С. 6, 16.

5. О первых итогах всеобщей переписи населения 2000 года. Сообщение Государственного Статистического агентства при Правительстве Республики Таджикистан // Посольство Республики Таджикистан в Российской Федерации /http://

www.tadjikistan.ru/stat/htm/; Тульский М. Итоги переписи населения Таджикистана // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня "Население и общество". 2001. 8-21 окт. № 37-38. /http://www.demoscope.ru /weekly/037/ evro04. php/; Национальный состав населения СССР. Госкомстат СССР. М., 1990. С. 17-18.

6. Олимов М., Олимова С. Миграционная ситуация в Таджикистане // Бишкекский центр по управлению миграционными процессами /http: //bmmc. online. kg/ r1-5-1.htm/

7. Страны-члены Содружества Независимых Государств в 1991 г. Статистический комитет СНГ. М., 1992. С. 7.

8. Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (Этносоциальные процессы и политическая борьба). М, 1997. С. 40-41.

9. О демографической ситуации в странах Содружества. Межгосударственный статистический комитет СНГ // Статистика СНГ. Статистический бюллетень. Сентябрь 2001 г. № 17 (272). С. 27.

10. Олимова С., Олимов М. Миграционные тренды в 1998-2000 гг. // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2001. № 38.

11. Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2000. М., 2001. С. 363.

12. Олимов М., Олимова С. Миграционная ситуация в Таджикистане...

13. О первых итогах всеобщей переписи населения 2000 года...

14. Подсчитано по: Экономика стран Содружества Независимых государств в I полугодии 2001 года: Материалы Межгосударственного статистического комитета СНГ // Общество и экономика. 2001. № 7-8. С. 258; Фридман Л.А., Каражас О.В. Структурные сдвиги в народном хозяйстве Центральной Азии и Закавказья... С. 6.

15. Human Development Report 2001. N.W., Oxford, 2001. P. 146-147.

К.С. Советова

Африканский художник в западном обществе

Имя Узо Эгону (1930-1995) хорошо известно в мире изобразительного искусства. Приехав подростком в Великобританию на исходе второй мировой войны, он обрел там свою вторую Родину. Его по праву считают "мэтром" диаспоры: самым африканским из британских и самым британским из африканских художников XX века. Его жизни и творчеству посвящена монография Олу Огуйбе – нигерийца по происхождению, известного в странах Западной Европы и США искусствоведа и литературного критика – знатока искусства "африканского зарубежья". В 1989 г., после окончания Университета Нигерии, в Нсукка он поступил в школу Восточных и Африканских наук при Лондонском университете, где и защитил диссертацию "Узо Эгону: африканский художник в западном обществе". На ее основе была написана одноименная книга, которая была опубликована в издательстве Кала Пресс в Лондоне в 1995 г.

О. Огуйбе изучал творчество У. Эгону с 1984 г. еще будучи студентом. В 1982 г., впервые увидев произведения африканского художника, он заинтересовался его судьбой. Личное знакомство привело к дружбе между ними. Монография "Узо Эгону: африканский художник в западном обществе", написанная в жанре биографического очерка, является самой крупной работой О. Огуйбе. В ее основу легли беседы о жизни, об искусстве и положении в африканской диаспоре. В книге был создан образ художника, полностью посвятившего себя работе, "гражданина мира", мужественного человека, вкисившего "муки ада" – изгнание, отчуждение, бедность, одиночество.

У. Эгону появился на свет в канун Рождества 1931 г. в торговом городе Онича. Отец художника занимал высокий пост в колониальной администрации и, как многие образованные чиновники, хотел дать сыну первоклассное образование. Обнаружив склонность мальчика к живописи, отец направил его учиться в Великобританию в 1945 г. В 1951 г. У. Эгону завершил курс обучения в Камбервильском колледже искусства и ремесел.

Чернокожего художника, получившего образование в Европе, ожидало множество проблем. Он не рассчитывал на поддержку со стороны спонсоров и благотворительных фондов. В 1952 г. он отправился в Париж, потом в Италию, Швейцарию, Голландию, Финляндию, где изучал западное искусство и коллекции африканской скульптуры, зарабатывал на жизнь продажей акварелей. В 1958 г. в Лондоне Узо Эгону с помощью друзей открыл собственную студию.

Возвратившись из европейского турне, Эгону посвятил свои работы африканской тематике. Он изобразил на своих полотнах мир маленького чернокожего мальчика и восстанавливал в памяти мельчайшие детали быта, облик окружавших его людей ("Жующий мальчик", "Портрет африканской девушки", "Отдыхающий мужчина", "Африканские маски", "Маски и музыкальные инструменты") – детские впечатления об Африке. Она оставалась главной темой его произведений.

В цикле картин под названием "Война и мир" художник передал свое внутреннее состояние, на которое повлияла гражданская война в Нигерии (1967 - 1970). Его волновали судьбы людей, их мысли, чувства, переживания. Именно в это время появились такие его работы, как "Мать и дитя", "Разрушенный дом", "Горе женщины". Поиски гармонии человека с окружающим обществом и природой стали одной из главных тем У. Эгону. Мысли и чувства художника передавались на полотна с помощью простых геометрических фигур: углов, сфер, линий.

Ощувив трагедию раскола в Нигерии и осознав невозможность возвращения на родину, У. Эгону почувствовал себя человеком, утратившим Отечество. В 1970 г. он написал картину "Исход", которая была удостоена специальной премии Би-Би-Си, а в 1974 г. – "Второе пришествие после исхода". В 1980-е гг. художник создал серию произведений под названием "Люди без Отечества", в начале 1990-х гг. – цикл "Прошлое и настоящее ди-

аспоры". Они принесли ему славу одного из лучших британских живописцев и мировое признание.

Между тем У. Эгону так и остался "чужим среди своих". В 1995 г. в Лондоне в период сезона африканской культуры, когда художники, скульпторы, музыканты и артисты демонстрировали свое искусство, творчество У. Эгону было признано недостаточно африканским. Британские художники тоже до конца не считали его своим, усматривая в его произведениях чрезмерную традиционность, манерность и натурализм.

В последние годы жизни художник отказался от всяческих контактов. Это было связано с угрозой потерять зрение. Для художника такая трагедия была бы равносильна смерти. Боязнь перемен к худшему отразилась и в его творчестве, о чем свидетельствует хотя бы работа "Трагедия слепоты". Хирургическая операция и два инфаркта ограничили круг его общения, но он продолжал творить, несмотря ни на что.

Благодаря мастерству, выразительности используемых им изобразительных средств, новаторскому подходу к выбору сюжетов и мягкой лиричности их исполнения, У. Эгону заслуженно приобрел мировую известность. Он развил художественные традиции игбо и других этносов Африки, соединив их с традициями постимпрессионизма и модернизма.

3. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

К.М. Павлова

“Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел” А.П. Волынского и попытки его реализации

На протяжении всего периода новой истории России неоднократно делались попытки проложить путь к достижению благосостояния нации и уровня развитого гражданского общества в стране. Общественная мысль генерировала идеи прогресса. Некоторые представители правящей элиты, проанализировав идеи, отобрав из них наиболее приемлемые для конкретно-исторического момента и настроений власти, пытались более или менее успешно осуществить их.

Одним из государственных деятелей, попытавшихся предложить и реализовать программу преобразований, которые могли подать новый импульс к поднятию страны на более высокий уровень своего развития, является А.П. Волынский – министр Кабинета императрицы Анны Иоанновны.

Программу, им предложенную, традиционно называют “Генеральным проектом о поправлении внутренних государственных дел”. Проект не был завершен автором¹, а рукопись утрачена. Он содержал в себе следующие элементы: заглавие; вступительную часть, состоявшую из “приношения” императрице, обращения к читателям, исторической части и “рассуждения” о Кабинете, Сенате и генерал-прокуроре; и “собственный проект”, как ее назвал Ю.В. Готье, с разделами об армии, “о церковных чинах”, о шляхетстве, о купечестве, о правосудии, “о экономии”².

Во-первых, А.П. Волынский говорил о вредности концентрации больших властных полномочий в руках одного лица, о нестабильности и противоречивости государственных узаконений и функционирования государственных структур, если они зависят от единоличной воли. Не устраивал, по видимому, вельможу и произвол власти по отношению к дворянству и отсутствие гарантий для благородного сословия. Критически относился А.П. Волынский к персоне императрицы Анны Иоанновны: бестолковая в государственных делах, непостоянная женщина. В допросных листах зафиксирована реплика Артемия Петровича, сказанная им когда-то одному из близких людей: “Государыня у нас дура, и как докладываешь, резолюции от нее никакой не добьёшься”. А.П. Волынский негативно отзывался не только о

царствовании Анны Иоанновны, но и о правлении Петра Великого, что можно расценить, хотя и с долей вероятности, как неприятие А.П. Волынским политики первого русского императора с точки зрения оценки уровня эффективности функционирования государственной системы.

Во-вторых, А.П. Волынский был недоволен тем, что Кабинет Министров занимался множеством дел, подлежащих компетенции других государственных органов, в частности Сената и коллегий.

В-третьих, по мнению А.П. Волынского, оставляли желать лучшего законодательная база государства, судопроизводство, финансовая система, а также образовательный уровень государственных чиновников и служителей церкви³.

В своем проекте А.П. Волынский писал о необходимости упорядочить государственные законы, устранить противоречия в законодательных актах. Предлагал упорядочить деятельность Кабинета, разделив делопроизводство его “на две экспедиции двум секретарям”, перевести часть дел для рассмотрения и решения из Кабинета в Сенат и коллегии, увеличить число сенаторов, ввести ежегодное инспектирование сенаторами губерний. В сфере местного управления А.П. Волынский предлагал придерживаться принципа несменяемости воевод, ввести систему магистратов.

А.П. Волынский был сторонником положительного сальдо в государственном бюджете; для его осуществления он предлагал следовать экономии в государственных расходах, сократить расходы на армию, сократив ее численность, а по границам устроить нечто похожее на военные поселения времен императора Александра I. Предлагал А.П. Волынский и меры интенсивного пополнения бюджета путем пересмотра тарифной таможенной политики, кабацких сборов, а также путем стимулирования развития промышленности и поощрения предпринимательской деятельности купечества, т.е. за счет создания благоприятных условий для развития экономики.

Дело просвещения нации А.П. Волынский предлагал фактически возвести в ранг государственной политики. По его мнению, необходимо было создать систему подготовки отечественных кадров для государственной службы, сохраняя практику посылки молодых дворян обучаться за границу. Кроме того, он считал необходимым создать образовательную систему для подготовки грамотных священников. Более подробных сведений об иерархии учебных заведений для подготовки государственных служащих и священников нет. В государственные чиновники и церковнослужители должно производиться дворянство⁴.

Помимо того, что шляхетство должно было получить монополию на власть и отчасти на идеологию, оно, как предлагал автор проекта, должно пользоваться и экономическими преимуществами: в частности – монополией на винокурение (Ю.В. Готье предполагает, что и на содержание конюшенных заводов – тоже⁵).

Можно предположить, что А.П. Волынский пытается такими посулами дворянству заручиться его поддержкой своим проектам: во вступительной

части проекта есть "обращение к читателям", где автор склонен к диалогу с ними, предлагает вносить свои предложения и исправления. А.П. Волынский на следствии показывал, что просил "кабинет-министров и сенаторов, ежели они что усмотрят, чего им недополнено или забыто, дабы в том сенаторы потрудились и изъяснили"⁶. Из показаний Ф.И. Соймонова следует, что А.П. Волынский говорил о своем намерении по окончании работы над проектом, "... свое сочинение друзьям раздавать, чтоб об оном везде известно было"⁷. Имея лояльное отношение солидных дворянских кругов к своему сочинению, А.П. Волынский и его проекты выглядели бы солиднее в глазах верховной власти, склонной, как ему казалось, к уступкам мнению общества, к которому он и себя причислял.

Таким образом, можно говорить о наличии у А.П. Волынского программы преобразований в области государственного управления, финансов и в вооруженных силах. Предложения политических преобразований в проекте отсутствуют, хотя автор и придерживался мнения о благе ограничения самовластия монарха в России с точки зрения гарантий прав личности.

Основополагающих законодательных актов, созвучных программе А.П. Волынского, нет, за исключением указа от 21 сентября 1739 г. о разделении Кабинета Министров "по экспедициям"⁸. Таким образом, осуществилась идея А.П. Волынского "...о разделении... в Кабинете дел на 2 экспедиции двум секретарям..."⁹. А.П. Волынский писал "...о умножении дел кабинетских...", считая, что необходимо разгрузить Кабинет Министров от дел, находящихся формально в компетенции других государственных органов – Сената и коллегий¹⁰. Динамика передачи дел из Кабинета Министров имеет тенденцию возрастать с течением времени. Пик приходится на последнее полугодие 1739 г.

В Сенат и коллегии отправлялись на рассмотрение и решение дела о злоупотреблении должностным положением, о передвижениях по служебной лестнице, челобитные по гражданским и уголовным делам, экономические вопросы (например, о монополии на продажу табака, о торговле на Каспийском море), а также распоряжения о создании комиссий для рассмотрения каких-либо вопросов, распоряжения об организации операции по поимке беглых, о раскольниках и т.д.

И все же Сенат выступает учреждением, в котором происходит предварительная подготовка дела, затем оно идет на рассмотрение в Кабинет, министры выносят свою резолюцию: дело уходит либо на дальнейшее рассмотрение и решение в Сенат, либо с ним на доклад идут к императрице. Также происходит и с законодательными актами: "формуляры" поступают на "апробацию" в Кабинет, после его одобрения или с соответствующими замечаниями их отправляют обратно в Сенат соответственно для публикации или на доработку. В одной из бесед в начале 1740 г., А.П. Волынский сообщил, что планируется пополнение числа сенаторов¹¹. Вероятно, делая доклады императрице, А.П. Волынский сумел убедить ее в необходимости расширения состава Сената. Бирон, может быть, в таком увеличении влияния кабинет-

министра на императрицу и в решении о Сенате увидел угрозу своему влиянию. Но сведений об этом нет. Противником увеличения числа сенаторов был А.И. Остерман¹². С другой стороны, именно идея увеличения числа сенаторов была одним из основных объектов политической борьбы между членами Верховного Тайного Совета и шляхетством в январе – феврале 1730 г. при воцарении императрицы Анны.

В реконструированной Ю.В. Готье структуре “Генерального проекта” за разделом о Сенате следует раздел об армии: А.П. Волынский считал, что численность армии нужно сократить, а оставшиеся реорганизованные армейские подразделения расположить по государственным границам в слободах¹³.

Созвучной изложенному плану является запись в журнале Кабинета Министров от 6 декабря 1739 г.: от лица императрицы повелевалось в Кабинет внести на рассмотрение план устройства фактически военных поселений для гарнизонных полков в Прибалтике, полков лейб-гвардии при Санкт-Петербурге и тех, которые будут расположены внутри государства, а также для матросских военных подразделений. Предлагалось расположить полки по слободам, женатые солдаты жить должны с семьями; солдатам, желающим жениться, указывалось препятствий не чинить. Предусматривалось вести учет солдатским детям мужского пола в военной и адмиралтейской коллегиях. Мальчиков предлагалось обучать в устроенных при полках школах грамоте, а совершеннолетних юношей приписывать в полки для военной службы и в качестве обслуживающего персонала армии. Таким образом, появился вариант решения проблемы пополняемости армии: при подобной системе в будущем возможно “...для укомплектования армейских и гарнизонных полков, рекрут уже не брать...” – будет “естественный прирост”.

Очевидно, что А.П. Волынский вынашивал идею о введении прикладного образования для детей простолюдинов. В проекте А.П. Волынского говорилось о возможности “одворянивания” всей системы государственной администрации и церковных чинов.

В результате анализа документов Кабинета Министров и законодательных актов, опубликованных в Полном Собрании Законов Российской Империи (из этих источников следует, что не только А.П. Волынский сочинял «мнения» по проблеме образования в России, но и власть вносила на рассмотрение Кабинета проекты организации системы образовательных учреждений), складывается представление о ступенях системы образования «по А.П. Волынскому»: начальное образование для простого народа, включавшее обучение грамоте и профессиональное образование; среднее образование для дворянского сословия в кадетских корпусах с разделением на классическое и реальное для знатных дворян и рядовых соответственно; высшее образование для шляхетства в Академии наук. Система образования для дворянства ставила своей целью подготовку профессиональных государственных служащих.

Таким образом, можно говорить о том, что А.П. Волынский добился рассмотрения некоторых пунктов своего проекта в Кабинете Министров с санкции императрицы и ориентацией на составление законодательных актов по ним.

➤ **Примечания**

1. Готье Ю.В. “Проект о поправлении государственных дел” Артемия Петровича Волынского // Дела и дни, 1922. Кн. 3. С. 3, 4, 15. Здесь и далее ссылка на труд Ю.В. Готье подразумевает ссылку на фрагменты анализируемого источника, восстановленного ученым.

2. Там же. С. 18-24.

3. Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР, 1858. Кн. 2. С. 149-150, 151; Готье Ю.В. Указ. соч. С. 8, 20, 21-22.

4. Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР, 1858. Кн. 2. С. 151; Готье Ю.В. Указ. соч. С. 21-24.

5. Готье Ю.В. Указ. соч. С. 28.

6. Цит. по: Готье Ю.В. Указ. соч. С. 19.

7. Там же. С. 7.

8. Кабинет // Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1884. Т. 13. С. 788.

9. Готье Ю.В. Указ. соч. С.21.

10. Там же. С. 22.

11. Из “записок князя Я.П.Шаховского // Вслед подвигам Петровым...”. М., 1988. С. 381.

12. Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР, 1852. Кн. 2. С. 151.

13. Готье Ю.В. Указ. соч. С. 22.

Р.И. Попов

Ново-Архангельск первой половины XIX в. в воспоминаниях русских мореплавателей

Официально принято считать, что северо-западное побережье Аляски было открыто в результате второй Камчатской экспедиции В.Й. Беринга и А.И. Чирикова. В дальнейшем, в ходе многочисленных плаваний русских купцов и промышленников, российские владения в Америке подверглись планомерному изучению и освоению.

Как и в Сибири, на новых территориях русские строили укрепленные поселения, которые играли роль торговых, хозяйственных, административных, оборонительных и культурных центров. Главным из них был Ново-Архангельск. Это селение было построено на острове Ситха в 1804 г., рядом со старой Архангельской крепостью, сожженной индейцами – тлинкитами.

Ново-Архангельск занимал выгодное экономико-географическое положение. Он был расположен на высокой горе, внутри просторного Ситхин-

ского залива, побережья которого изобиловали морским и пушным зверем, а лес, покрывающий остров, был годен для судостроения.

Являясь главной факторией первой в России акционерной Российско-Американской компании, правление которой находилось в Петербурге, Ново-Архангельск был часто посещаем кораблями русских кругосветных экспедиций, снаряжаемых либо на средства самой компании, либо – Морского министерства. В связи с этим многие русские морские офицеры, участники экспедиций, заходя на кораблях в Ново-Архангельский порт и курсируя вдоль берегов Русской Америки с целью их изучения и охраны, могли наблюдать состояние хозяйственных дел в колониях, природу новой для себя местности, окружающие ландшафты, жизнь и быт русских поселенцев и коренных жителей, отмечая в своих дневниках и записках впечатления и переживания от увиденного. Именно эти источники, наряду с обилием информации по географии и этнографии, позволяют нам проследить культурное развитие колониальной столицы и, что немаловажно, восстановить облик Ново-Архангельска первой половины XIX столетия.

До сих пор исследователи обходили своим вниманием тот факт, что Ю.Ф. Лисянскому, командиру корабля «Нева», находящегося в составе первой русской кругосветной экспедиции 1803 – 1806 гг., принадлежит инициатива переноса центра управления русскими владениями в Америке с острова Кадьяк в Ново-Архангельск. Исходя из всех преимуществ, связанных с удобством расположения Ситхинской крепости, Лисянский заключал: «Новоархангельск, по мнению моему, должен быть главным портом Российско-Американской компании по тому, что оный ... находится в средоточии самых важных промыслов. В окружности онаго водится такое множество бобров, что ежели иностранные суда не воспрепятствуют, то каждый год можно будет вывозить оных по крайней мере тысяч до осьми»¹.

Об удачном местоположении Ново-Архангельска, находящегося в самом центре бобровых лежбищ, в дальнейшем писали В.М. Головин, С.И. Яновский и О.Е. Коцебу².

Все русские мореплаватели, побывавшие в Ново-Архангельской крепости, отмечали что располагалась она на высоком холме, близ Ситхинской гавани и опоясывалась толстым палисадом с деревянными башнями. На стенах и башнях были установлены «разного рода и калибра» артиллерийские орудия для отражения внезапных атак индейцев, а внутри крепости возвышался построенный на самой вершине утеса двухэтажный дом Главного правителя русских колоний. Мебель «мастерской работы и дорогой цены», составлявшая его интерьер, была привезена из Петербурга и Англии. Однако, что более всего поражало русских моряков во время их пребывания в доме правителя, так это обширная библиотека почти на всех европейских языках и множество картин. И книги, и картины были подарены компании «разными знатными особами в Петербурге» и по решению директоров были отправлены на Аляску с первой кругосветной экспедицией³. Библиотека ежегодно пополнялась и являлась «великим пособием от скуки». По тради-

ции в свободные часы все офицеры компании собирались в доме правителя и проводили время за чтением книг или в беседах в ходе которых «между другими предметами» говорили и о предстоящих делах.

К середине 20-х гг. XIX в. поселение расширилось и вокруг крепости появилось предместье, окруженное сплошным частоколом без пушек. Внутри находились казармы для служащих компании, алеутские жилища, бани, магазины, лавки, адмиралтейская верфь с мастерскими, церковь, частные дома, а за укреплениями – огороды. В Ново-Архангельске был свой арсенал «с огнестрельным и холодным оружием на сто человек», а также школа и больница, о необходимости создания которой писал В.М. Головнин, побывавший в Русской Америке во время кругосветного плавания 1807 – 1811 гг. Головнин был сильно удивлен тем, что «во всех компанейских колониях нет ни одного лекаря, ни подлекаря, ни лекарского ученика»⁴. В связи с этим помощь тяжелобольным в первые годы существования Ново-Архангельска практически не оказывалась⁵. Вернувшись в Петербург, Головнин в своем рапорте настаивал на учреждении в столице Русской Америки стационарного лечебного заведения. По всей видимости, Главное правление пошло навстречу просьбам русского мореплавателя, поскольку в записках Ф.П. Литке говорится о больнице в Ново-Архангельске, которая вместе с аптекой находилась в отдельном доме, была рассчитана на восемь мест для тяжелобольных, обеспечена всем необходимым и содержалась в большой чистоте. Ежегодно Главное правление Российско-Американской компании снабжало больницу медикаментами. Лечение осуществлялось за счет компании. У главного врача было четыре ученика, постигающих основы медицинской науки⁶.

Наблюдая за работой Ново-Архангельского порта, русские моряки отмечали, что суда компании, возглавлявшиеся офицерами императорского флота, содержались в чистоте и порядке. Принадлежавшие компании корабли совершали плавания с торговыми целями в Охотск, Калифорнию, Гавайские острова, привозя в Ново-Архангельск продовольственные и промышленные товары. Продовольствие русские получали и с приходящих в колониальную столицу кораблей Соединенных Штатов.

Для добычи калана (морского бобра) из Ново-Архангельска отправлялись промысловые отряды, состоящие из русских и алеутов, способности которых в деле добычи морского зверя считались непревзойденными.

Рабочие Ново-Архангельского адмиралтейства в свободное от судостроительных работ время занимались изготовлением орудий, предназначенных для отправки в Калифорнию, лили колокола, производили медную посуду, необходимую для употребления на кораблях и для меновой торговли с туземцами, делали сальные свечи и т.п.

Со времени вступления в должность Главного правителя российских колоний Ф.П. Врангеля (с 1830 г.), по свидетельству Л.А. Загоскина, началась для Русской Америки «новая эра»⁷. Войдя в курс колониальных дел, Врангель воссоздал Ново-Архангельск. На месте обветшавших строений возникли новые. Был заново отстроен и дом Главного правителя, в котором

к тому времени, помимо библиотеки, появились: кабинет морских карт и инструментов, музей птиц и животных, а также одежд коренного населения Аляски. В одном из залов дома была построена сцена, на которой ставились пьесы и водевили, устраивались балы и маскарады⁸.

Была преобразована и компанейская школа. Она разделялась на два класса: класс младших воспитанников, где ученикам преподавались закон божий, русская грамота и «первые четыре правила арифметики» и класс старших воспитанников, которые обучались морскому искусству⁹.

Существовала также школа для девочек, нацеленная на подготовку домохозяек. Говоря о занятиях учениц в этой школе, Л.А. Загоскин отмечал, что они «сами на себя шьют, моют и исподволь приучаются к домашнему хозяйству и бережливости», а некоторым из них «преподают закон божий и русская грамота»¹⁰.

Несмотря на невысокую численность населения (около 800 человек), Ново-Архангельск оставался одним из крупнейших центров на всем североамериканском побережье вплоть до продажи русских владений США в 1867 г.

➤ Примечания

1. Цит. по: Невский В.В. Первое путешествие россиян вокруг света. М.: Изд-во геогр. лит-ры, 1951. С. 174-175.

2. Головнин В.М. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Камчатка» в 1817 – 1819 гг. М.: Мысль, 1965. С. 140; Яновский С.И. Путешествие вокруг света от Кронштадта на о. Ситху, в порт Новоархангельск на корабле «Суворов» в 1816 – 1817 гг. // Известия Калужской Ученой Архивной комиссии / Под ред. И.Д. Четыркина, В.М. Кашкорова. Калуга: Тип. Губ. правления, 1898. Вып. 5–6; Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823 – 1826 гг. М.: Наука, 1981. С. 192.

3. Головнин В.М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807 – 1811 гг. М.: Изд-во геогр. лит-ры, 1961. С. 322.

4. Там же.

5. Там же. С. 323.

6. Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» 1826 – 1829. М.: Изд-во геогр. лит-ры, 1948. С. 48.

7. Загоскин Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842 – 1844. М.: Изд-во геогр. лит-ры, 1956. С. 367.

8. Там же. С. 370.

9. Там же. С. 368.

10. Там же. С. 371 – 372.

В.В. Накропин

Карьера Алексея Петровича Ермолова в годы войн России с наполеоновской Францией (1805 – 1812 гг.)

Отставленный от службы (26 декабря 1798 г. [6 января 1799 г.]¹), как и множество других русских офицеров, в царствование Павла I, Ермолов был восстановлен в армии уже в 1801 г. По материалам РГВИА Алексей Петрович снова поступил на службу 1 (13) марта 1801 г. в 8-й артиллерийский полк². Однако это не соответствует истине. Известно, что Ермолов был сослан в Кострому за участие в антиправительственном кружке и во время убийства Павла Петровича все еще пребывал в этом городе. Павел же был убит в ночь с 11 на 12 (23 – 24) марта, таким образом, Алексей Петрович не мог быть восстановлен в армии раньше 20-х чисел марта 1801 г.

Мы лишь можем предположить, что в марте 1801 г. Ермолов был амнистирован и приехал в Петербург. Однако добиться места в армии Алексей Петрович смог только 9 (21) июня 1801 г., когда был действительно принят подполковником в 8-й артиллерийский полк (стал командиром роты конной артиллерии). По выслуге лет Ермолову полагался чин полковника, но Аракчеев, который был тогда инспектором артиллерии, невзлюбил молодого подполковника и всячески препятствовал его продвижению в чине (хотя Алексей Петрович имел уже боевые награды и слыл опытным артиллеристом)³.

Ермолов был очень честолюбив и, будучи обойден в чине, очень страдал от этого. В своих записках он прямо указывает на то, что его несправедливо обошли чином⁴.

Однако в дальнейшем Алексей Петрович с лихвой наверстал упущенное. В 1805 г. начинается новый этап противоборства России с наполеоновской Францией и здесь Ермолову, как храброму и умелому офицеру, раскрылись большие возможности.

В кампанию 1805 г. рота Ермолова входила в армию М.И. Голенищева-Кутузова и Алексей Петрович был участником знаменитого отступления из Баварии. Он участвовал в боях и сражениях: 22 октября (3 ноября) – при Амштеттене, 30 октября (11 ноября) – под Кремсом и, наконец, 20 ноября (2 декабря) - при Аустерлице. Несмотря на то, что Ермолов показал себя храбрым и знающим офицером, за кампанию 1805 г. он получил лишь орден Св. Анны II ст. да чин полковника (давно уже ему полагавшийся⁵) и был назначен со своей ротой в 3-ю дивизию генерал-лейтенанта Ф.В. Остен-Сакена. Все это произошло уже в 1806 г.⁶ 26 августа (7 сентября) того же года произошло преобразование артиллерийских рот и батальонов в артиллерийские бригады, а также их включение в состав пехотных дивизий⁷. В связи с этим, Ермолов

назначается командиром 7-й артиллерийской бригады в дивизии Д.С. Дохтурова⁸.

С 25 ноября (7 декабря) 1806 г. по 7 (19) июня 1807 г. Алексей Петрович находился в Пруссии, где участвовал в сражениях против французов: 14 (26) декабря 1806 г. – при Голымине, за что получил золотую шпагу с надписью “За храбрость”; в 1807 г. – 12 (24) января – при Либштате, 13 (25) января – при Морунгене, 23 января (4 февраля) – при Варлаке, 24 января (5 февраля) – при Вельсдорфе, 26 января (7 февраля) – при Ландсберге, 27 января (8 февраля) – в генеральном сражении при Прейсиш-Эйлау⁹, 20 февраля (4 марта) – при Цехерне.

В мае (июне) 1807 г. активные военные действия продолжились. Алексей Петрович, продолжая с начала кампании командовать артиллерией авангарда русских войск, сражался: 24 мая (5 июня) – при Алкирхене, 25 мая (6 июня) – на реке Пасарге¹⁰ 27 мая (8 июня) – в сражении у Гутштатта, а за бой под Гейльсбергом (29 мая (10 июня)) Алексей Петрович получил алмазные знаки к ордену Св. Анны II степени¹¹. Участвовал Ермолов и в Фридландском сражении (2 (14) июня), когда русская армия, вследствие бездарного командования Л.Л. Беннигсена, потерпела крупное поражение.

В июле 1807 г. конно-артиллерийской роте Ермолова, как наиболее отличившейся в минувшую кампанию, вручаются специальные петлицы “За отличие” (на воротник мундира); сам Алексей Петрович получает должность начальника артиллерии в 9-й пехотной дивизии А.А. Суворова.

16 (28) марта 1808 г. Ермолов был произведен в генерал-майоры и, продолжая командовать 7-й артиллерийской бригадой, назначен был инспектором части конно-артиллерийских рот. В 1809 г. (когда Россия выступала в качестве союзника Франции против Австрии) генерал командует 14 000-м резервом русских войск на границе с Польшей; в конце года вместе с войсками передислоцируется на Украину (квартира самого Ермолова – в Киеве); фактически становится Киевским губернатором. 1 (13) октября 1809 г. 7-я бригада Ермолова получила № 9.

После кампании 1806 - 1807 гг. Имя Ермолова стало широко известно по всей армии, его заметил сам император. И 10 (22) мая 1811 г. Алексей Петрович был назначен командиром Гвардейской артиллерийской бригады¹². В октябре 1811 г. генерал прибыл в Санкт-Петербург и сразу был назначен командиром 2-й Гвардейской пехотной бригады с сохранением должности командира гвардейской артиллерийской бригады¹³. В марте 1812 г. Ермолова сделали командиром всей Гвардейской пехотной дивизии. Интересно отметить, что в документах РГВИА есть упоминание только о том, что Ермолов командовал Гвардейской артиллерией, а то, что он был еще и командиром Гвардейской пехоты, нигде не говорится.

1812 г. принес Ермолову всенародную известность. 1 (13) июля 1812 г. он назначен начальником штаба 1-й Западной армии. За сражение при Валутиной горе 7 (19) августа 1812 г. Алексей Петрович получил чин генерал-

лейтенанта¹⁴. До этого генерал участвовал в сражениях под Витебском и Смоленском. В Бородинском сражении 26 августа (7 сентября) 1812 г. Алексей Петрович за то, что отбил у неприятеля батарею Раевского, был награжден орденом Св. Анны I степени¹⁵. 6 (18) октября Ермолов участвует в деле при Тарутине, 12 (24) октября при Малоярославце командует авангардом корпуса Д.С. Дохтурова (получил Св. Владимира II класса). С 14 (26) октября по 6 (18) ноября 1812 г. генерал находился в авангарде русских войск (под командованием М.М. Милорадовича), где сражается: 22 октября (3 ноября) - под Вязьмой и 4 - 6 (16 - 18) ноября – под Красным¹⁶. 7 (19) ноября 1812 г. Ермолов получил в командование отряд генерала Г.В. Розена (состоящий из гвардейских частей). 19 (31) декабря 1812 г. Алексей Петрович личным приказом Александра I назначен начальником артиллерии всей русской армии.

Таким образом, мы видим, что за какие-то семь лет из никому не известного артиллерийского офицера, Алексей Петрович Ермолов стал настоящим боевым генералом. Он занимал престижнейшие посты в русской армии: командовал Гвардией, был начальником штаба 1-й Запвдной армии, наконец, в последний день 1812 г. стал командующим артиллерией всех русских армий. Всего этого генерал достиг единственно благодаря своим незаурядным полководческим качествам. В заграничных походах 1813 - 1814 гг. Ермолову еще не раз пришлось отличиться, но уже 1812 г. прочно вписал имя Алексея Петровича в разряд выдающихся воинов России. Заслуги генерала в наполеоновских войнах оказали решающее влияние при назначении его на пост Главнокомандующего на Кавказе в 1816 г.

Статья публикуется в соответствии с планом работы лаборатории военной истории.

➤ Примечания

1. РГВИА Ф. 395, оп. 16. Д. 33, л. 2
2. Там же; РГВИА Ф. 489, оп. 1. Д. 7062, л. 271об.
3. За участие в войнах периода царствования Екатерины II Ермолов имел 2 награды: Ордена Св. Георгия IV ст. и Св. Владимира IV ст.
4. Ермолов А.П. Записки. 1798 – 1826 гг. М., 1991 С. 32
5. В общей сложности Ермолов проходил в подполковниках 9 лет!
6. Награду Ермолов получил весной 1806 г., а в полковники был произведен 4 (16) июля того же года. См. РГВИА Ф. 395, оп. 16. Д. 33, л. 2
7. Подробнее см.: Смирнов А.А. Аракчеевская артиллерия. М., 1998
8. РГВИА Ф. 489, оп. 1. Д. 7062, л. 271об.
9. За этот бой награжден орденом Св. Владимира III ст., хотя был представлен к Св. Георгию III ст. См. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 93-94. Кроме того, из рук Прусского короля, в числе лучших русских офицеров, получает орден *Pour le Merite* (“За достоинство”).
10. За этот бой, согласно материалам РГВИА, Ермолов получил орден Св. Георгия III ст., тогда как первый биограф Алексея Петровича М.П. Погодин утверждает, что Георгия Ермолов получил за бой у Гутштатта, который произошел

27 мая (8 июня) 1807 г. Погодин М.П. А.П. Ермолов М., 1864; РГВИА Ф. 395, оп. 16. Д. 33, л. 2об.

11. Погодин М.П. Указ. соч. С. 63; Ермолов А.П. Указ. соч. С. 111 По материалам РГВИА, Ермолов получил алмазные знаки к ордену Св. Анны за сражение при Фридланде.

12. РГВИА Ф. 395, оп. 16. Д. 33, л. 2

13. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 117-118

14. Правда чин этот он получил лишь 31 октября (12 ноября) того же года (РГВИА Ф. 489, оп. 1. Д. 7062, л. 271об).

15. Кутузовым Ермолов был представлен к Св.Георгию II ст.

16. За Красный Алексей Петрович получил Золотую шпагу с алмазами (РГВИА Ф. 474, оп. 1. Д. 96, л. 74).

Е.С. Веденский

Русская православная церковь и начальное народное образование во второй половине XIX в.

Вопрос о роли и месте русской православной церкви в просвещении народа, становлении системы начального образования стал актуален в настоящее время в силу ряда обстоятельств.

Вследствие умалчивания или полного отсутствия по идеологическим и политическим причинам специальных научно-исследовательских работ по данной проблематике в советский период, настало время объективно оценить деятельность РПЦ в этой области общественной жизни.

Кроме того, в настоящее время РПЦ активно стремится участвовать как в обсуждении проблем образовательной реформы, так и в самом образовательном процессе.

Во второй половине XIX в. православное духовенство также не могло оставаться в стороне от происходивших в Российской империи общественно-политических изменений, поэтому оно стало принимать активное участие и в создании системы начального народного образования.

К моменту начала реформы начального народного образования духовенство уже успешно совмещало свои духовные обязанности с обучением крестьянских детей в сельских школах. Многие священники устраивали школы в своих домах, что было весьма обременительным для семей священников.

Деятельность духовенства в реализации реформы регламентировалась «Положениями о начальном народном образовании» 1864 и 1874 гг., которые предоставили РПЦ наряду с другими ведомствами инициативу в открытии начальных школ (церковно-приходских школ), находящихся под контролем Синода, а также школ воскресных.

Суть самой реформы сводилась, прежде всего, к утверждению в народе религиозных и нравственных понятий, распространению первоначальных знаний. Исходя из преследуемых целей, во всех типах школ вводился обязательный набор учебных предметов: Закон Божий, чтение церковной и гражданской печати, письмо, первоначальные арифметические действия.

Правительство предоставило общественности возможность контролировать учебный процесс в начальной школе; с этой целью создавались губернские и уездные училищные советы. На духовенство была возложена обязанность контроля по соблюдению религиозно-нравственной направленности учебного процесса во всех типах начальных школ.

Признавая важность умственного и физического развития ребёнка, РПЦ в то же время призывала, чтобы в учебном процессе больше внимания уделялось именно духовному воспитанию подрастающего поколения. Религиозно-нравственное воспитание должно было, по мнению духовенства, принести пользу как самому ребёнку, так и государству, гражданином которого он является.

Для контроля за деятельностью школ при Синоде был создан специальный Училищный совет¹. Училищный совет составлял учебные программы для церковно-приходских школ, давал рекомендации по комплектованию школьных библиотек художественной литературой, учебниками, журналами по различным областям знаний. Вопреки распространённому мнению о консервативности духовенства, материалы по деятельности Училищного совета дают возможность утверждать, что в совете работали компетентные люди, которым были знакомы и новые зарубежные педагогические издания.

Ежегодно епархиальные училищные советы составляли планы открытия новых церковно-приходских школ. При открытии школ епархиальные училищные советы помогали сельским обществам, принимая на себя часть расходов по постройке и ремонту зданий. В большинстве случаев при устройстве школ духовенство пользовалось в больших размерах частной благотворительностью, которая существенно дополняла денежные поступления из казны, предназначенные для открытия школ.

При епархиальных училищных советах был создан институт наблюдателей, которые в своих отчетах отмечали хороший уровень постановки учебного процесса в церковно-приходских школах.

Преподавание Закона Божьего в сельских школах возлагалось на приходского священника, который, как правило, был и заведующим школой. Вести уроки по другим предметам могли как священники, так и светские лица, имеющие звание народного учителя. Требования к претендентам на замещение вакантных учительских должностей в уездных училищах были жесткими (все претенденты проходили конкурсные испытания), а с 1874 г. все начинающие учителя должны были проходить испытательный срок в течение года.

Церковь постоянно заботилась о повышении квалификации учителей, поэтому в 60-70-е гг. XIX в. учителями становились по преимуществу лица, окончившие полный курс семинарии. Учебная программа духовной семинарии давала воспитанникам такой общеобразовательный уровень знаний, который позволял поступать в любое высшее учебное заведение, не говоря уже о праве преподавать в начальной школе. 27 февраля 1866 г. было принято решение о введении в учебную программу семинарии педагогики. Надо отметить, что в педагогический класс семинарии принимали только самых лучших семинаристов. С 1876 г. Синод предписал руководству духовных семинарий делать в свидетельствах выпускников специальные отметки о том, может ли тот или иной выпускник быть удостоен учительского звания. В случае отсутствия в свидетельстве данной пометки семинарист не мог занимать должность народного учителя. Выпускники семинарий вели успешное обучение детей не только в школах, находящихся в ведении Синода, но и в земских школах.

Заботясь о повышении профессионального уровня учителей церковно-приходских школ, духовенство проводило педагогические курсы, на которых учителя обменивались своим опытом.

Говоря об уровне педагогической подготовки учителей земских и церковно-приходских школ, современник отмечал, что если в 1897 г. учителей с достаточным для преподавания в школе образованием было в земской школе 67,4%, в церковно-приходской – 69,6%, то уже в 1903 г. соотношение изменяется: 67,9% и 76,8% соответственно.

Размер жалования учителя церковно-приходской школы зависел от срока службы и образования. Учитель, имеющий среднее образование, получал в среднем 17 – 20 рублей в месяц; если его педагогический стаж превышал 15 лет, то он получал 25 рублей в месяц.

Для успешного распространения грамотности в уездах губерний при сельских школах открывали книжные склады для продажи книг населению. Библиотеки пополнялись в основном религиозной литературой, а также книгами по истории, сельскому хозяйству и т.п. В некоторых школах открывались библиотеки-читальни, которые посещались крестьянами.

Для увеличения доли грамотного населения православное духовенство устраивало народные чтения, которые пользовались большой популярностью у народа². Здесь велись беседы как на религиозные, так и на светские темы.

Благодаря активной деятельности духовенства, земских органов и других ведомств, за вторую половину XIX в. территория Российской империи покрылась целой сетью начальных школ различных типов. Однако следует отметить разницу в динамике роста численности земских школ и школ, находящихся в ведении Синода. Особенно это различие наблюдается в середине 60-х гг. XIX в., когда подавляющее большинство начальных школ составляли школы, открытые духовенством. Для земских органов это был период теоретических настроений, когда велись горячие прения по вопросу

о введении всеобщей грамотности, о характере образования и проч. Практического значения для качественного роста земских начальных школ этот период не имел. Ситуация меняется в 70-е гг. XIX в., когда наблюдается интенсивное развитие сети земских школ, которые начинают составлять серьёзную конкуренцию школам духовного ведомства как в количественном, так и в качественном отношении. Но, начиная с 1880-х гг. и вплоть до конца XIX в., удельный вес начальных школ, находящихся под контролем Синода, неуклонно растёт. Это, прежде всего, связано с политикой царского правительства, которое в это время встало на путь контрреформ, в том числе и в системе народного образования. Особенно необходимо отметить деятельность К.П. Победоносцева, который взял курс на создание широкой сети церковно-приходских школ и школ грамоты («Правила о церковно-приходских школах» 1884 г., «Правила о школах грамоты» 1892 г.). Но в целом количественный рост численности земских школ продолжался, хотя и меньшими темпами по сравнению с 70-ми гг. XIX в. Всё это в конечном счёте привело к тому, что к концу XIX в. земские и церковно-приходские школы стали основными типами начальных учебных заведений.

К 1 января 1897 г. в Российской империи уже насчитывалось 78 724 начальных народных училища, включая городские школы Министерства народного просвещения. Из этого общего числа 44% (34 836) школ подчинялись Синоду (церковно-приходские и школы грамоты), 42% (32 708) – Министерству народного просвещения, а остальные 14% школ находились в ведении других ведомств³.

Соответственно повысился и уровень грамотности населения: если в 1856 г. удельный вес грамотного населения составлял 5 – 6% от общей численности населения России, то к началу XX в., согласно материалам первой всеобщей переписи населения, процент грамотного населения Европейской России уже составил 22,9%. Чуть более 1% населения имели высшее и среднее образование; число обучающихся в средней школе по отношению ко всему грамотному населению составляло лишь 4%⁴.

С уверенностью можно сказать, что уровень образования в России в этот период определяла начальная школа. Немалую роль играла в этом процессе, как свидетельствуют источники, русская православная церковь.

➤ Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 803. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

2. РГИА. Ф. 803. Оп. 1. Д. 818. Л. 20 об.; Д. 1489. Л. 28 об.

3. Смолич И.К. История русской церкви. 1700 – 1917. Кн. 8. Ч. 2. М., 1997. С. 109.

4. Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры. М., 1990. С. 123; Ососков А.В. начальное образование в дореволюционной России (1861-1917). М., 1982. С. 10, 31.

А.Н. Пичуев

Центральные и местные правоохранительные органы России последней трети XIX – начала XX вв.

Последняя треть XIX – начало XX в. – время преобразований, реформ и контрреформ, затронувших все стороны общественно-политической и социальной жизни страны. Данная тема на протяжении длительного времени была закрыта для широкого обсуждения. Одной из причин, определяющих необходимость ее изучения, является то, что она недостаточно исследована как в дореволюционной, так и советской и постсоветской исторической литературе. Если история центральных органов охраны порядка хоть в небольшом объеме, но все же рассмотрена в исследовательской литературе, то местные органы правоохранения, в том числе и Ярославской губернии, за редким исключением, практически не описаны нигде.

МВД сконцентрировало в своих руках множество разнообразных функций, важнейшей из них была карательная. Департамент полиции исполнял данную функцию, поэтому он и был практически автономен. Его структурные органы контролировали не только охрану порядка, но и общественно-политическую жизнь.

Царское правительство с нарастанием революционной ситуации все более расширяло и укрепляло сеть органов политического сыска по всей России. В начале XX в. в помощь губернским жандармским управлениям начали функционировать охранные отделения, впоследствии слитые с ними.

Общая полиция на местах изменялась по полицейской реформе 1862 г., а местные органы политического сыска (жандармерии) реорганизовались по новому "Положению о корпусе жандармов" от 19 сентября 1867 г. Что же касается центральных органов сыска, то лишь в 1880 г. произошло упразднение III отделения, а функции политического сыска перешли в МВД. В том же году при МВД был создан Департамент полиции.

Политику правительства по отношению к уголовному розыску нельзя назвать однозначной. Единственное, что можно совершенно определенно сказать по этому поводу – уголовному сыску уделялось гораздо меньшее внимание, чем политическому сыску. Это, в частности, подтверждается тем фактом, что если сеть различных учреждений политического сыска была достаточно разветвлена по всей России, то учреждения уголовного розыска, как таковые, появились лишь в 1908 г., с утверждением "Закона об организации сыскной части". До этого же ведение общеуголовными делами было лишь одной из многочисленных функций Департамента полиции. Правительство считало общеуголовные дела мелкими и маловажными, хотя на самом деле именно с ними была связана основная масса совершаемых пре-

ступлений. Развитие и укрепление именно органов политического сыска понижало эффективность работы общей полиции, но не ее значение.

Судебную реформу большинство исследователей считают одним из самых последовательных и радикальных преобразований 1860 - 1880 гг. XIX столетия. Изменив структуру судебных институтов, реформа 20 ноября 1864 г. прежде всего затронула местное судопроизводство, которое было более слабым в сравнении с центральными органами суда.

Дробление судов на окружные, мировые и волостные позволяло вести судебные дела с наибольшей эффективностью, так как судьям не приходилось постоянно разъезжать для выяснения особенности дела.

Повышению уровня судопроизводства способствовали профессионализм новых судей и определенная связь между судьями и населением подсудного ему участка. Основная заслуга судебной реформы и ее создателей состояла в том, что единоличный суд превратился в коллегиальный.

В указанный период преобразования в сфере карательной политики были столь кардинальны, что затронули саму суть тюремной системы. В 1879 г. по тюремной реформе, появляется Главное тюремное управление при МВД, которое в 1895 г. было передано в ведение Министерства юстиции.

В сфере уголовно-исполнительной системы существовало много проблем: произвол тюремной администрации, негуманная система наказаний, жилищно-хозяйственная проблема (новые, переименованные и получившие новый статус тюрьмы, располагались в старых зданиях), проблема недостатка кадров и финансирования.

Но были и позитивные моменты: возникновение четкой структуры управления тюремным делом, неплохой подбор кадров, повышение общего профессионального уровня служащих тюремных органов и учреждений. Вместе с тем условия, которые сложились в российских тюрьмах, даже при наличии в них церквей, школ, библиотек, вряд ли могли способствовать "нравственному исправлению" заключенных.

Февральская революция кардинально изменила карательный аппарат страны (причем не в сторону смягчения) и практически смела правоохранные органы царской России, заменив их впоследствии новыми, советскими. И хотя зачастую опыт старых учреждений учитывался, новой власти пришлось во многом начинать все сначала, тем самым ухудшая качественный уровень органов сыска, суда и пенитенциарной системы.

И.Е. Семенов

**Проблема российской оккупации
Маньчжурии в 1900-1904 гг. в освещении
русских
общественно-политических журналов**

Эффективность провозглашенной многовекторности внешней политики РФ предполагает учет исторического опыта деятельности на международной арене, в т.ч. и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К последнему относится неудачная попытка экспансии в Китае, повлекшая за собой конфликт между Россией и Японией, поддержанной Англией и США в дипломатико-финансово-информационном отношении. В отечественной и зарубежной историографии уделено некоторое внимание описанию и анализу оккупации российскими войсками Маньчжурии (северо-востока Китая) в 1900 - 1904 гг. – одной из острых проблем русско-японских отношений того времени¹. Однако вопросы освещения последних русскими общественно-политическими журналами затрагиваются в этих трудах отрывочно и неполно. Материалы русских «толстых журналов», дополненные другими источниками, позволяют в сочетании с фактами, содержащимися в историографии, обрисовать следующую картину оккупации Маньчжурии российскими войсками и ее освещения в периодических изданиях в начале XX в.

Подписание 16 (28) августа 1896 г. соглашения о концессии на постройку и эксплуатацию КВЖД между Цинской империей и Русско-Китайским банком способствовало российским инвестициям в Маньчжурию. В регионе к 1900 г. имелось немало русской собственности (железные дороги, угольные копи, предприятия по деревообработке и т.д.), которой был нанесен значительный ущерб в ходе восстания ихэтуаней, поддержанных китайскими правительственными силами. При подавлении этого выступления в Маньчжурию были введены российские войска. Вопросы, связанные с их присутствием в регионе, стали одной из основных проблем международных, в т.ч. русско-японских, отношений на Дальнем Востоке начала XX в.

Внешнеполитический обозреватель «Русского богатства» С.Н. Южаков в целом негативно относился к экспансии за пределы империи, т.к. внутренние области испытывали нехватку инвестиций. В то же время публицист ратовал за присоединение Северной Маньчжурии, критикуя проникновение в южную часть региона². Южаков первоначально наряду с неблагоприятными последствиями оккупации Маньчжурии (нелегализованность, способствующую вмешательству третьих стран, повышение вероятности войны с Китаем или из-за него) видел и положительную черту: нахождение российских войск

в регионе гарантировало выплату компенсации за убытки, причиненные ихэтуанями³. Затем Южаков обращал внимание лишь на отрицательные стороны: невыгодность (большие расходы при ничтожных шансах на выплату Пекином контрибуции)⁴, способствование обострению отношений с Японией⁵, в т.ч. по корейскому вопросу в 1903 г. (близость российских войск делала независимость Сеула призрачной, а японский бизнес рассчитывал на экспансию в Корею)⁶. Считая возврат российских войск в Мукден и Инкоу в конце 1903 г. обоснованным тем, что китайцы отказались предоставить дополнительные гарантии русской собственности в Маньчжурии, Южаков высказывал уверенность в том, что оккупация региона не приведет к войне с Токио⁷.

Автор «Иностранного обозрения» журнала «Русская Мысль» В.А. Гольцев, выражая общее сомнение в окупаемости российских вложений в Маньчжурию, вместе с тем считал невозможным даже частичный, как предлагал Южаков, уход из региона. Гольцев сокрушенно констатировал в 1901 г., что КВЖД и ее южную ветвь «придется с большими пожертвованиями охранять от враждебного населения. Трудно предположить, когда там наступит выгодное товарное движение. А уйти нельзя... [отточие Гольцева - И.С.]»⁸. И если в 1901 г. он полагал, что в случае обеспечения законности и порядка в Маньчжурии возможно создание российского протектората в этом регионе⁹, то в 1902 - 1903 гг. отмечал наличие обостренного недовольства в Японии и Китае, более слабого – в Англии и США по поводу даже оккупации провинции¹⁰. В конце 1903 г. Гольцев констатировал, что угроза войны с Японией логично приводила к увеличению численности российских войск в Приамурье и Маньчжурии¹¹. По мнению публициста, вывести войска из Маньчжурии – потерять деньги, вложенные в КВЖД, «и оставить на произвол судьбы также потребовавшие страшных затрат Порт-Артур и Дальний»¹².

Л.З. Слонимский, внешнеполитический обозреватель либерального «Вестника Европы», в целом критикуя дальневосточную политику России за проведение экспансии на северо-востоке Китая, к концу 1903 г. высказал идею продажи южной ветви КВЖД, отказа от планов на Квантуне¹³. Слонимский подверг критике то, что не была в 1900 г. объявлена война Китаю, вследствие чего вопрос о Маньчжурии стал частью общей проблемы урегулирования после восстания ихэтуаней. Благодаря этому другие державы смогли вмешаться в процесс заключения соглашения об условиях вывода войск¹⁴. Решительно опровергал Слонимский домыслы западных СМИ о намерении России получить протекторат над Маньчжурией, т.к. Санкт-Петербургу требовались дополнительные гарантии безопасности для имеющейся на территории этой провинции Китая русской собственности¹⁵. Подвергнуты критике идеи присоединения региона, т.к. это повлекло бы огромные расходы при абсолютной чуждости России населения и отстаивания военной силой бесперспективного для русского бизнеса маньчжурского рынка. Слонимский отмечал, что следование этим идеям привело к проявлению обостренного недовольства в наиболее авторитетных изданиях США

по поводу ущемления свободы торговли в зоне русской оккупации¹⁶. Он указывал на то, что вывод российских войск во время русско-японских переговоров 1903 - 1904 гг. тормозился тем, что это выглядело бы как односторонняя уступка великой державы, совершенная под давлением¹⁷.

Консервативный «Русский Вестник» в целом поддерживал политику экономического проникновения на Дальнем Востоке, нередко требуя проведения экспансии более решительно и масштабно, чем это собирался делать Санкт-Петербург. Публицист Ф. Духовецкий ратовал за протекторат над Маньчжурией и ее последующее присоединение ради обеспечения российской собственности¹⁸. Д.П. Райский предлагал присоединить по аграрным соображениям наряду с этим регионом еще и Монголию¹⁹. Н.Н. Емельянов и В.А. Теплов высказывались против присоединения и долгой оккупации по внешнеполитическим и финансовым соображениям²⁰. Сопротивление других держав заключению в 1901 г. соглашения об условиях вывода войск Емельянов предлагал сломить ужесточением порядков оккупации²¹. Автор, использовавший псевдоним «Странник», отмечал, что именно Англия своим вмешательством в 1901 г. в процесс выработки российско-китайского соглашения о выводе войск сорвала подписание договора, должно гарантировать русскую собственность в Маньчжурии, и стала причиной продолжительной оккупации провинции²². К. Духовецкий видел основанием для такого поведения Британии склонность Лондона брать под контроль земли по праву оккупации²³. В.А. Теплов в конце октября 1903 г., опровергая обвинения Англии, США и Японии в адрес России в том, что она нарушает собственные обязательства, утверждал, что Санкт-Петербург имеет моральное право на охрану своей собственности в Маньчжурии (после больших жертв в 1900 - 1901 гг. и значительных инвестиций) и юридическое основание для приостановки эвакуации своих войск из этой китайской провинции: в договоре от 26 марта 1902 г. был пункт о соблюдении оговоренных сроков вывода лишь в случае отсутствия беспорядков и недружественных действий других держав и самой Поднебесной, угрожающих русской собственности в Маньчжурии (при очевидной неспособности китайских властей охранять КВЖД от хунхузов)²⁴.

Русские общественно-политические журналы начала XX в. оценивали российскую оккупацию Маньчжурии в связи с различием идеологических направленностей. Представители в разной степени оппозиционной прессы предпочитали сосредотачиваться на негативных моментах оккупации: повышении вероятности войны с Китаем или из-за него, способствовании обострению отношений с Японией («Русское Богатство»); возбуждении недовольства в Японии, Китае, Англии и США («Русская Мысль»). «Вестник Европы» подверг критике ряд внешнеполитических решений: необъявление войны Китаю в 1900 г. и отстаивание военной силой маньчжурского рынка. В определенной мере проправительственные публицисты «Русского Вестника», поддерживая власть по ряду вопросов (реоккупации части Маньчжурии, противодействию попыткам других держав вмешаться в российско-китайские переговоры), в то же время требовали осуществления ряда меро-

приятый более широко (присоединения ряда территорий), чем это мог себе позволить Санкт-Петербург. Наряду с этим имелось и общее для «толстых журналов» убеждение в необходимости даже столь дорогостоящей защиты российскими войсками русской собственности в Маньчжурии, т.е. оккупации. Вероятность того, что эта мера может стать одной из причин русско-японской войны, либо исключалась («Русское Богатство»), либо не рассматривалась.

➤ Примечания

1. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века: от русско-французского союза до Октябрьской революции. М., 1997; Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Л., 1955; Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны / Пер. с нем. М., 1961; Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе 1848-1918 / Пер. с англ. М., 1958; и др.

2. Южаков С.Н. Политика // Русское богатство. 1901. № 4. С. 162-166; 1903. № 11. С. 138-141.

3. Там же. 1901. № 4. С. 165-167.

4. Там же. 1901. № 5. С. 150; № 9. С. 132.

5. Там же. 1903. № 8. С. 130; № 12. С. 127; 1904. № 1. С. 78.

6. Там же. 1903. № 12. С. 127.

7. Там же. 1904. № 1. С. 78; 1903. № 12. С. 127.

8. Гольцев В.А. Иностранное обозрение // Русская Мысль. 1901. № 4. С. 197. См. также: Там же. № 8. С. 236.

9. Там же. 1901. № 8. С. 236.

10. Там же. 1902. № 5. С. 228; 1903. № 11. С. 199.

11. Там же. 1903. № 10. С. 269.

12. Он же. 1903 год в политическом отношении // Там же. 1904. № 1. С. 222.

13. Слонимский Л.З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1903. № 11. С. 386-387.

14. Там же. 1901. № 4. С. 826-828.

15. Там же. 1903. № 6. С. 766.

16. Там же. 1901. № 5. С. 382; 1903. № 8. С. 802; № 11. С. 386-387; № 12. С. 813.

17. Там же. 1904. № 1. С. 381.

18. Духовецкий Ф. Желтый вопрос // Русский Вестник. 1900. № 12. С. 748.

19. Райский Д.П. Сношения забайкальских крестьян и казаков с Монголией и Маньчжурией // Там же. 1901. № 8. С. 585-594.

20. Емельянов Н.Н. Россия и Маньчжурия // Там же. 1901. № 5. С. 251; Теплов В.А. Затруднения на Дальнем Востоке // Там же. 1903. № 11. С. 420.

21. Емельянов Н.Н. Россия и Маньчжурия // Там же. 1901. № 5. С. 252, 258.

22. Странник. Письма из Лондона // Там же. 1901. № 6. С. 559-560; № 8. С. 295, 296.

23. Духовецкий К. Синяя книга о маньчжурском договоре // Там же. 1902. № 7. С. 344.

Н.А. Личак

Развитие системы охраны памятников в РСФСР в 1921 - 1930 гг.

С первых дней после Октября 1917 г. охрана памятников истории, культуры, искусства рассматривалась как дело государственного значения. Такие вопросы, как охрана петербургских дворцов, Московского Кремля, национализация культурных ценностей, установление памятников революционным деятелям и другие, обсуждались на заседаниях Совнаркома под председательством В.И. Ленина в числе важнейших проблем. Впервые в России была создана система государственных органов, призванных руководить делом музеев и охраны памятников, осуществлена национализация крупнейших культурных ценностей¹.

С 1921 г. начинается новый этап развития системы органов охраны памятников искусства и старины.

В 1921 - 1922 гг. правительство вынуждено было резко сократить ассигнования по Наркомату просвещения. Это не могло не отразиться на охране памятников. Ремонтно-реставрационные работы, начатые в Москве, Ярославле, Новгороде, прекратились. Содержание большинства памятников перешло на местный бюджет.

К началу 1922 г. было создано Главное управление научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра Наркомпроса РСФСР (Главнаука). В ведении Главнауки сосредоточились все учреждения, связанные с организацией охраны памятников и разработкой ее методики, с их изучением и пропагандой: Отдел по делам музеев и охраны памятников, РАИМК, Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ), музеи, Центральное бюро краеведения (ЦБК), музейно-экскурсионные институты в Москве и Петрограде.

Одновременно произошла реорганизация охраны памятников на местах. При отделах народного образования создаются губернские комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (губмузеи). Их функции по сравнению с подотделами, существовавшими прежде, были значительно расширены. Наряду с учетом памятников на губмузеи возлагалось производство археологических раскопок и реставрационных работ, организация художественно-исторических заповедников, популяризация памятников (устройство выставок, лекций, экскурсий, т.д.)².

В начале 1923 г. едва только появились возможности для этого был отчасти разрешен вопрос о материальной базе охранных мероприятий. Постановление СНК РСФСР от 12 апреля 1923 г. разрешило Наркомпросу иметь

специальные средства, получаемые от входной платы, продажи изданий, эксплуатации земельных участков и строений. Наиболее значительные памятники были взяты на государственный бюджет³.

С 1923 г. возобновились реставрационные работы. По своей направленности и методам они являлись продолжением деятельности первых послереволюционных лет. Однако круг объектов значительно расширился. Наряду с Москвой, Ярославлем, Ленинградом, Новгородом, реставрационные работы развернулись в Пскове, Ростове Ярославском. С 1923 по 1926 гг. в провинции подверглось ремонту и реставрации свыше 200 памятников архитектуры⁴.

Цикл законодательства по охране памятников при жизни В.И.Ленина, заложивший основу государственной системы охраны памятников, завершился Декретами Совета Народных Комиссаров от 8 марта 1923 г. «Об учете и регистрации предметов старины и искусства»⁵ и от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы»⁶. Встал и вопрос о формах правильного хозяйственного использования памятников архитектуры.

Декрет «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» явился дополнением декрета «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» от 5 октября 1918 г.⁷ В нем рассматривалась перерегистрация собраний и отдельных памятников искусства и старины, состоявших на учете Главного Управления научных учреждений академического центра Народного Комиссариата просвещения по музейному отделу. Было установлено для предметов, «имеющих исключительно музейное значение, произвести постоянную государственную регистрацию и учет, в чьем бы ведении и обладании такие предметы не находились». Проведение регистрации производилось научно-художественной экспертной комиссией музейного отдела. Владельцы старинных предметов получали охранные грамоты. Предметы, которые были признаны не представлявшими музейное значения, снимались с учета и предоставлялись в распоряжение владельцам. Те собрания и отдельные памятники искусства, старины и народного быта, которые имели музейное значение, были оставлены после регистрации на учете музейного отдела. Не разрешался их вывоз за границу, переход от одного владельца к другому и т.д. Музейному отделу Наркомпроса предоставлялось право использования собраний и отдельных предметов для выставок и изданий.

Таким образом, предметы старины, народного быта, находившиеся в музеях, хранилищах и частных собраниях, вошедшие в музейный фонд и охраняемые государственными средствами, признавались народным достоянием, производился тщательный контроль за предметами.

Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» 1924 г. закреплял за губернскими и областными исполнительными комитетами меры по неуклонному соблюдению порядка, учета и охраны памятников. Ремонт, реставрация, переделка, сломка и использование памятников зодчества, зарегистрированных в Отделе по делам музеев

Главнауки и научных учреждений академического центра НКП, должны были производиться только по предварительному разрешению Отдела.

Таким образом, за всеми предметами искусства и старины музейного значения и т.п. был установлен контроль в лице Отдела по делам музеев Главнауки. Распоряжения по охране памятников искусства, старины и природы издавались губернскими и областными исполнительными комитетами при непосредственном участии губоно. Местным органам власти и руководителям строительных и земляных работ вменялось в обязанность следить за тем, чтобы археологические памятники «не использовались в качестве строительного материала... не распахивались, не раскапывались в каких-либо хозяйственных целях, в окружности памятников оставалась бы неприкосновенной охранный полоса», чтобы «случайно обнаруженные археологические памятники не подвергались разрушению» и так далее. Не допускались ремонт, реставрация, переделка, слом и использование памятников архитектуры, зарегистрированных в Отделе по делам музеев Главнауки, без письменного разрешения этого Отдела или губмузеев. Устанавливались правила хозяйственного использования памятников архитектуры⁸.

Важным нововведением явилось изменение системы руководства охраной памятников. Функции «фактической охраны» на местах от губмузеев переходили к местным органам власти. Это стало одним из решающих обстоятельств, неблагоприятно сказавшихся в дальнейшем на развитии дела охраны памятников. Декрет сначала только ограничил сферу деятельности музейных органов учетом памятников и наблюдением за выполнением охранных мероприятий. Однако они имели право «veto» при решении вопросов о сносе и перестройке памятников, находившихся на учете Отдела по делам музеев.

Уже в 1925 г. губмузеи, а в 1926 - 1927 гг. заменившая их инспектура Отдела народного образования были ликвидированы. Судьба памятников, рассредоточенных по различным ведомствам, перешла в руки людей, в силу характера своей деятельности далеких от этих проблем, не понимавших зачастую значения охранных мероприятий. Законы об охране памятников, принятые правительством, были направлены на пресечение проявившихся в отдельных случаях попыток уничтожения культурных ценностей прошлого.

Реставрационные и учетные работы организовывались и велись Центральными государственными реставрационными мастерскими. К середине 1920-х гг. ЦГРМ стали крупным научно-методическим и производственным центром охраны памятников: наделенные контрольными и производственными функциями, они в то же время разрабатывали принципы учета, консервации, реставрации памятников. В ученом совете ЦГРМ, возглавлявшемся И.Э. Грабарем, работали крупные специалисты.

Активные реставрационные работы продолжались примерно до 1927 г. Их практика внесла новое в теорию и методику архитектурной реставрации и раскрытия фресковой живописи. Был детально разработан, например, метод комплексного исследования архитектурных памятников, получивший

название “архитектурно-археологического”. Открытие П.Д. Барановским приемов древней кирпичной кладки сделало возможным восстановление утраченных архитектурных деталей. Над проблемой расслоения фресковой живописи работал П.И. Юкин. Частичным научным обобщением реставрационных работ за 10 лет Октября явились сборники, изданные ЦГРМ в 1926 и 1928 гг.⁹

В конце 1920-х гг. в связи с работой над планами реконструкции советских городов встала проблема места памятников прошлого в будущем социалистическом городе¹⁰. В 1928 г. ЦГРМ разработали “Схему распределения памятников архитектуры на категории”¹¹. Эта схема имела ряд существенных недостатков методологического характера.

Таким образом, становление органов охраны памятников, развитие законодательства явились первыми шагами нового государства в деле культурного строительства. Между тем система охраны памятников, созданная в начале 1920-х гг., распалась. В 1930 г. был ликвидирован Отдел по делам музеев и охраны памятников, в 1934 г. закрыты ЦГРМ. Охрана памятников перешла в ведение музеев, однако ни юридическими полномочиями, ни финансовыми возможностями для этого они не были обеспечены.

➤ **Примечания**

1. См.: Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР // История СССР. 1967. № 2. С.193.
2. Там же. С.196.
3. Там же.
4. Там же. С. 197.
5. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1923. № 20. Ст. 245.
6. Там же. 1924. № 18. Ст. 179.
7. Там же. 1918. № 73. Ст. 794.
8. Жуков Ю.Н. Память Отечества. М., 1988. С. 41.
9. Там же. С. 197.
10. Там же. С. 198.
11. Там же. С. 199.

А.И. Ветерков

Библиотечная работа профсоюзов в первой половине 1920-х гг.

С началом в России новой эпохи, после прихода к власти большевиков в 1917 г., складывается новый аппарат власти и управления. Изменения затронули и профсоюзные органы, в том числе и в связи с их культурно-просветительной работой. При губернских советах профсоюзов и отраслевых

центральных комитетах начинают создаваться культурно-просветительные отделы, иногда с библиотечными секциями. К началу 1919 г. культурно-просветительные отделы были организованы при всех производственных союзах и советах, “а к концу 1920 г. 17 ведущих профсоюзов насчитывали уже около полутора тысяч культотделов”¹. Библиотечные секции при культотделах содействовали открытию библиотек на фабриках и заводах, пополняли фонды политической, экономической и художественной литературой.

Низовая сеть стационарных профсоюзных библиотек разделялась к началу 1920-х гг. на две основные группы – фабрично-заводские, расположенные чаще всего непосредственно на территории предприятия, и приклубные – библиотеки клубов, принадлежащих профорганизации того или иного предприятия, учреждения, местному отделению определенного союза или низовым территориальным объединениям нескольких союзов. Клубные библиотеки профсоюзов вели активную библиотечную работу среди работников предприятия, группы предприятий или местного отделения союза, которому принадлежал клуб.

Следующую ступень в системе профсоюзных библиотек составляли библиотеки районных, городских, уездных и губернских отделений тех или иных союзов, а также библиотеки уездных профбюро, губернских профбюро или советов профсоюзов.

Библиотеки губернского уровня – как отдельных союзов, так и советов профсоюзов (ГСПС) – было бы неверным представлять повсеместно более мощными в сравнении с библиотеками низовой сети. За исключением Центральной рабочей библиотеки при Московском Губернском Совете Профсоюзов, занимавшей как по своему книжному составу, количеству читателей и количеству выдаваемых книг, так и массовой работе с читателями центральное место в сети профсоюзных библиотек, “все они обычно ютятся в крохотных помещениях; в иных из них книг много 10 - 15 тысяч, у других мало – 3 – 4 тысячи”².

Замыкали “пирамиду” библиотеки центральных комитетов союзов, различные по величине и составу фондов, и Центральная библиотека ВЦСПС. Там же располагалась и библиотека Профинтерна, объединявшего прокоммунистические элементы мирового профдвижения и действовавшего в Москве в 1921 – 1937 гг.

Гражданская война, разруха, нехватка средств не давали в полной мере развернуть культурно-просветительскую работу. К январю 1919 г. в тех губерниях России, где существовала советская власть, библиотеки имели 22,4% губотделов союзов (общее количество – 204), читальни – 5,9% (общее количество – 54). Наибольшее количество библиотек находилось в промышленно развитых губерниях. Так, например, в Иваново-Вознесенской губернии 45 союзов имели 17 библиотек и 4 читальни (37,7% и 8,8% соответственно), в Московской 92 союза имели 29 библиотек и 10 читален (31,5% и

10,8%), в Ярославской в ведении 65 союзов находилось 18 библиотек и 7 читален (27,6% и 10,7%)³.

Для общего руководства просветительной деятельностью профсоюзов и работы по упорядочению библиотечной сети руководящие органы по культурно-просветительной работе в профсоюзах широко применяли практику рассылки анкет и запросов о наличии библиотек как и в целом по отдельным профсоюзам, так и об имеющихся библиотеках в отдельных губерниях того или иного профсоюза. Одним из профсоюзов, имеющих уже к 1920 г. разветвленную сеть библиотек на фабриках, являлся профсоюз текстильщиков. В ведении этого союза находились библиотеки при многих фабриках, однако по районным отделениям распределялись они не одинаково. Так, в Московском отделении имелось лишь 35 библиотек на 405 предприятий, а в Иваново-Вознесенском – 30 библиотек на 137 предприятий (в данном случае характерно видна разница в пропорциях); Владимирское отделение – 12 библиотек на 37 предприятий, Александровское – 8 библиотек на 35 предприятий, Тверское – 5 библиотек на 9 предприятий, Ярославское – 8 библиотек на 15 предприятий, Костромское – 6 библиотек на 10 предприятий⁴.

Несмотря на все изъяны в организации библиотечного дела к концу гражданской войны, хаотичную расплывённость, неразобранность значительной части фондов, отсутствие необходимых помещений и инвентаря, нехватку квалифицированных библиотекарей и так далее, с каждым годом наблюдался как рост числа самих библиотек, количества литературы в них, так и рост числа читателей. Если “в 1913 году в России было 14 тысяч библиотек, из них 11 тысяч в сельской местности, то из более чем 20 тысяч библиотек, имевшихся к концу 1920 – началу 1921 года, около 6 тысяч библиотек находилось в ведении профсоюзов”⁵. Таким образом, несложно подсчитать и сделать вывод о том, что уже в начале рассматриваемого нами периода большинство городских библиотек было в ведении профсоюзов.

Окончание гражданской войны и связанная с этим определенная стабилизация общего положения в республике сказались и на развитии библиотечного дела. Меры государства при проведении новой экономической политики не могли не отразиться на библиотечной работе. Тогда-то и возникло платное библиотечное обслуживание. Бедственное положение библиотек привело к тому, что стали заключаться договоры о передаче библиотек на содержание профсоюзам. Среди локально предпринимаемых действий можно назвать передачу волостных библиотек, не относящихся к профсоюзам, на попечение учителям, работавшим по совместительству, слияние нескольких мелких библиотек в одну более крупную. В докладе заведующего культурно-просветительным отделом Рыбинского губернского совета профсоюзов отмечалось, что “недостаток книг чувствуется огромный... В настоящее время произвожу реорганизацию. Мелкие уничтожаю, предполагая поставить сеть передвижек”⁶.

В период нэпа сеть профсоюзных библиотек в целом пострадала меньше, чем сеть политпросветовских. Тем не менее библиотечная сеть профсоюзов, “созданная до восстановительного периода, сократилась в первой половине 1922 года почти в два раза. На каждые 10 тысяч членов профсоюзов приходилось 9 библиотек вместо 15 в 1921 году, посещаемость же упала с 1,1 тысячи до 777 человек”⁷. Ситуация усугублялась также и расточительностью, небрежным отношением к имеющимся ресурсам. Библиотекари призывали “обратить исключительное внимание на катастрофическое положение с переплётom и ремонтом книг, что угрожает полным истощением книжного инвентаря”⁸.

В связи с острой нехваткой финансирования, летом 1921 г. начался процесс передачи обратно профсоюзам части культурно-просветительных учреждений, отданных осенью 1920 г. органам Наркомпроса. Усилилась данная тенденция осенью 1921 – зимой 1922 гг. из-за изменений в бюджетной политике. Профсоюзы обеспечивали выделение средств на содержание библиотечного персонала и комплектование фонда библиотек, организуемых на предприятиях союза. V Всероссийский съезд профсоюзов (17 - 22 сентября 1922 г.) принял решение о необходимости “специального союзного культфонда, который создаётся как при отдельных производственных объединениях, так и при межсоюзных объединениях”⁹. В резолюции этого же съезда подчёркивалось, что “профсоюзные организации должны сосредоточить при заводских рабочих клубах и все другие культурно-просветительные учреждения, и в том числе профсоюзные библиотеки”¹⁰.

Рост влияния профсоюзов способствовал усилению тенденций к обособлению их культурно-просветительной деятельности. В 1923 г. культотдел ВЦСПС выступил против идейно-политического и организационного контроля политпросветов над работой политпросветучреждений, субсидируемых культорганами профсоюзов. Позиции Главполитпросвета и культорганов профсоюзов резко разошлись. Специальная комиссия ЦК РКП (б) по согласованию проектов Главполитпросвета и культотдела ВЦСПС о взаимоотношениях политпросветов и профсоюзных организаций. ВЦСПС признал прерогативой политпросветов руководство “методическо-программной стороной” культработы просветительных учреждений профсоюзов. В целях экономии сил и средств было решено там, где общебиблиотечная сеть политпросветов сильна и хорошо обслуживает население, закрывать часть союзных библиотек с выделением средств из местных культфондов профсоюзов на усиление общебиблиотечной фабрично-заводской сети и передвижек, находящихся в распоряжении политпросветов. Самостоятельность профсоюзов по отношению к собственной сети политпросветучреждений усилилась.

Росло число самих библиотек, их постоянных подписчиков. В отчёте ВЦСПС к VI Всесоюзному съезду профсоюзов (11 - 18 июля 1924 г.) сообщалось, что “в 62 губерниях в 1923 году было 1608 библиотек, в которых числилось 332 тысячи постоянных подписчиков”¹¹. В отчёте по культурной

работе Костромского ГСПС отмечалось, что к декабрю 1924 г. (по сравнению с предыдущим годом) “число книг увеличилось на 28 838 или на 60%. Число подписчиков в библиотеки увеличилось более чем вдвое (на 112%), однако число посещений – на 5%”¹².

К 1925 г. ещё многие библиотеки существовали на случайно отпускаемые средства и не имели твёрдого бюджета. Было решено, чтобы профсоюзы регулярно давали средства на пополнение библиотек литературой по специальным сметам. Ещё одной заботой губернских советов и отделов профсоюзов должно было стать создание фондов для пополнения книжного состава передвижек.

Библиотечная работа профсоюзов первой половины 1920-х гг. принадлежала своей эпохе. Именно в это время была создана целостная система профсоюзных библиотек, сложилась её массовая читательская аудитория. Профсоюзы практически проводили не только снабженческую работу, но и методическую; вели идейное руководство, которое шло “помимо библиотечного отдела Главполитпросвета”¹³.

➤ Примечания

1. Бендерский И. Л. Библиотечная работа профсоюзов // Библиотечное дело в период НЭПа (1921 – 1929). В 2-х ч. Ч. 2. М., 1991. С. 54.
2. Там же. С. 58.
3. Подсчитано по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р – 5451. Оп. 3. Д. 442. Л. 2.
4. История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы. 1918 – 1920. М., 1975. С. 173 – 174.
5. Бендерский И.Л. Указ. соч. С. 60.
6. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 4. Д. 309. Л. 61.
7. Бендерский И.Л. Указ. соч. С. 61.
8. Глазков М.Н. Библиотеки в годы НЭПа (по архивным документам) // Советское библиотековедение. 1992, № 3-4. С. 89.
9. Бендерский И.Л. Указ. соч. С. 63.
10. Носач В.И., Ушаков А.А. Советские профсоюзы в борьбе за социалистическую культуру. 1917-1937. М., 1986. С. 47.
11. Бендерский И.Л. Указ. соч. С. 68.
12. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 8. Д. 361. Л. 124.
13. Глазков М.Н. Указ. соч. С. 91.

А.В. Васильев

Влияние религии на творческое развитие отечественных рок-музыкантов

При детальном рассмотрении истоков развития, становления и активной жизни рок-н-ролла в России появляется существенный парадокс. При всем своем ярком величии феномен отечественной рок-музыки оказывается буквально неизученным. Проблема в том, что практически никто не занимался анализом истоков отечественной рок-музыки, ее социальной роли, не освещены проблемы рок-н-ролла с приходом перестройки, духовные, нравственные и творческие поиски рок-музыкантов и т.д.

По данной проблеме в России практически не было исследовательских работ. Незнание этой темы делает её ещё более интересной.

Рок-музыка и религия, несомненно, понятия взаимосвязанные. Практически всем рок-музыкантам приходилось в своём творчестве так или иначе затрагивать религиозные темы, сюжеты, проблемы...

Отечественная рок-культура долгие годы находилась в оппозиции к тоталитарному режиму советского общества. На раннем этапе творчества многие музыканты ведут поиск решения социальных проблем в исконно русской форме религии – язычестве, которое одновременно просто и таинственно и с наибольшим максимализмом и яркостью помогает изложить мысль в слове, мелодике.

С приходом перестройки связан в первую очередь выход из подполья советского рока и становление его ведущих музыкантов в качестве неформальных, духовных лидеров.

Отечественный рок-андеграунд с приходом демократии и гласности оказался на грани творческого бессилия, пустоты. Перестройка выбила из-под ног ту почву, на которой рок был взращён. Основная масса прежних творческих тем оказалась в это «новое время» неактуальной, банальной, достоянием всех и каждого.

Из этого реанимационного состояния, творческой комы рок-культуру вывели её признанные герои, лидеры. В сердцах рок-музыкантов зажглась та духовная жажда, которая привела каждого из них к нравственному поиску Бога, приобщению к мировым религиям и культурам различных народов и исторических эпох.

Лидеры отечественного рок-н-ролла стали открывать для себя и своих почитателей Древний Восток, Индию и Китай, Элладу, скандинавские саги и древнерусские былины и сказания. Рок становится более одухотворённым. Многие обращаются к христианству, но и здесь проявляется индивидуальность каждого рок-поэта.

Новое время заставило по-новому глядеть и на религии. Нетрадиционные взгляды на некоторые сюжеты Священного Писания и на религию в целом представляют в своём творчестве ряд известных рок-музыкантов.

Объединяет же всех рок-поэтов идея о том, что знаки Бога искать не надо: Бог есть во всём, если только взглянуть на мир по-новому, взглядом, искрящимся добротой.

Можно сказать, что мы только начинаем подходить к изучению этого вида искусства, которое требует к себе научного подхода с литературоведческой, социологической, философской, музыкальной точки зрения и в определённом историческом контексте.

4. ИСТОРИЯ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ

О.Д. Ельцова

Церковное и монастырское землевладение в Ярославской епархии в середине XVIII – начале XX вв.

Важнейшим элементом хозяйственной жизни РПЦ являлись земельные угодья, всегда приносившие гарантированную прибыль. Но в отечественной историографии существует весьма незначительное число работ, посвященных церковному и монастырскому землевладению¹. Изучение данной темы в региональном аспекте вообще не проводилось. Заполнить некоторые пробелы позволяют документы Государственного архива Ярославской области, отчеты обер-прокуроров Синода за 1836 – 1914 гг. и т. д.

По ведомостям Счетной Экспедиции Коллегии Экономии в начале 1740-х гг. земельные имущества 34 монастырей Ярославской епархии составляли приблизительно 42 тыс. дес. Крупнейшим землевладельцем среди них являлся Ярославский Спасо-Преображенский монастырь (9,5 тыс. дес. земли). Более тысячи десятин имели еще 8 монастырей. Ростовский архиерейский дом по масштабам землевладения почти в 1,5 раза превосходил монастыри епархии: ему принадлежало 56 тыс. дес. земли, из которых 77% занимали лесные участки².

Период после секуляризации и до начала XX в. можно разделить на два этапа: если в конце XVIII – первой половине XIX вв. наблюдался рост преимущественно церковного землевладения, то в последующий период ведущая роль в этом процессе переходит к монастырям. В начале XIX в. церквям Ярославской епархии принадлежало около 26 тыс. дес. земли³. На один храм в среднем приходилось по 29 дес. земли, т. е. необходимая пропорция в 36 дес. земли, установленная Екатериной II, не соблюдалась. Главной причиной этого являлось нежелание крестьян и помещиков наделять храм угодьями в ущерб себе, что усугублялось отсутствием планов у церквей на принадлежащую им до секуляризации землю. Несмотря на это, на протяжении первой половины XIX в. происходила нарезка наделов церквям Ярославской епархии из крестьянских и казенных земель, что позволило к началу 1860-х гг. увеличить церковные владения более чем в 1,5 раза. Рост

монастырского землевладения в указанный период происходил более умеренными темпами, и в первой половине XIX в. его размеры практически не изменялись. В результате секуляризации монастырское землевладение сократилось более чем в 20 раз и составляло всего 2 тыс. дес. земли. В более выгодном положении после секуляризации оказались заштатные монастыри, которым принадлежало 76% всей монастырской земли⁴.

С середины XIX до начала XX вв. земельная собственность церквей Ярославской епархии возросла лишь на 7,5%, зато монастыри увеличили свои владения почти в 7 раз⁵. Этому способствовало основание новых обителей и значительные земельные пожертвования частных лиц в их пользу. Если до секуляризации в среднем на один монастырь Ярославской епархии приходилось 1200 дес., то к началу XX в. около 550 дес. земли, т.е. эти учреждения в значительной мере смогли восполнить убытки, понесенные от секуляризации. Среди церквей также имелись крупные собственники. В начале XX в. 9% приходов епархии владели землей свыше 100 дес. Крупнейшим собственником являлся Спасо-Преображенский собор в Угличе, которому принадлежало 1,5 тыс. дес.

Выгоды от земли духовенство могло извлекать двумя путями: через отдачу ее в арендное содержание или обработку. Сельское духовенство, несмотря на невысокое плодородие почв, предпочитало второй способ использования своих наделов. Обработка пашни преобладала и в женских обителях. Монашки Мологского Афанасьевского монастыря были вынуждены даже арендовать земли для посева хлеба у жителей Мологи. Срок сдачи в аренду церковной и монастырской земли не должен был превышать 12 лет. В начале XIX в. с целью извлечь наибольшую прибыль широкое распространение получила практика отдачи в наем церковных земель под питейные дома. В с. Никольском Рыбинского уезда питейный дом был виден в окно «даже из Святого алтаря с места перед Святым Престолом»⁶.

Но когда мы рассуждаем о церквях и монастырях как о «собственниках», «землевладельцах», то не должны забывать, что термины эти весьма условны. Церковные и монастырские земли нельзя было продавать, оставлять кому-либо в наследство, закладывать. Последняя роль в этом вопросе всегда оставалась за императором и Святейшим Синодом.

Итак, несмотря на секуляризацию, с конца XVIII и до начала XX вв. церкви и монастыри Ярославской епархии смогли значительно увеличить площадь принадлежащих им угодий. За этот период земельная собственность церквей возросла в 1,7 раза, монастырей – более, чем в 7 раз. Стремясь извлечь большую прибыль из земельной собственности, эти учреждения даже сдавали свои наделы под питейные дома, что, конечно, приводило к снижению авторитета духовенства у прихожан. Последнее же явилось одной из причин кризиса православия в начале XX в.

➤ **Примечания**

1. См., например: Водарский Я. Е. Землевладение РПЦ и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI – начало XX в.) // Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 501-561.

2. Ведомость о состоянии монастырей и архиерейских домов, плативших в Коллегию Экономии // Верховской П.В. Населенные недвижимые имения Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб., 1909. С. 32-35, 46-47.

3. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 898, 2341а, 3506, 3840, 3841, 3843, 3844.

4. ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 734. Л. 2 – 7 об.

5. Статистические сведения по Ярославской губернии за 1863 г. б. м., б. г., С. 4; Труды Ярославского губернского статистического комитета. Вып. 3. Ярославль, 1886. С. 110 – 111; Статистика землевладения. 1905. Вып. 39. СПб., 1906. С. 34; Краткий статистический обзор Ярославской губернии. Ярославль, 1901. С. 9.

6. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 7212. Л. 4 об.; Д. 7401. Л. 222.

О.Д.Ельцова

Доходы духовенства от прихожан в Ярославской епархии в конце XVIII – начале XX вв.

Священноцерковнослужители имели разные источники содержания: жалование, проценты с капиталов, плата за аренду лавок, земель. Важнейшей статьей их прибыли являлись доходы от прихожан, которые мы и попытаемся изучить на примере Ярославской епархии, одной из древнейших в Российской империи. Хронологические рамки нашей работы охватывают период после частичной секуляризации церковных имуществ 1764 г. до почти их полной конфискации при большевиках.

Из всего многообразия литературы по истории Русской Православной Церкви работы лишь нескольких дореволюционных авторов (П.В. Знаменского, В. Кильчевского, В.И. Семевского) исследовали некоторые аспекты материального обеспечения духовенства¹. Источниковой базой нашей работы являются документы фондов Ярославской Духовной Консистории и Канцелярии Ярославского Губернатора (Ф. 230 и Ф. 73 Государственного архива Ярославской области), отчеты обер-прокуроров Синода, статистические материалы, периодическая печать.

Доходы, получаемые духовенством Ярославской епархии от прихожан, можно разделить на две большие категории: денежные и вещественные. К первому типу относились кружечные, ручные, кошелекковые, свечные доходы, пожертвования и денежная руга. При кружечном доходе, который со-

ставлялся из платы за требы и крестные ходы, деньги поступали в общую кружку, а через определенное время делились между всеми членами причта. Плата за обязательные требы (за крещение, свадьбу, погребение) в несколько раз превышала установленные правительством расценки. Так, по указу 1801 г. свадьба оценивалась в 20 коп., в это же время в одном из вотчинных сел Мусина-Пушкина священник брал за венчание 5 руб. В начале XX в. бракосочетание в Ярославской епархии свершалось уже за 10 - 15 руб., т.е. на протяжении изучаемого периода плата за требы значительно возросла². В целом, кружечный сбор в Ярославской епархии с 1837 до 1905 гг. увеличился почти в 6 раз: со 120 тыс. руб. асс. до 200 тыс. руб. сер.³

Добровольные даяния, составлявшие ручной (личный) доход получались как вознаграждение за отдельный труд какого-либо члена причта (плата за исповедь, молитву родильнице).

В середине XIX в. духовенство Ярославской епархии получало ежегодно 287 тыс. руб. кружечных и ручных доходов, при этом на одного священника приходилось по 90 руб.⁴

Кошельковый доход отличался от кружечного тем, что использовался не на содержание священноцерковнослужителей, а на саму церковь. Прихожане вносили деньги в кошелёк во время службы в церкви.

Продажа свечей доставляла духовенству Ярославской епархии немалую прибыль: по официальным данным с 1838 по 1861 г. она выросла с 15 до 25 тыс. руб. сер., но полностью поступала на содержание духовно-учебных заведений. Лишь в 1871 г. свечной сбор был заменен процентным с кружечного, кошелькового и свечного доходов. Нам удалось заметить весьма интересную тенденцию: по официальным отчетам в начале XX в. свечной сбор почти в три раза превышал кошельковый и кружечный, а первой половине XIX в. значительно отставал от указанных статей. Возможно, это объясняется не только ростом цен на свечи, но и отменой свечного сбора на духовно-учебные заведения: с 1870-х гг. клирики стали публиковать более реальные показатели свечных доходов.

Денежная руга, т.е. оклад духовенству от обществ или помещиков, существовала лишь при немногих церквях Ярославской епархии. В среднем на одну церковь приходилось около ста рублей.

Наряду с денежной ругой упоминается и вещественная. В ее состав входили зерновой хлеб, сено, дрова, получаемые причтами от прихожан. Известно, что в середине XIX в. ей было обеспечено 9 причтов Ярославской епархии.

Добровольные вещественные приношения существовали в ограниченном виде и не везде. К ним относились платки и полотенца для обтирания рук священника во время крещения младенцев, дары новобрачных духовенству и т.д.

Наиболее стабильными являлись свечные доходы. Кружечные и кошельковые прибыли при их неуклонном росте все же оставались непостоянными, зависели от многих показателей (от числа родившихся, умерших и

количества заключенных браков). К тому же прихожане не подвергались наказаниям, если не содержали причт.

Сколько же всего получало духовенство Ярославской епархии от прихожан? Известно, что в середине XIX в. из 323 тыс. руб. общего дохода 287 тыс. руб. (т.е. почти 90%) приходилось на кружечный и ручной сборы⁵. Если же мы включим сюда пожертвования, кошелекковые суммы и вещественные приношения, то роль прихожан в материальном обеспечении клириков Ярославской епархии значительно увеличится.

Таким образом, в конце XVIII – начале XX вв. именно доходы от прихожан, а не земельные наделы или мизерное жалование от правительства являлись основой содержания священноцерковнослужителей Ярославской епархии.

➤ **Примечания**

1. Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1872; Кильчевский В. Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908; Семевский В.И. Сельский священник во второй половине XVIII в. // Русская старина. 1877. Т. 19. С. 501-538.

2 ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 590. Л. 2; Д. 4066. Л. 2.

3 Извлечение из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1837 г. СПб., 1838; Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1906. № 38 ч.о.

4 ЯЕВ. 1884. № 15 ч.н.

5 ЯЕВ. 1863 № 42, 43 ч.о.

А.Е. Оторочкина

Женские частные учебные заведения в Ярославской губернии в первой половине XIX в.

Обучение в частных учебных заведениях и “частными лицами” было очень распространенной формой образования в Российской империи первой половины XIX в. На сегодняшний день не существует специальных исследований по истории системы частных школ в Ярославской губернии первой половины XIX в. В дореволюционные годы о частных пансионах Ярославля 1803 - 1811 гг. писал П.И. Мизинов. В 1990-х гг. вопросом о частном образовании Ярославского края середины XIX в. занимались Б.В.Мельгунов и А.Э. Мельников¹. Источниками для данной работы стали документы фонда 549 "Дирекции училищ Ярославской губернии" и фонда 73 "Канцелярии Ярославского губернатора" Государственного архива Ярославской области (ГАЯО).

Частные учебные заведения в России первой половины XIX в. занимались обучением преимущественно девочек, так как государственная система школ была рассчитана на образование лиц мужского пола. Уже в 1803 г. в Ярославле существовал пансион Тюреи и Донкур, предположительно женский. В 1810 г. француженка Доротея Берте подала запрос в Министерство Народного Просвещения (далее МНП) о создании в городе Пансиона для благородных девиц, отметив, что существовавшее до этого учебное заведение Г-жи Д'обкур закрылось. Разрешение было получено, и в 1811 г. Доротея и ее муж Клод Берте открыли пансион².

Количество воспитанников в подобных учебных заведениях было не менее 10, но не более 30 человек. Так, в пансионе Берте в 1811 г. обучалось 11 - 12 воспитанниц, из них половина постоянно жила в учебном заведении, а остальные девочки приезжали сюда учиться (их называли "полупансионерками"). Цена за обучение в пансионах была высокой. Получать знания здесь могли дети состоятельных родителей, чаще всего дворян. "Пансионерки" платили от 500 до 700 рублей, "полупансионерки" – от 250 до 400 рублей ассигнациями в год. До 1811 г. преподавание в частных школах велось преимущественно на иностранных языках. В 1811 г. министр народного просвещения граф А. Разумовский предписал в частных учебных заведениях обучать на русском языке по единой, контролируемой программе. В учебный курс включались закон божий, катехизис, русский язык (грамматика и чистописание), всеобщая история и география, история и география России, арифметика, французский язык (иногда в программу вводился немецкий язык), рисование, искусства танцев и музыки, рукоделие (вязание, шитье и пр.). Даже после указа 1811 г. для изучения русского языка выделялось учебных часов в два раза меньше, чем для иностранных. Суббота назначалась по учебной программе днем для повторения всего пройденного за неделю материала на каком-либо иностранном языке³.

Вплоть до начала 30-х гг. XIX в. частные пансионы и школы организовывались преимущественно иностранными учителями. В 1816 г. учителя ярославской мужской гимназии и пансиона при Демидовском училище Луи Дю Вернуа и Федор Чанов открыли Институт для благородных девиц, в этом им помогали их супруги, работавшие наставницами в этом учебном заведении. Видимо, он прекратил свою деятельность к 1820 г., когда в городе появился Благородный женский пансион француженки Марии Адель Матлен⁴. Рубеж 20 - 30-х гг. XIX в. стал важным этапом в развитии частного образования в России. В 1835 г. Николай I запретил открывать новые частные пансионы в столицах, а в губернских городах разрешил основывать их лишь в случаях крайней нужды. Этот указ способствовал появлению подобных учебных заведений в провинции. В феврале 1835 г. в городе Рыбинске вдова почтмейстера титулярная советница Анна Осиповна Зубинская (в девичестве англичанка Робук) открыла "пансион для приходящих девочек", по своему курсу он был равен уездному училищу. Пансион просуществовал всего год: его содержательница вышла замуж и уехала в Санкт-Петербург⁵. В ап-

реле 1835 г. жительница Углича Авдотья Васильевна Яминская создала Благородный женский пансион. Он действовал вплоть до 1840 г., когда по "собственному решению содержательницы" был закрыт. В 1854 г. А.В. Яминская попыталась открыть в Угличе "училище для благородных девиц на правах приходского училища в своем собственном доме", но из-за смерти Авдотьи Васильевны этот проект так и не был реализован⁶.

Указ 1835 г. способствовал повышению требований к уровню знаний и благонадежности содержателей и преподавателей частных учебных заведений. В 1836 г. Благородный женский пансион в г. Ярославле основала дочь лектора Демидовского училища Карла Кюкюэля Мария (в замужестве Буткевич). Она закончила Воспитательное общество благородных девиц в Санкт-Петербурге, в течение 3 лет изучала немецкий язык, музыку, педагогику в Берлине, после этого несколько лет была воспитательницей Великой княжны Марии Михайловны. 1 июля 1834 г. Николай I утвердил "Положение о домашних наставниках и учителях". Согласно ему, выпускники частных школ и пансионов имели право преподавать "начальные знания" какого-либо учебного предмета. Обладая званием "учительницы начал французского языка", выпускница пансиона М.К. Буткевич Екатерина Петровна Духовская в 1845 г. создала "частную школу первоначального обучения для детей женского пола". Девочки приходили на занятия в дом содержательницы, где осваивали закон божий, катехизис, русскую грамматику, письмо и чтение по-русски, чтение и чистописание по-французски, начала арифметики, рукоделие и музыку. Все предметы, кроме закона божьего и катехизиса, преподавала сама Екатерина Петровна. Школу Духовской (с 1848 г. Николаевой) в разные годы посещало от 4 до 13 человек. Плата за обучение составляла 42 руб. 50 коп. серебром в год⁷. С 1843 по 1847 гг. подобная школа действовала в г. Данилове, возглавлял ее учитель приходского училища Савва Осецкий⁸.

В 1850 г. Благородный женский пансион в г. Ярославле возглавила дочь профессора Демидовского лицея Воинова Ольга Алексеевна (по мужу Солюс). Это учебное заведение продолжило развивать традиции, заложенные в предыдущие годы. Здесь работали преимущественно учителя мужской гимназии и Демидовского лицея. Обучение девочек являлось для преподавателей, чьи зарплаты были не очень велики, дополнительной статьей дохода. В 1854 г. О.А. Солюс скоропостижно скончалась, и ее сестра Анна в 1855 г. продала пансион "домашней учительнице" Луизе-Маргарите Биго⁹.

30 мая 1858 г. было утверждено "Положение о женских училищах МНП". Государство целенаправленно пыталось создать сеть женских учебных заведений. Министр внутренних дел С. Ланской разослал циркуляры губернаторам "о приглашении дворянства и городского сословия к пожертвованиям на женские училища". В МВД из Ярославской губернии пришло сообщение, что "дворяне воспитывают своих дочерей в пансионах и институтах, купцы считают лишним давать образование девицам, а мещане и ремесленники находят образование бесполезным, если не вредным"¹⁰. Не-

смотря на такое утверждение, в 1861 г. в Ярославле возникла Мариинская женская гимназия, позднее гимназии появилась в Рыбинске, в Ростове и Угличе – прогимназии. В 60-е гг. XIX в. государство при создании сети женских школ в России опиралось именно на традиции, заложенные частными учебными заведениями. Таким образом, практика первой половины и середины XIX в. показала, что частные школы обладают огромным потенциалом. Государство прекрасно понимало это, поэтому пыталось сделать их при помощи “Уставов учебных заведений” 1804 и 1828 гг., указа 1811 г., “Положения о частных учебных заведениях” 1835 г. частью общегосударственной системы образования.

➤ **Примечания**

1. См.: Мизинов П.И. Борьба с иностранными воспитателями в начале XIX в. и распоряжение о частных пансионах министра народного просвещения гр. Разумовского // Ярославские губернские ведомости. 1891. № 8. Неофиц. ч. С. 8; Мельгунов Б.И. Мадам Буткевич и ее женский благородный пансион в г. Ярославле // Карабиха. Ярославль, 1992. Вып. 2. С. 323-330; Мельников А.Э. Частные учебные заведения в Ярославской губернии в 40 - 50-х гг. XIX в. // Развитие личности и формирование индивидуальности: Сб. материалов. Ярославль, 1996. С. 283-284; Он же. Правительственная политика в сфере подготовки домашних учителей и наставников в России в первой половине XIX в. // Педагогическое образование в современных условиях: Сб. тезисов. Ярославль, 1997. С. 31-33.

2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 549. Оп. 1. Д. 82. Л. 1 – 2.

3. Там же. Д. 752, Л. 9 – 9 Об.

4. Там же. Д. 189. Л. 2 В; Д. 241. Л. 14.

5. Там же. Д. 501. Л. 22-23.

6. Там же. Д. 660. Л. 1-2; Д. 1074. Л. 12.

7. Там же. Д. 739. Л. 3; Д. 833. Л. 6; Д. 851. Л. 2 об.; Ф. 73. Оп. 1. Д. 4911.

Л. 2.

8. Там же. Ф. 549. Оп. 1. Д. 752. Л. 3 об. - 4.

9. Там же. Д. 912. Л. 2; Д. 1170. Л. 2, 6.

10. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России: 1856 – 1886 гг. СПб., 1902. С. 53.

А.В. Фирсов

Образование Ярославской военной начальной школы (1850-е гг.)

XIX век поставил перед русской армией новые задачи. Рост вооруженных сил, усложнение военного дела потребовали создание сети военно-учебных заведений. Необходимо было подготовить детей провинциальных дворян для поступления в кадетские корпуса. 10 октября 1802 г. в торжественной обстановке был открыт Пажеский корпус. Ярославским дворянам не хотелось отставать от столичных. К марту 1805 г. комиссия, руководимая П.А. Зубовым, выработала “План военного воспитания”. По нему в Ярославле должно было быть образовано военное училище, состоящее из одной роты (100 человек). Проект не удалось осуществить по двум обстоятельствам: во-первых, в Ярославле создавалось “Высших наук училище”, во-вторых, попросту не хватило денег¹. Создать военно-учебное заведение в Ярославле удалось лишь к 1828 г. Им стал батальон военных кантонистов², позднее преобразованный в учебный стрелковый полк. К 1858 г. было решено реорганизовать школы военных кантонистов в военные училища³. Реформа не минула и Ярославль.

В исторических трудах встречаются разные датировки этого события. Так, В.М. Крылов считает, что образование Ярославской военной школы произошло в 1859 г.⁴, В.М. Марасанова – в 1868 г.⁵ Попытаемся восстановить ход событий – рассмотрим создание военного училища.

“Ярославские губернские ведомости” от 4 октября 1858 г. в статье “Об учреждении Военного Училища” сообщали, что “училище учреждается для образования и приготовления писарей для войск и военных управлений”⁶. Поступали туда, как правило, сыновья нижних чинов, дети потомственных и личных дворян, а также отпрыски, “прижитые на службе и в отставке”. Как показывают документы, основной контингент учащихся составляли представители первой группы, дети солдат⁷. Возраст поступавших должен был варьироваться от 12 до 16 лет. До 14 лет не требовалось никаких умений, с 14 лет – необходимо было владеть письмом и чтением⁸.

Однако набрать в 1858 г. полный курс не удалось, набор продолжался еще зимой 1859 г. С его окончанием осенью 1859 г. начались учебные занятия. Они включали в себя несколько предметов: Закон Божий, русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, краткая русская история и география, а также законоведение, чистописание, рисование и ситуация. Подобный набор предметов показывает нам низший уровень учебного заведения. Понятно, почему отсутствовали предметы военной специализации. Трудно было ожидать от детей, только осваивающих азы знаний, понимания в сложных

военных дисциплинах. Тем не менее уже в декабре 1858 г. “Ярославские губернские ведомости” отмечали, что “в кругу умственной деятельности в настоящее время выдается вперед формирование Училища военного ведомства”⁹.

Мы можем назвать Ярославскую военную начальную школу военно-учебным заведением в широком смысле этого слова, т.к. организационно она входила в систему военного министерства. Кроме того, лица, осуществляющие на воспитанников педагогическое воздействие, были офицерами. Выпускники, как правило, связывали свою дальнейшую судьбу с армией.

Попытаемся объяснить разночтения в исторической литературе по вопросу об образовании Ярославской военной школы. Очевидно, В.М. Крылов считает датой основания училища дату начала его деятельности, В.М. Марасанова, видимо, принимает иную, чем мы, точку отсчета начала деятельности училища.

Таким образом, Ярославская военная начальная школа, преобразованная в 1858 г. из полка военных кантонистов, была единственным военно-учебным заведением в Ярославле конца 50-х гг. XIX в. Учащимися были, в основном, дети солдат, которых после обучения ожидала воинская служба в низших чинах.

➤ **Примечания**

1. Подробнее см.: Богданов Л.П. Русская армия в 1812 г.: Организация, управление, вооружение. М.: Воениздат, 1979. С. 73.

2. Кантонисты – солдатские сыновья, числившиеся со дня рождения за военным ведомством.

3. В работах XIX в. военные училища иногда называются “военными школами”, по-видимому, это синонимы.

4. Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 56.

5. Марасанова В.М. И.С. Унковский // Ярославские губернаторы. 1777-1917. Историко-биографические очерки / Под ред. А.М. Селиванова Ярославль, 1998. С. 239.

6. Ярославские губернские ведомости (ЯГВ). 1858. № 40. Ч. офиц.

7. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 1152. Оп. 1. Д. 62. Л. 17.

8. ЯГВ. 1858. № 40. Ч. офиц.

9. ЯГВ. 1858. № 50. Ч. неофиц.

Е.П. Кузина

Финансирование строительных работ г. Ярославля в XIX в.

XIX век – яркая страница в истории русского градостроительства. С 60-70-х гг. XVIII в. русские города стали интенсивно застраиваться по регулярным планам. На протяжении XIX в. осуществлялись работы по перепланировке городов и их регулярной застройке, возводились здания общественного назначения, строились жилые дома, фабрики, заводы, казармы.

Именно в XIX в. сложилась многоступенчатая система управления строительством. В этот период в столичных и провинциальных городах появляются грандиозные ансамбли в классическом стиле.

Проблема градостроительства XIX в. в основном рассматривались в работах искусствоведов и архитекторов, изучающих особенности русского классицизма. В то же время такие важные аспекты проблемы градостроительства, как работа строительных органов, вопросы управления строительством, а также финансирование и организация строительных работ, освещены в исследовательской литературе крайне мало.

Проблема финансирования строительных работ в XIX в., на наш взгляд, является важной. Как отмечалось, в этот период развернулось масштабное строительство, требующее больших средств. Вопросы финансирования можно проследить на примере Ярославля, являющегося ярким примером русского провинциального градостроительства.

Комплекс вопросов, связанных с финансированием строительных работ, позволяют раскрыть архивные документы, сосредоточенные в фондах Государственного архива Ярославской области (ГАЯО)¹, а также опубликованные материалы по вопросам строительства.

Все здания в городе Ярославле на протяжении XIX в. строились за счет государственных, городских или частных средств.

Желающие построить частный дом, завод или другое заведение вели строительство на свои собственные средства. Но государство оказывало помощь строящимся, выдавая ссуды из Вспомогательного капитала.

Вспомогательный капитал на устройство г. Ярославля стал складываться с предписания министра внутренних дел от 1 ноября 1836 г.² Из городских доходов Ростова был произведен заем в размере 50 000 руб. и Рыбинска – 25 000 руб. Ярославская городская дума в течение 10 лет должна была выплачивать эту сумму, а также 4% годовых. Помимо этого из доходов г. Ярославля в течение 5 лет (с 1837 г.) выделялось 5 000 руб. К 1862 г. Вспомогательный капитал г. Ярославля составлял 64 315 руб.³

Но ссуда из Вспомогательного капитала на постройку дома выдавалась не всегда. Так, в 1853 г. ярославский мещанин Василий Егорович Потепалов

просил ярославскую губернскую строительную и дорожную комиссию о выдаче ему ссуды на достройку дома, находящегося на ул. Рождественской (Б. Октябрьской). Но недвижимое имущество Потепалова в качестве залога было оценено в размере 130 руб. сер., тогда как на завершение строительства дома ему было необходимо 220 руб. сер., вследствие этого ему отказали в просимой ссуде⁴.

Казенное строительство велось за счет государственных средств, городских доходов, земских сборов и сумм приказа общественного призрения.

Согласно ведомости о городских доходах и расходах по Ярославлю, утвержденной губернским правлением на 1849 г., город имел доходов 40 644 руб. 78 коп. В связи с недоимками прошлых лет (26 642 руб. 43 3/4 коп.) предполагалось расходов на содержание мест и лиц городского управления, на благотворительные и учебные заведения, на пенсии и единовременные пособия, на содержание городских церквей и т.д. 23 741 руб. 84 коп. из них 7 869 руб. 54 1/2 коп. на ремонт городских зданий⁵.

В 1853 г. расходы на благоустройство города составили 2 401 руб. 89 коп. из общего числа расходов 44 090 руб. 8 коп.⁶

На 1863 г. предполагалось расходов до 56 000 руб.⁷ На содержание в исправности городских зданий 700 руб., бульваров и площадей 700 руб., на ремонт и устройство мостовых 4 756 руб. 25 коп., но не всегда городских средств хватало даже на ремонт здания.

В связи с этим финансирование строительства и ремонта важных объектов (губернаторский дом, присутственные места) по просьбе губернатора, осуществлялось через императора, министра внутренних дел. Но могла сложиться и иная ситуация, когда необходимое для государства здание возводилось на средства губернии. Так, для помещения формируемой в Ярославле арестантской роты гражданского ведомства император повелел в 1840 г. строить на берегу р. Волги, в Коровницкой слободе каменное здание из сумм земского сбора Ярославской губернии – 48 тыс. руб. серебром⁸.

Основная масса всех строительных работ в XIX в. осуществлялась посредством подрядов – это поощрялось и предписывалось правительством. Министр внутренних дел требовал сокращения расходов на постройки за счет городских и других казенных сумм. Об этом свидетельствует циркуляр ярославскому губернатору 23 апреля 1843 г.: "считаю нужным предложить... чтобы постройки насчет помянутых источников производились преимущественно посредством подрядов, к хозяйственным же мерам приступать только в крайних случаях, то есть когда после неоднократных вызовов никого из подрядчиков не явится или когда на торгах состоится цена невыгодная или, наконец, когда производство работ не терпит ни малейшего отлагательства, но в этих случаях лицам, коим поручается хозяйственное распоряжение постройкою, необходимо вменить в строгую обязанность прилагать всевозможное старание о сокращении расходов"⁹.

Газета "Ярославские губернские ведомости" содержала специальную рубрику "О вызове желающих к торгам и поставкам", где строительные ор-

ганы (комитет по устройству г. Ярославля, Ярославская губернская строительная и дорожная комиссия, строительное отделение), а также городская дума, городская управа, губернатор и т.д. печатали информацию о существующих подрядах на строительные работы.

С подрядчиком заключался контракт на определенных условиях. В XIX в. широко была распространена система вызова подрядчиков. Как видно из ведомостей о справочных ценах на строительные материалы и почасную оплату мастеровым и рабочим, подрядчик должен был обладать немалыми средствами. Подряжались на строительные работы и крестьяне, и мещане, и купцы. Строительные органы с подрядчиками заключали контракт, при нарушении которого он мог подвергнуться законному взысканию.

Подрядчик предоставлял свой строительный материал и рабочую силу. Средства, затраченные им на строительство, впоследствии ему выплачивались в соответствии со сроками, оговоренными в контракте.

Вся ответственность за правильность возведенной постройки ложилась на подрядчика. Существовала система надзора за строительством, осуществляемая посредством инспекторов, архитекторов, помощников архитекторов. Строительные органы (комитет по устройству г. Ярославля, ярославская губернская строительная и дорожная комиссия, строительное отделение) посылало их для освидетельствования окончания постройки, решения возникающих вопросов и т.д.

Кроме того, были и другие пути изыскания средств на строительство. Так, для покрытия издержек на устройство зданий присутственных мест и тюрем в Ярославской губернии, не вошедших в сметное исчисление в 1843 г., в губернии был объявлен особый сбор с жителей по 4 коп. серебром с каждой податной души и 1/4% с купеческих капиталов в год сроком на 5 лет, но со второй половины 1846 г. император повелел вместо 4 коп. серебром собирать по 5 коп. серебром и продолжить сбор еще на 15 лет¹⁰.

От жителей города поступало много пожертвований на строительство и ремонт церквей, а также тюремных замков. Помощник архитектора Луцкий в 1861 г. исправил за свой счет ветхую баню при тюремном остроге¹¹, за что получил благодарность от ярославского губернского попечительного о тюрьмах комитета.

В 1892 г. в Ярославле производилась постройка каменной часовни "для увековечения памятного дня чудесного спасения их императорских величеств и высочеств от угрожавшей опасности"¹² на средства ярославских торговцев. Постройка часовни была поручена ярославскому городскому архитектору Н.И. Поздееву с разрешения и благословения архиепископа ярославского и ростовского и с утверждения министра внутренних дел. Новую часовню предполагалось построить на месте старой часовни у Мытного двора¹³.

Ярославское городское общество по постановлению городской думы уступало городские здания в пользование тому или иному учреждению. В

этой ситуации пользователь здания осуществлял его ремонт и перестройку на собственные средства. В 1872 г. было передано здание, занимаемое городским уездным училищем на Пробойной ул., в пользование Ярославской женской гимназии. Для приспособления нового здания к помещению женской гимназии попечительный совет этого учебного заведения создал строительный комитет под председательством Рафаила Ивановича Кокуева. Для составления плана и сметы на переделку здания был приглашен губернский инженер А.М. Достоевский, которому совет обязался заплатить 4% от расходов на проделанную работу.

Изыскивая средства на устройство города, строительные органы осуществляли продажу старых материалов. Так, в 1840 г. строительная и дорожная комиссия продавала старый, негодный к употреблению материал, оставшийся от исправления корпуса ярославской казенной палаты: листовое кровельное железо, рамы со стеклами, железные решетки для окон, двери, дверные и оконные петли, медные ручки от дверей и т.д., всего на сумму 1109 руб. 57 1/2 коп.¹⁴

Денежных средств на строительство и ремонт зданий выделялось недостаточно, поэтому часто при строительстве использовались и арестанты, так как оплата их труда была в два раза меньше оплаты труда обыкновенного рабочего.

Финансирование строительства шло из местного бюджета и лишь частично из государственного. В основном, в XIX в. строительство осуществлялось посредством подрядов. Ярославль, будучи крупным торгово-промышленным городом, имел достаточно средств для вложения в строительство, сильную материальную базу, позволяющую вести интенсивные и масштабные строительные работы. Ярославль был одним из первых губернских городов, в котором уже в конце XVIII в. были построены специальные здания под новые губернские учреждения. А во второй половине XIX в. город занимал четвертое место по количеству каменных домов.

➤ Примечания

1. Ф. 76. Строительная и дорожная комиссия ярославского губернского правления. Ф. 80. Строительное отделение ярославского губернского правления. Ф. 501. Ярославская городская дума. Ф. 509. Ярославская городская управа. Ф. 637. Комитет по устройству г. Ярославля и др.

2. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 769. Л. 6.

3. Ярославские губернские ведомости (ЯГВ). 1863. № 22. Ч. неоф. С. 143.

4. ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 973. Л. 29 об.

5. ЯГВ. 1849. № 10. Ч. неоф. С. 76-77.

6. Доход города был 47 309 руб. 53 1/4 коп. (См.: ЯГВ. 1849. № 10. Ч. неоф. С. 76-77).

7. Доход города был 54 947 руб. 63 3/4 коп. (См.: Там же. 1863. № 22. Ч. неоф. С. 143).

8. ЯГВ. 1840. № 19. Ч. оф. С. 191.

9. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 776. Л. 26-26 об.

10. ЯГВ. 1846. № 38. Ч. оф. С. 444.
 11. ЯГВ. 1861. № 35. Ч. оф. С. 743.
 12. ГАЯО.Ф. 501. Оп. 1. Д. 838 Л. 12.
 13. Сейчас часовня св. Александра Невского.
 14. ЯГВ. 1840. № 16. Ч. офиц. С. 170.
-

Е.В. Евстифеева

Социально-психологический портрет ярославского отходника во второй половине XIX в.

Неземледельческий отход крестьян в город существовал в Ярославской губернии издавна и повсеместно. Городское направление отхода рано способствовало установлению тесных контактов местных крестьян с городской культурой. Во второй половине XIX в. начавшийся процесс урбанизации повлиял на изменение облика традиционной деревни именно через отходников.

Такая ситуация отразилась во всем многообразии источников данного периода. Это и фольклор ярославского крестьянства, и мемуарные источники, и корреспонденции в местной периодической печати. Массовым источником стали вопросные листы по отхожим промыслам (ВЛ), на данных которых базировалась земская статистика. Были привлечены ВЛ по отхожим промыслам Ярославского уезда за период с 1888 по 1892 гг., Ростовского и Пошехонского уездов за 1901 г.

Основной целью отхода было получение дополнительных заработков, повышение благосостояния крестьян. Респонденты ВЛ отмечали, что процент неудачников в отходе был невелик, в основном это были одиночки – лакеи, трактирные и лавочные слуги, реже фабричные. Стабильный доход получали отходники, работающие артелью: штукатуры, каменщики, маляры, печники, которые выполняли заранее сделанные заказы. Наиболее привлекательным считался торговый отход, приносящий большую прибыль. Среди причин, повышающих заработок отходника, называли в первую очередь трезвость и честность, а затем уже опыт и грамотность. Для торговца лавочным товаром знание грамоты было просто необходимо. В ремесленном и фабричном отходе требовался опыт и хорошая физическая форма.

В данных ВЛ отмечалось положительное влияние отхода на общий уровень грамотности в местности. Однако более глубоко образованными считались все же оседлые жители. Мальчиков, отданных в отход на промысел, зачастую отрывали от возможности дальше продолжить свое обучение. Новых печатных изданий наблюдалось больше у отходников. У богатых

“питерщиков” имелись целые библиотеки классической и современной литературы. Отходники выписывали столичные газеты и журналы.

Благотворительность в среде разбогатевших отходников встречалась редко. В основном помогали близким родственникам или церкви. Односельчанам богатые отходники жертвовали только в случае бедствий.

Относительно семейного положения респонденты в первую очередь отмечали негативную роль отхода. Во-первых, отход способствовал увеличению числа семейных разделов. Причинами этого были: стремление свободно распоряжаться заработком; непокорность и непослушание старшим; внутрисемейные межличностные конфликты. Характерен пример притеснения жены отходника в семье мужа, особенно если он неудачлив в заработке. Второй негативной чертой отхода считалось увеличение числа холостых и вдовых в селениях. Отходники женились позднее оседлых, лишь накопив значительный капитал в городе. Рождаемость в семье отходника была низкой из-за постоянного отсутствия мужа. Отсутствие отцовского воспитания негативно влияло на детей, которые росли в неуважении к старшим и непочтительности к отцу. Браки на стороне отходники заключали редко, исключительно с практическими целями: для постоянной прописки в городе или наследования заведения и дела тестя.

Данные ВЛ отмечают низкую нравственность и небрежное отношение к деревенской жизни у отходников. Среди них наблюдалось больше, чем среди оседлых, различных нарушений общественного порядка. Трактирный и фабричный отход способствовали развитию пьянства и разврата. Следствием недостаточного родительского надзора, излишней свободы и наличия собственных денег стало высокое самомнение, стремление к легкой наживе, праздной жизни. Отходник предпочитал тратить праздники и выходные на развлечения, а не на посещение церкви. Отходничество способствовало проникновению в быт ярославских крестьян так называемого “ночного пьянства”, картежных игр и табакокурения.

Почти все респонденты отмечают низкий уровень здоровья среди отходников. Они были менее развиты физически, чем оседлые, и чаще забравывались при рекрутском призыве. Особенно вредными видами отхода признавались трактирная служба, фабричный, портняжный, слесарный отход. Специфическими болезнями отхожего населения были: чахотка, истощение, малокровие, физическая недоразвитость вследствие плохих условий работы и невоздержанность в пьянстве и разврате.

Облик отходника, прежде всего, формировала городская среда. Отходники стремились в еде к изысканности и лакомствам, в одежде – к внешнему лоску, удивляли своих односельчан развязной и вычурной речью, которую респонденты называют “искаженным городским наречием”. Однако для ярославского отходника характерно было чисто внешнее подражание городским обычаям.

М.Н. Кудрявцева

Православное братство святителя Димитрия Ростовского Чудотворца (1883 – 1918 гг.)

Православное братское движение - одно из удивительных проявлений русской духовной жизни. Впервые Братства возникли в XV в., правда, сперва они носили торговый характер. В 1439 г. во Львове было образовано первое православное Братство с религиозно-просветительскими целями. В XV - XVII вв. число подобных организаций выросло. Однако с начала XVIII в., в связи с расширением унии и реформами Петра I, Братства потеряли своё политическое и просветительское значение. Неудивительно, что уже к концу XVIII в. они были редким явлением. Но с середины XIX в. наблюдается новый подъём братского движения, вызванный отменой крепостного права и «эпохой великих реформ». Братства возникали повсеместно. К концу XIX в. практически каждая епархия имела хотя бы одно Братство. Для унификации стихийного процесса возникновения Братств 8 мая 1864 г. Синодом были приняты «Основные правила для учреждения православных церковных Братств», по которым новое Братство могло начать работу только после утверждения его устава местными светскими и церковными властями.

Отметим, что история братского движения, особенно XIX в., изучена недостаточно: не ясны истоки происхождения Братств и даже само понятие «православное Братство» не получило обстоятельного толкования.

Православное Братство св. Димитрия было открыто 31 декабря 1883 г. в г. Ярославле. Организовав свою деятельность в соответствии с «Основными правилами для учреждения православных церковных Братств», Братство св. Димитрия оказало влияние на многие стороны жизни Ярославской епархии и губернии: образовательную, просветительскую, миссионерскую, благотворительную. Члены Братства сумели привлечь к своей деятельности не только жителей Ярославской губернии, но и представителей других епархий, а также установить контакты с другими Братствами.

Основополагающей целью существования Братства являлась борьба с расколом. А средства для достижения этой цели, зафиксированные в уставах Братства 1883 и 1905 гг., были очень разнообразны (открытие и обустройство школ, библиотек, храмов и даже монастыря и забота об их процветании, организация миссионерской деятельности, помощь беженцам и т.п.). Так, в 1884 - 1915 гг. Братством на нужды школ было израсходовано 77 880 руб. 38 коп. К 1915 г. Братство имело 56 книжных складов на всей территории Ярославской епархии. Братство старалось охватить своей деятельностью разные социальные группы населения, в связи с чем члены этой организации сами готовили и проводили беседы и лекции, рассчитанные на

людей разного профессионального и образовательного уровня. Немало интересной и полезной информации публиковалось в печатном органе Братства – ежемесячном журнале «Приходская жизнь», выходившем с 1899 по 1917 гг.

Немаловажной заслугой членов Братства является и то, что они собрали и обработали значительный материал по состоянию школьного дела и истории раскола в конце XIX в. в пределах Ярославской епархии.

При выполнении столь разнообразной и многочисленной работы Братство сталкивалось со многими проблемами, прежде всего финансовыми, а также нехваткой квалифицированных сотрудников (на службе у Братства состояло с 1890 г. от 2 до 5 миссионеров, все они были из крестьян и не имели специального образования). Другая группа трудностей была связана с консервативной психологией большинства крестьянского населения.

Однако Братство старалось решать эти проблемы. Ключевую роль играли его руководители, т.е. председатели и члены Совета, в число которых входили люди грамотные, опытные, компетентные. Председателями Братства являлись архиепископы Ярославские и Ростовские Ионафан (с 1883 до 1903 гг.), Иаков (с 1903 до 1906 гг.), Тихон (с 1906 до 1914 гг.), Агафангел (с 1914 до 1918 г.). Нельзя не отметить понимания и содействия со стороны рядовых членов Братства, благодаря которым оно работало и решало разнообразные проблемы в течение всего периода своего существования. Максимальное количество членов Братства св. Димитрия составило 1 074 человека (в 1887г.), а минимальное 317 человек (в 1884 – 1885 гг., т.е. на момент открытия). Все члены Братства делились на три группы: действительные (т.е. вносящие ежегодно в казну Братства не менее 3 руб.), пожизненные (т.е. уплатившие в кассу Братства не менее 100 руб. единовременно) и почётные (оказавшие материальную или иную помощь Братству). В число членов Братства входили мужчины и женщины, принадлежавшие к различным профессиональным и сословным группам. Итак, деятельность Братства св. Димитрия была многообразной и плодотворной. Однако сейчас довольно сложно подвести конкретные итоги его существования. Это связано с тем, что деятельность Братства во многих сферах перекликалась с работой в них других – церковных и светских органов. Так, с расколом боролись не только Братства, но и официальные органы Русской православной церкви, просвещение также не являлось исключительно братской областью деятельности. Не ясен до конца важный вопрос, касающийся судьбы Братства св. Димитрия, т.к. не сохранилось документов, фиксирующих точную дату и причину его закрытия. Всё же мы можем констатировать, что Братство сыграло огромную роль в жизни Ярославской епархии. Кроме того, оно является ярким примером деятельности православных Братств середины XIX – начала XX вв.

Е.В. Спиридонова

Древний Ростов в трудах краеведов XIX в.

Ростов является самым древним из городов Ярославской губернии. Большинство исследователей относят время его основания к языческим временам. В отличие от Ярославля или Углича никто из краеведов не пытался обосновать точную дату основания города. В лучшем случае речь идет о веке. Главной проблемой здесь является даже не имя основателя, которое краеведы пытаются выявить лишь на основе местных сказаний или лингвистических построений, а основатели города в более широком смысле – меряне или славяне.

В «Топографическом описании Ярославской губернии» конца XVIII в. о Ростове говорится как о столичном городе народа «Меря или Чудь». Первой работой, вышедшей в XIX в., где была затронута проблема основания города, стал Путеводитель, написанный известным редактором Неофициальной части Ярославских губернских ведомостей Ф.Я. Никольским. Он считал, что название Ростова происходит от имени его основателя, причем отмечал «смысл и звук русский». По мнению автора, вокруг Ростова нет памятников дославянской эпохи, следовательно, город был основан в VIII или IX в. славянами. В то же время появились такие населенные пункты, как Рославлево, Сеславино, Ратмирово и др.¹ Сходной точки зрения придерживался и один из первых наших краеведов С.А. Серебренников. Он также считал, что Ростов был основан после прибытия в Россию «варяго-русских» князей. В качестве доказательства своей точки зрения он приводил следующие соображения. Нестор не упоминает о существовании у мери Ростова, впервые на страницах летописи город появляется после смерти Синеуса и Трувора, когда Рюрик становится единовластным господином. Ростов, а это славянское название, был основан для удержания покоренных варягами земель, раньше здесь городов не было. Жители почитали Велеса, а это славянское божество. Фразу же Нестора о Ростовском озере, на котором «сидит меря», Серебренников объясняет тем, что летописец писал 250 лет спустя после Рюрика, когда Ростов уже был цветущим городом, поэтому привычно назвал озеро Ростовским, ведь мы говорим, что в Ярославской губернии живет меря, хотя во времена мери губернии еще не было².

Славянское происхождение приписывали городу Н.П. Барсов³ и И.Д. Троицкий⁴. И тот и другой в качестве основателей города называют ильменских славян. Иногда в работах краеведов встречаются противоречия. Так, П.А. Критский в 1907 г. писал о том, что Ростов существовал задолго до первых русских князей как славянский город⁵. А спустя пять лет он же замечает, что Ростов возник до заселения края славянами⁶.

Многие краеведы отмечают возможным существование на месте Ростова более древнего поселения, которое, как правило, приписывают меря-

нам. Тем не менее основание непосредственно города они по-прежнему оставляют за славянами. Так К.Д. Головщиков, говоря о том, что Ростов – чисто славянское название, предполагал возможное созвучие прежнего названия, которое ныне изменилось или забылось⁷.

Известный археолог И.А. Тихомиров писал, что Ростов был построен славянином или на месте финского поселения, или в самом этом селении, или рядом с ним, возможно, построен славянином Ростом для мери и прозван Ростовом (Ростовым) от соседей славян по имени строителя-земляка. Произошло это в VIII в. Озеро только в летописи названо Ростовским, в народе господствовали другие имена – Неро (литовское слово) или Каово (финское)⁸. С именем основателя Роста связывал название города и профессор Казанского университета Д. Корсаков⁹. А.А. Спицын высказывал предположение о Сарском городище как первоначальном месте древнего Ростова¹⁰.

В статье «Исторические сведения о г. Ростове Ярославской губернии», опубликованной в Ярославских губернских ведомостях, Ростов прямо назван главным городом мери. Автор статьи перечисляет его соседей, называя весь, черемисов, мурому, кривичей¹¹. Дальнейшая судьба Ростова не вызывает разногласий у исследователей. Все они отмечают, что в 862 (864) г. город был отдан Синеусу, а после его смерти там находился наместник из знатных варягов, в чьи функции входили сбор податей, внутренний порядок, суд и расправа, а также посредничество между местными жителями и главой государства. Многие краеведы отмечают, что при Олеге Ростов играл роль столицы русского севера.

Ростов впервые был назван Великим в 1848 г. в работе М. Толстого¹². Автор здесь ссылается на Ипатьевскую летопись. Новация Толстого была активно поддержана другими краеведами, и в первую очередь Титовым. Он связывал появление такого названия со временем Юрия Долгорукого¹³. Следует заметить, что, хотя уже в начале XX в. такое наименование проникло в справочную литературу, у нас есть основание отнести его происхождение к концу XVIII – началу XIX вв., а не к раннему средневековью.

В завершение нельзя не упомянуть о работе А.А. Титова. Основываясь на местных сказаниях и, по-видимому, Хлебниковском летописце, он представлял вниманию читателей совершенно фантастическую картину основания и древнейшей истории Ростова. События, повлекшие за собой появление города, начинаются с того, что Росс Вандал женился на дочери скифского царя Риссона, который царствовал в скифском палестинском городе Вифсане. Его друг, царевич Априс, сын египетского царя Нехоя, похитил царевну и на летающем коне улетел в сторону Гиперборейскую, где люди спят по полгода. На озере Неро в городе Горицы, где царствовал царь Брутовщина, Априс хитростью завладел его царством, а царя вверг в темницу. Третий сын царя Риссона Сидр-Сиг с Россом отправились с дружиной на поиски царевны. Поход был удачным, Априс убит, Брутовщина освобожден, Росс с женой вернулся в Вифсану. Сидр-Сиг пошел дальше и на озере Мелафском основал город Сигетун (Стокгольм), дружина же осталась в Горицах, отсюда название

«Россов стан». Прошло много лет, сын новгородского царя Вандала, сына Славяна Владимир пленил Россов стан, мерю изгнал в низовья Волги и основал Ростов. В качестве доказательства легенды А.А. Титов сообщает о том, что в Ростове есть ручей Брутовщинский, был Горицкий женский монастырь¹⁴.

Итак, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что в XIX в. появляются первые работы, касающиеся основания Ростова. Несмотря на дилетантский, любительский характер этих исследований, излишнюю, может быть, доверчивость по отношению к местным легендам, уже тогда были сделаны совершенно верные выводы, подтвержденные в наше время археологическими исследованиями, о наличии на месте Ростова древнего мерянского поселения и несомненном участии в основании города ильменских словен¹⁵. Что касается самого топонима «Ростов», то в настоящее время есть серьезные основания предполагать его гидронимическое происхождение.

➤ Примечания

1. Путеводитель по Ярославской губернии, составленный под руководством Начальника Ярославской губернии А.П. Бутурлина, членом-корреспондентом ЯГСК Ф.Н-м и изданный, членом-корреспондентом того же комитета, углическим 1-й гильдии купцом, потомственным почетным гражданином Н.М. Журавлевым. Ярославль, 1859. С. 21-22.

2. Очерк С.С. Догадка о построении города Ростова. Рукопись середины 19 века // ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 208.

3. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География начальной (несторовской) летописи. Варшава, 1885. С. 197.

4. Очерк г. Углича. (по рукописи Троицкого) // Труды ЯГУАК. Вып. 1. М., 1890. С. 3.

5. Критский П.А. Наш край. Ярославская губерния: Опыт родинovedения. Ярославль, 1907. С. 124.

6. Критский П.А. Путеводитель по губернии: Краткий очерк. //Ярославский календарь. 1912 год. С. 62.

7. Головщиков К.Д. Деятели Ярославского края. Вып. 1. Ярославль, 1898. С. 5.

8. Тихомиров И.А. Славянское заселение Ярославской губернии. Ярославль, 1909. С. 75.

9. Корсаков Д. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872. С. 61.

10. Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 94.

11. Исторические сведения о г. Ростове Ярославской губернии // ЯЕВ. 1869. № 20.

12. Толстой М. Древние святыни Ростова Великого. М., 1847. С. 1.

13. Титов А.А. Ростов Великий. Путеводитель по г. Ростову. М., 1883. С. 10.

14. Титов А.А. Ростов Великий Ярославской губернии и его святыни: Путеводитель. М., 1909. С. 4.

15. Леонтьев А.Е. Археология мери. М., 1996.

О.Г. Ивановская

"Описание города Рыбинска..."

М.И. Гумилевского

Первое крупное сочинение по истории Рыбинска – “Описание города Рыбинска историческое, топографическое, статистическое и гидрографическое” было написано Матвеем Ивановичем Гумилевским в 1837 г. Он родился в 1770 г. в семье священника села Петровского, окончил Ярославскую духовную семинарию, с 1790 г. был священником в с. Спасском Рыбинского уезда Ярославской губернии. В 1807 г. его переводят в Рыбинск в Спасо-Преображенский собор, где он прослужил 20 лет. В 1830 г. Гумилевский был возведен в сан протоиерея. Службу Гумилевский оставил по болезни в этом же году. После этого он жил сначала в Толгском монастыре, а затем в Рыбинске, где и умер 14 декабря 1852 г.

Работа Гумилевского была составлена благодаря поддержке городского головы, купца Федора Тюменева, почетного гражданина Рыбинска и члена-корреспондента статистического отделения Совета Министерства внутренних дел. “Описание города Рыбинска” состоит из 4-х отделений: первого – “Время основания и образ происхождения города Рыбинска”, второго – “Нынешнее положение города Рыбинска”, третьего – “Настоящее положение Рыбинского порта” и четвертого – “Улучшение города Рыбинска”.

Первое отделение полностью посвящено рассмотрению истории города: первая глава – Рыбной слободе, вторая – непосредственно городу Рыбинску. Гумилевский отмечает, что Рыбинск началом своим и богатством обязан Волге и Шексне. Краевед считает, что заселение места, занимаемого городом, относится к отдаленным временам, возможно, ко времени правления Ярослава I-го. За это время изменилось и само название Рыбинска, который, по его предположению, первоначально назывался Рыбанск, или Рыбанско, потом Рыбной слободой и, наконец, Рыбинском¹.

Вопрос о происхождении города Гумилевский начинает с первого упоминания о нем в уставе новгородского князя 1137 г. под именем Рыбанско и отсюда делает вывод, что городу уже 700 лет. Обозначение этим именем в уставе именно Рыбинска Гумилевский объясняет тем, что Рыбанско в новгородском уставе поставлен территориально очень близко к современному Рыбинску, он также находился на берегу Волги и платил подати, подобно своему промыслу². То же самое, по его мнению, подтверждают и последующие исторические источники. Как Рыбная слобода Рыбинск упоминается впервые в документе 1504 г. В дальнейшем Гумилевский приводит многократные упоминания слободы уже в документах XVI и XVII вв. Он сообщает о праве, полученном жителями Рыбной слободы от царей ловить рыбу в реках Мологе, Шексне и Волге и давать рыбный оброк на цар-

ский обиход³. Вместе с тем автор приводит сведения о тогдашнем состоянии слободы, о наличии в ней церкви и монастырей, подчеркивает, что уже в XVII в. она была значительным торговым местом, что в ней были торговые площади и ярмарки, а жители занимались также промышленностью (в основном кузнечные работы) и земледелием. Краеведом приведены интересные сведения о социальной дифференциации среди жителей. Гумилевский описывает как управлялась слобода в XVII и XVIII вв.

Вторая глава первой части начинается с описания открытия города Рыбинска в 1779 г. Краевед подробно останавливается на первой официальной переписи Рыбинской пристани 1780 г., сообщающей о судах и грузах, поступавших на них с низовых пристаней, и отправлении их вверх. Гумилевский отмечал, что этим он хотел «показать, как значительно было тогда число проходивших и отходивших судов и какие были главнейшие предметы груза»⁴. В главе рассказывается также о сборе торговых пошлин, устройстве города по подтвержденному плану, управлении пристанью, строительстве биржи и сильных пожарах в Рыбинске.

Второе отделение «Описания» целиком посвящено современному состоянию города. Первая глава начинается с топографии Рыбинска, описания почв и различных видов города, его благосостояния и благоустройства. Оно дополняется сведениями о количестве жителей по состоянию на 1835 г. и о их социальном составе. Гумилевский указывает количество церквей, а также домов в Рыбинске. Особо перечислены городские общественные здания, гостиные дворы, а также мосты, площади и улицы, сады, публичные и частные, бульвары, огороды, кладбища, названо количество кварталов в городе – 55. Краеведом приведены подробные сведения о рыбинской торговле и знатнейших купцах. Он описывает, как проходят Петровская и Никольская ярмарки. Говоря о состоянии промышленности, Гумилевский отмечает, что фабрик – нет, а заводов – 23, с числом работников на них – 71 человек. Заводов, как описывает краевед, особенно замечательных по качеству или по количеству изделий, нет. Кроме того, в городе есть много ремесленников, занимающихся различными ремеслами, – до 123 человек. Пишет также краевед и о благосостоянии жителей. Автором обстоятельно описано городское хозяйство, иллюстрированное цифровыми таблицами⁵, где говорится о потреблении скота, рыбы, хлеба, вина, дров жителями города, приведены торговые цены на хлеб, овес, говядину, сало, дрова, дан подробный перечень общественных заведений.

Третье отделение «Описания», целиком посвященное состоянию рыбинского порта, содержит подробные сведения о расположении рыбинских пристаней, их числе, об управлении пристанями. Краевед перечисляет гидравлические сооружения – мосты, водяные мельницы, паромы, перевозки через реку. Говорит Гумилевский и о характере речного дна, глубине и ширине Волги и Шексны, о речных отмелях. После такого введения автор переходит к первой главе, посвященной низовому судоходству. Он описывает суда, плавающие от Рыбинска вниз по Волге, их устройство, указывает ме-

сто изготовления, размеры, скорость, величину перевозимого груза и откуда его привозят, количество обслуживающего персонала. При этом краевед отмечает, что “все низовые суда, исключая машинные, поднимаются по Волге вверх до Рыбинска, если позволяет удобство берегов и неблагоприятствуют ветры, бурлацкою тягою на бечеве; в противном же случае – завозом на якорь”⁶. Гумилевский подробно описывает ход низовых судов к Рыбинску, рассказывает о парусах, скорости движения груженных судов, провозных ценах до Рыбинска, о размещении судов на Рыбинской пристани. Завершается глава сведениями об обратном сплаве низовых судов и расходах низовых товаров. Это товары, привозимые с низовых пристаней. Основная часть их отправлялась к петербургскому порту, но немалая часть оставалась и в самом Рыбинске. Гумилевский отмечает, что сумма товаров, распродаваемых при Рыбинской пристани простирается до 25 миллионов, но из этой суммы только малое количество остается на расходы Рыбинску и уезду.

Во второй главе говорится о верховом судоходстве, то есть судах, плавающих вверх от Рыбинска. В ней также дана подробная характеристика судов, называются места их постройки, сообщается о том, чем и каким образом они нагружаются, какими способами осуществляется передвижение против течения. Гумилевский дает пространную таблицу цен на товары и грузы по ведомостям о судоходстве в Рыбинской пристани за время навигации 1835 г.⁷, а также таблицу о числе грузившихся судов в Рыбинске с указанием типов судов⁸. При этом перечислены амбары, в которых выгружаются товары, в основном хлеб, и гавани для безопасной зимовки низовых судов. Гумилевский указывает, какие устраиваются припасы для зимовки судов, а также провозные цены на товары. Глава завершается сведениями о деятельности начальства путей сообщения.

В третьей главе показана деятельность рыбинского отделения судоходной расправы. Гумилевский рассказывает об ее открытии, устройстве, назначении. Эти сведения дополняются данными о рыбинской судоходной больнице, о хлебных казенных магазинах, как, очевидно, назывались склады в городе.

Последнее, четвертое, отделение “Описания” целиком посвящено благоустройству Рыбинска. Оно не разбито на главы. В нем рассказывается о работах по укреплению волжского берега камнем. Гумилевский упоминает также о строительстве железной решетки на Волжской набережной, устройстве набережной по реке Черемхе, строительстве Общественной палатки для судорабочих, каменного моста через Черемху, “необходимого для проезда почт и курьеров”. С сожалением автор говорит о земельной тесноте в городе и указывает, что можно сделать для ее предотвращения. Этому вопросу он посвятил отдельный пункт – “Потребность земли для города”.

В книге Гумилевского на основе довольно большого количества источников, в том числе статистических материалов, описываются история города, его торгово-промышленное развитие, памятники архитектуры. Особенно подробно Гумилевский характеризует развитие Рыбинского порта,

волжского судоходства, поскольку Рыбинск являлся одним из крупнейших речных портов и торговых центров России. Кроме статистических материалов источниками для написания работы служили документы XVIII в. В числе источников была и писцовая книга Рыбинской слободы 1835 г. Гумилевский проделал грандиозную работу по сбору материалов. Книга поражает богатством своего содержания, разнообразием сведений, точностью описания. Это уникальный источник по истории Рыбинска 30-х гг. XIX в. Кроме того, это первое исследование, посвященное истории городов Ярославского края. Труд заканчивается интереснейшими словами: “Прошу благосклонных читателей принять слабый мой труд, как дань уважения к отечественному месту, где находится моя старость. Я трудился с тем намерением, чтобы доставить пользу и удовольствие; а достиг ли моей цели, предоставляю судить самому читателю”⁹.

➤ **Примечания**

1. Гумилевский М.И. Описание города Рыбинска историческое, топографическое, статистическое и гидрографическое. СПб., 1837. С. 6.
2. Там же. С. 7-8.
3. Там же. С. 11.
4. Там же. С. 26.
5. Там же. С. 57-59.
6. Там же. С. 79.
7. Там же. С. 91-92.
8. Там же. С. 94.
9. Там же. С. 111.

О.Г. Ивановская

Первый ярославский путеводитель Ф.Я. Никольского

Федор Яковлевич Никольский родился в 1816 г. в семье священника села Никольского Переславского уезда Владимирской губернии. Еще в раннем возрасте он был отдан учиться в Переславское духовное училище, затем в Ярославскую духовную семинарию, а по окончании в Московскую духовную академию. В 1842 г., успешно закончив ее, он получает место профессора Вологодской духовной семинарии, а позже должность секретаря Вологодского губернского правления. Вскоре Ф.Я. Никольский оставляет службу и в 1847 г. возвращается в Ярославль. Но здесь работу сразу найти не удалось. Лишь 9 августа 1848 г. Ярославское губернское правление согласилось определить Никольского помощником контролера Ярославской палаты государственных имуществ. Это учреждение, во главе которого стоял видный общественный деятель, сын декабриста Е.И. Якушкин, было основным ме-

стом работы Федора Яковлевича до 1866 г. После ухода К.Д. Ушинского с поста редактора неофициальной части “Ярославских губернских ведомостей” Ф.Я. Никольский по приглашению губернатора занял эту должность. Он редактировал неофициальную часть газеты с августа 1848 г. до апреля 1862 г. С его приходом этот раздел газеты стал постоянно заполняться разнообразными интересными статьями и материалами по истории, географии, этнографии Ярославской губернии и приобрел краеведческий характер. Авторство многих статей, печатавшихся на страницах этой газеты, принадлежало самому Ф.Я. Никольскому. Краевед также являлся корреспондентом Русского географического и Вольного экономического обществ. В это время Никольский сотрудничал и с Ярославским губернским статистическим комитетом. Привлек его к работе Е.И. Якушкин, который сыграл очень заметную роль в судьбе краеведа. Умер Ф.Я. Никольский 12 апреля 1880 г. в возрасте 64 лет на Срубной улице в доме Окерблома.

Работая редактором газеты, исследователь отдавал много времени краеведческой работе, занимаясь изучением истории, экономики, географии и этнографии края. Его первым и наиболее ценным, разносторонним произведением является “Путеводитель по Ярославской губернии”, опубликованный в Ярославле в 1859 г. Он стал первым трудом такого рода в ярославском краеведении. Известный ярославский библиограф Н.Г. Огурцов назвал его “безусловно лучшим и не потерявшим своего значения доныне”¹. Он стал первым трудом такого рода в ярославском краеведении.

Источниками для написания работы послужили статистические описания, созданные в разные годы. Кроме того он использует сведения, собранные местными купцами и исследователями, а также очерки по истории края.

“Путеводитель” состоит из нескольких частей: 1) исторический очерк Ярославской губернии (от древних обитателей страны до Рюрика и до настоящего времени); 2) физическая география: географические особенности расположения губернии, ее климатические особенности, рельеф, влияние климата на развитие сельского хозяйства; 3) города и уезды: их численность и состав, население, особенности месторасположения, занятия населения, наиболее важные населенные пункты (в уездах); 4) статистика: статистические таблицы и указатели о количестве и численности городов, уездов, сел, деревень; количественный состав населения и т.д.; 5) дорожный указатель по главнейшим трактам: основные тракты губернии, их протяженность, сообщения с другими губерниями.

В исторической части выделено шесть периодов в истории Ярославского края: древние обитатели до Рюрика; зависимость от Новгорода и Киева под наместничеством вельмож Норманнских, до святого Владимира; Ростовское княжество в ближайшем соотношении к великокняжескому дому, до смерти Константина Всеволодовича; раздробление княжества на уделы; присоединение уделов к Московскому царству; Ярославская губерния от Петра Великого до настоящего времени. В основу этой периодизации положен чисто политический принцип.

На первых страницах своего труда автор говорит о древнем, дославянском населении Ярославской губернии. Он считает, что пришедшие позже славяне частично ассимилировали или, как пишет автор, “поглотили своим наплывом туземное население”². Поскольку полностью отсутствуют местные устные предания об имени и происхождении первоначальных обитателей этих мест, автор принимает за отправную точку исследования данной проблемы русские летописи. По их словам, до славян на Ростовской земле обитал народ финского племени – меря. Но славяне, по мнению автора, господствовали здесь уже в IX в.

О событиях второго периода (862 - 989 гг.) Никольский сообщает, что в это время, в течение 120 лет Ростовской областью управляют наместники из свиты Рюрика. А в княжение Ольги ее родственник, “боярин Ян”, основал здесь город Углич. О других внутренних обстоятельствах Ростовского края, происходивших в этот период, по словам краеведа, не сохранилось никаких преданий.

Рассказывая о Ростовском удельном княжестве, исследователь отмечает, что за 230 лет здесь сменилось 16 князей: от Ярослава Владимировича (989 - 991 и 1015 - 1035) до Константина Всеволодовича (1208 - 1219). Автор подчеркивает, что ростовские князья этого периода лишь временно пребывали в своем уделе, только при Константине Всеволодовиче Ростов мог назваться столицей княжества, а управление по большей части находилось в руках наместников и посадников, имен которых почти не сохранилось.

Интересно упоминание краеведа о ростовском народном вече. Он отмечает три главных пункта народных собраний: назначение князя по выбору ростовцев, стремление их иметь верх над другими городами области, по старшинству Ростова, и желание присвоить Ростову навсегда достоинство столицы. Никольский считает, что ростовское вече отличалось от новгородского тем, “что не имело чисто-народного характера, а стремилось только уравновешивать власть князя голосом народа”³. Но эта попытка для ростовцев не увенчалась успехом и после споров власть князя вновь стала неограниченной.

Никольский считает, что торговля в это время оживилась “по преимуществу болгарами, обитавшими в низовьях Волги, и новгородцами”⁵. Относительно промышленности краевед предполагает, что обилие лесов в Ростовской области указывает на развитие звероловства, а сбыт хлеба в Новгороде – на земледелие. Интересно наблюдение автора, что черные работы и усиленный физический труд по домоводству был у ростовцев не в почете. Причем Никольский отмечает, что эта отличительная черта XI – XII столетий сохранилась и ныне – тяжелый труд домашнего обихода предоставляют наемникам.

В период дробления Ростовского княжества на уделы, по мнению автора, ростовские князья “по старшинству и знаменитости города” удерживали за собой первенство, но прочие не зависели от них и даже были иногда во враждебных к ним отношениях, впрочем, как подчеркивает исследова-

тель, без кровопролития. Никольский пишет о разорении Ростовской земли вследствие татарского нашествия, отмечает сопротивление жителей – восстания 1257 г. в Ярославле и 1259 г. в Ростове. Иван Калита, пользуясь размельчением Ростовских уделов, несогласием князей и благосклонностью хана начинает присваивать себе верховную власть над ростовскими князьями и соединять уделы в одно целое. Никольский отмечает, что, несмотря на все бедствия, по-прежнему процветала торговля с Болгарами и новгородцами – в первые годы нашествия, а впоследствии, “до Ивана III, сами купцы Ордынские вошли в торговые сношения с Ростовскою областью, проживали в Москве, Твери и Ростове, доставляли сюда товары ремесленной Азии и лошадей, а отсюда брали в обмен, кроме драгоценных мехов, множество ловчих птиц, соколов и кречетов, привозимых в великое княжество из Двинской области”⁵. Краевед считает, что высшей степени местная торговля достигла в начале XIV в. и затем в XV в., когда при устье Мологи, напротив купеческой слободы, из которой впоследствии образовался город Молога, открылась первая в России ярмарка.

Во время следующего периода (1471 - 1700 гг.) происходит окончательное присоединение ростовских земель к московскому государству. Никольский рассказывает о дальнейшей судьбе прежних удельных князей и их потомков. Кроме того, краевед замечает, что в это время Ярославская губерния стала местом для содержания государственных преступников, в виду своего безопасного местоположения. Он перечисляет всех опальных лиц, бывших в Ярославле (сын Казанского хана султан Кадапкуль, князь Петр Щенятев, Марина Мнишек, принц Густав, сын шведского короля Эрика). Автор подчеркивает, что не раз в этот период Ярославский край был местом сосредоточения русских войск – поход на Новгород (1478), Казань (1550), а в 1612 г. – место сбора войск под предводительством Минина и Пожарского для освобождения Москвы. Но перед этим, в 1608 г., Ярославль был в продолжительной осаде, закончившейся разрушением поляками земляного города и предместий. Но вскоре началось возрождение Ростовской земли, и одной из могущественных причин возрождения Никольский считал торговлю, как внешнюю, так и внутреннюю. Внешняя торговля получила, по мнению автора, мощный толчок после присоединения Казани и Астрахани. С открытием голландцами и англичанами морского пути через Архангельск Ярославль сделался складочным местом для ввозимых в Россию через Архангельск товаров, которые отсюда развозились в отечественные города, а также в Персию и в Среднюю Азию. В 1631 г., считает Никольский, в Ярославле было уже 29 иностранных контор. В это же время возникла и Ростовская ярмарка. На этом заканчивается исторический очерк “Путеводителя”.

Большой интерес для исследователя представляет следующий раздел – “Географический очерк Ярославской губернии”. Впервые здесь даны полностью границы губернии с точностью до градусов. Никольский привел данные о размерах губернии. В описании климатических условий централь-

ное место он отводит Волге, которая являлась предметом наблюдения за замерзанием и вскрытием рек.

Описанию географии края, его месторождений, животного и растительного мира Никольский отводит две части. Касаясь ведущей хозяйственной деятельности края, краевед оказался прав, заглянув в будущее и предугадав его: “вследствие постепенно возрастающего народонаселения, разряжения лесов и других современных обстоятельств ... ни звероловство, ни рыбная ловля, ни охота за дичью уже не могут быть в Ярославской губернии промыслом в обширном смысле”⁶.

В разделе “Статистический очерк Ярославской губернии” Никольский приводит данные о народонаселении губернии к 1858 г. Здесь же дана и краткая характеристика сельского хозяйства. Он считает, исходя из состояния хлебопашества, что сельское хозяйство “по малоземелью и худокачественной почве не обеспечивает жителей губернии”⁷. Автор обратил внимание на развитие огородничества в Ростовском уезде и частично в Даниловском. Никольский приводит средние данные о развитии скотоводства на данный период, которое было представлено в основном крупным рогатым скотом.

Торговля губернии представлена в работе в более выгодном свете. Этому способствовали, по мнению исследователя, исторические условия и географическое положение края в середине XIX в. По его утверждению, главными представителями торговли губернии к этому времени стали Ростовская ярмарка и Рыбинская пристань.

Промышленность и ремесло, по мнению Никольского, развиваются слабо. Показывая хозяйственную деятельность крестьян, он указывает на то, что она представлена в основном заработками на стороне, особенно в столицах. Внутри губернии, на Волге, все еще господствует бурлачество. В этом же разделе дан обзор структуры промышленности края. Она представлена небольшим числом фабрик и заводов, среди которых первое место принадлежит льняным фабрикам⁸.

Большую половину труда занимают главы, посвященные городам края: “Губернский город Ярославль с уездом” и “Уездный город Ростов”. Их описание дается краеведом по строго разработанному структурному плану. Уездные города губернии представлены в “Путеводителе” в двух видах: уездные города при Волге и уездные города за Волгой. К первым Никольский отнес Углич, Мышкин, Мологу, Рыбинск, Романово-Борисоглебск. Ко вторым – Пошехонье, Любим и Данилов. Они также описаны краеведом по определенным планам, причем план описания заволжских городов отличается от приволжских.

Заключительной частью “Путеводителя” является описание Московско-Ярославского шоссе и Волги и мест, прилегающим к ним.

Своим выходом в свет произведение Никольского открыло дорогу не только другим путеводителям края, но и многим краеведческим трудам. Автор впервые сделал попытку описания исторического прошлого края, связав

его с событиями настоящего времени. Кроме того, исследователь попытался изложить вкратце все сведения о Ярославской губернии, накопившиеся к 1859 г. Это было первое систематическое описание губернии, на основе которого написаны впоследствии все другие путеводители края. Своим фундаментальным трудом Никольский внес большой вклад в изучение истории Ярославской губернии.

➤ **Примечания**

1. Огурцов Н.Г. Опыт местной библиографии. Ярославский край. (1718-1924). Ярославль, 1924. С. 372.
2. Никольский Ф.Я. Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859. С. 10
3. Там же. С. 31.
4. Там же. С. 35-36.
5. Там же. С. 58.
6. Там же. С. 119.
7. Там же. С. 125.
8. Там же. С. 126.

О.В. Никифорова

Издательское дело К.Ф. Некрасова

Константин Федорович Некрасов, племянник великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова, родился в 1873 г. в Карабихе Ярославского уезда. Окончил Второй Московский кадетский корпус, но военная карьера его не состоялась. Некрасов поступил на службу земским начальником в Пошехонский уезд Ярославской губернии, затем был переведен в Ярославль. Был избран в Первую Государственную Думу. 8 июля 1906 г. Дума была распущена. И одним из первых Константин Федорович в знак протеста подписал известное “Выборгское воззвание”, призывающее население к отказу платить в казну налоги, давать рекрутов в царскую армию. Некрасова вместе с другими лицами, подписавшими воззвание, приговорили к трехмесячному заключению в тюрьму. В тюрьме Константин Федорович приходит к мысли о создании собственного издательства¹.

С 1909 г. К.Ф. Некрасов начинает издавать ежедневную газету “Голос”. “Политическая, экономическая, научная, юридическая и литературная” – такова была официально заявленная программа “Голоса”².

Газету интересовали и положение крестьянства и труд рабочих на ярославских предприятиях. Подробно освещались в ней такие мероприятия, как выставки картин и прикладного искусства Ярославского художественного общества. Откликалась газета и на общероссийские события. Редакция газеты занималась и пропагандой истории родного края.

В конце 1909 г. К.Ф. Некрасов и Н.П. Дружинин (второй издатель и редактор) начинают издавать приложение к газете – еженедельный иллюстрированный журнал “Ярославские зарницы”. В нем печатались краеведческие и литературные материалы.

С 1911 г. Константин Федорович начинает издание книг. Контора издательства находилась в Москве, а типография в Ярославле.

Одной из первых книг, вышедшей в издательстве Константина Федоровича Некрасова была “Ватек” Бекфорда. Вот что сам Некрасов писал по этому поводу 28 декабря 1911 г. В.Я. Брюсову: “Мне очень приятно, что вместе с приветом и самыми искренними пожеланиями я могу послать Вам книжку, которая, я надеюсь, доставит Вам удовольствие: это прелестный “Ватек” Бекфорда. Французский или английский текст Вы, конечно, знаете. Русского до сих пор не было, и я рад, что случай дал мне возможность первому познакомить русскую публику с этим чудным произведением”³.

Уже весной 1912 г. в печати появляются первые отзывы на книги издательства. Так, в газете “Речь” от 12 марта 1912 г. о книге “Ватек” Бекфорда: “В России эта благоуханная книга появляется в виде вполне достойном. Она изящно издана. Перевод Зайцева сохранил весь аромат, всю классическую простоту подлинника. Очень интересно с большим одушевлением написана вступительная статья П. Муратова ...”⁴.

Издательство имело такие отделы, как “Переводная художественная литература”, “Русская классика”, “Современная литература”, “Исторические мемуары”, “Памятники Возрождения”, “Памятники древнерусской живописи”, “Биографическая библиотека”, “Библиотека войны”⁵.

Подбор книг в каталоге издательства был достаточно оригинален. Печатались произведения, которые либо вообще до этого не издавались, либо стали библиографической редкостью. Здесь “Трагическая история доктора Фауста” Кристофера Марло, “Избранные рассказы” Проспера Мериме, французские лирики XVIII в., двухтомник “Новеллы итальянского Возрождения”. Много места занимали в нем русские писатели, их переводы. Впервые в этом издательстве в 1915 г. вышло в свет в двух томах полное собрание сочинений Каролины Павловой. Издана книга “Об искусстве и художниках”, переведенная впервые с немецкого в 1826 г. поэтом Шевыревым. Вышли в свет следующие книги: Ф. Кромеллинг “Ваятель масок”, Данте “Божественная комедия” и т.д. В серии “Памятники древнего искусства” издавались: “Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле”, “Церковь Ильи Пророка”, “Древнерусская иконопись в собрании И.С. Остроухова”.

Первоначально предполагалось, что издательство будет заниматься выпуском редких, дорогих книг небольшими тиражами. Но в связи с финансовыми трудностями, которые оно стало испытывать в 1914 г. пришлось начать издание более дешевой литературы. В октябре 1914 г. К.Ф. Некрасов пишет своей жене С.Л. Щерба следующее: “... я готовлюсь к лубку и вообще к дешевому издательству, частью учебному. Знаешь, милая, приходится мне признаться, что такими книжками, какие я издавал, не проживешь. На-

до что-то другое, и вот я думаю, что это другое я сейчас поймал и держу за хвост. Буду конечно продолжать издание и прежних книг, но в ограниченном количестве, сколько позволят средства и обстоятельства. Начинать эти новые отделы мне будет легко: имя издательское у меня хорошее и солидная сейчас на книжном рынке фирма...”⁶. Через несколько месяцев также в письме к жене К.Ф. Некрасов писал: “... хорошие книги буду издавать только для того, чтобы поддержать репутацию издательства 3 – 5 штук в год. Лубочное издательство меня радует ...”⁷.

Большое внимание отводилось в планах книгоиздательства Н.А. Некрасову, его стихам и биографическим данным. Была издана книга В. Евгеньева “Н.А. Некрасов: Сборник статей и материалов”. Большой интерес у литераторов вызвала публикация Константином Федоровичем Некрасовым части Некрасовского архива, найденного в подвале дома в Карабихе. Книга “Архив села Карабиха” была подготовлена известным литературоведом Н. Ашукиным и дала некрасоведам много нового о ярославском периоде жизни поэта.

Заметную роль в истории русской культуры сыграл издаваемый Некрасовым журнал “София” под редакцией П.П. Муратова. Журнал искусства и литературы, определивший для себя основной задачей ознакомление читателей с древнерусским искусством, привлек таких авторов, как Борис Зайцев и Павел Сухотин, Владислав Ходасевич и Николай Бердяев и других искусствоведов, историков, художников, литераторов, философов⁸. До начала первой мировой войны вышло всего 6 номеров журнала – комплект за 1914 г.

Война помешала планам книгоиздателя. Несмотря на все прилагаемые усилия по сохранению дела, в феврале 1916 г. была продана газета, а затем и типография. К осени издательское дело было прекращено, но была надежда на его возрождение в Москве после окончания войны.

Осенью 1918 г. Константин Федорович Некрасов вернулся в Москву на постоянное жительство. Последние годы жизни он серьезно изучал древнерусское искусство, написал книгу “О фресковой живописи старых русских мастеров”, рекомендованную Академией архитектуры к изданию, но оставшуюся не опубликованной. Умер Константин Федорович 22 октября 1940 г. в поезде по дороге в Москву из Сочи, не доезжая Туапсе. Похоронен в Туапсе.

Издательская деятельность Константина Федоровича Некрасова была заметным явлением в истории не только Ярославского края, но и России в целом. Некрасов-издатель умел находить людей знающих, увлеченных, вкладывавших в дело душу. Поэтому его книги пользовались большой популярностью среди всех слоев населения, расходились большими тиражами, переиздавались и не раз.

➤ Примечания

1. Биографические сведения взяты из: Ваганова И.В. Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова // Лица. Биографический альманах. Т. 3. М.; СПб: Феникс. 1993. С. 159 – 160.

2. Чукарев А. Ярославский издатель К.Ф. Некрасов ... // Северный рабочий. 1981. 23 мая.
 3. Цит. по: Ваганова И.В. Из истории сотрудничества ... С. 179.
 4. ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. д. 354. л. 2. Каталог книгоиздательства К.Ф. Некрасова. М., 1915.
 5. Ваганова И.В. Из истории сотрудничества ... С. 161.
 6. ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 331. Л. 25. Письма К.Ф. Некрасова жене С.Л. Щерба.
 7. Там же. Д. 333. Л. 6. Письма К.Ф. Некрасова жене С.Л. Щерба.
 8. Ваганова И.В. Из истории сотрудничества ... С. 163.
-

А.Е. Шуникова

Ярославский городской архитектор А.А. Никифоров

Ярославская архитектура рубежа XIX - XX вв. исследована мало. Имена Н.Д. Раевского, Н.Ю. Лермонтова, А.А. Никифорова, И. Окерблома мало кому что-то говорят. Однако работы этих архитекторов мы можем видеть каждый день на улицах города (здание бывшего дворца пионеров на ул. Советской, Знаменская церковь, здание клуба комбината «Красный перекоп»).

Архитектор является ключевой фигурой в градостроительном процессе. От его образовательного уровня, таланта и вкуса, чувства меры зависит многое. Какими же были архитекторы рубежа веков? Многое известно об Н.И. Поздееве, который находился в должности ярославского городского архитектора в 1883 - 1892 гг. Про людей, работавших после него, мы практически ничего не знаем.

Александр Никифоров сменил Николая Поздеева на его посту в начале 1892 г. Однако фамилия этого человека всего лишь несколько раз упоминается в путеводителях, часто без инициалов. В фондах Государственного архива Ярославской области удалось обнаружить два формулярных списка архитектора, которые проливают свет на многие эпизоды в его биографии, а также множество других материалов, позволяющих дополнить биографию архитектора интересными фактами.

В феврале 1892 г., после увольнения Н.И. Поздеева, был объявлен конкурс на замещение вакантной должности ярославского городского архитектора. Соискатели подали 26 заявлений с приложениями чертежей и эскизов своих работ. Обсуждая кандидатуру в городской думе, гласный Иван Александрович Вахрамеев предложил обратить особое внимание на А.А. Никифорова. Вахрамеев был лично знаком с работами Никифорова и самим архитектором, который проживал в Петербурге и служил в техническом строительном комитете МВД. Несомненно, что мнение И.А. Вахрамеева, известного мецената и общественного деятеля, сыграло свою роль. В марте

1892 г. А.А. Никифоров был принят на службу в Ярославское губернское правление.

Александр Александрович Никифоров был выходцем из купеческого сословия. В 1887 г. он окончил полный курс Императорской Академии Художеств и получил звание классного художника II степени. По окончании Академии он был распределен на службу в МВД, а с мая 1892 г. числился ярославским городским архитектором. Он был женат на Зинаиде Сергеевне Сорокиной – дочери потомственного почетного гражданина. Несколько раз (1893, 1897, 1901) архитектор избирался гласным Ярославской городской думы.

Работа Никифорова на посту городского архитектора не раз положительно отмечалась различными учреждениями: уже осенью 1892 г., не проработав и года, он получает благодарность от архиепископа Ярославского и Ростовского Ионафана за строительные работы в женском епархиальном училище, в 1900 г. ему была выражена личная благодарность от императрицы Марии Федоровны за бесплатное составление проекта больницы при Ольгинском приюте. Заслуги архитектора были отмечены и коллегами – в 1894 г. Академия Художеств присвоила Никифорову звание академика архитектуры «с правами и преимуществами».

Обязанности городского архитектора в конце XIX – начале XX вв. были весьма обширны – составление проектов любой сложности и рабочих чертежей к ним, наблюдение за строительством казенных и частных объектов, рассмотрение и утверждение чертежей для частного строительства, наблюдение за аварийными зданиями и т.п. Труд городского архитектора вполне адекватно оплачивался – жалование Никифорова составляло 1 800 руб. в год. К 1913 г. архитектор имел чин коллежского секретаря (8 класс по «Табели о рангах») и несколько государственных наград, полученных за выслугу лет.

В 1907 г. из-за аварийного состояния был закрыт городской театр. Александру Александровичу было поручено составить проект нового здания театра. В марте 1908 г. проект Никифорова был одобрен городской думой, но начались закулисные игры, итогом которых стало решение провести конкурс проектов в Москве, а разработки Никифорова положить на полку. 21 апреля 1908 г. архитектор подал прошение об отставке «в связи с усталостью», рекомендуя вместо себя А. Элкина. Городская дума удовлетворила просьбу архитектора.

Несмотря на отставку, А.А. Никифоров продолжал принимать участие в жизни города. В 1909 г. он совместно с И.И. Окербломом представлял городскую думу в жюри конкурса проектов нового здания ярославского городского театра. В 1911 г. он вошел в состав комиссии по выработке условий конкурса на сооружение памятника Ф.Г. Волкову. Архитектор продолжал работать в городской думе.

За время своего пребывания в должности ярославского городского архитектора А.А. Никифоров спроектировал множество зданий, из которых наиболее выразительны здания глазной лечебницы Попечительства импе-

ратрицы Марии Александровны о слепых на Волжской набережной, здание духовного ведомства (дом №4 на ул. Почтовой), здание Государственного банка (ул. Трефолева, 9). Дом Петражицкого был надстроен и переоформлен архитектором в 1894 г.

Во многих путеводителях здание мужской гимназии на Семеновской (Красной) площади приписывают А.А. Никифорову и это верно, кроме одного но. Ярославский городской архитектор А.А. Никифоров не имеет к зданию никакого отношения, поскольку оно спроектировано его полным тезкой – архитектором Московского учебного округа А.А. Никифоровым. В «Ярославских губернских ведомостях», в номере от 9 июля 1899 г. есть заметка, описывающая церемонию закладки здания гимназии, в которой среди присутствующих на церемонии лиц названы ярославский городской архитектор А.А. Никифоров, и несколькими строчками выше архитектор учебного округа А.А. Никифоров. Формулярный список ярославского городского архитектора Никифорова ни одним словом не упоминает о какой-либо связи его владельца с Министерством народного просвещения, что является еще одним доказательством, что в начале XX в. в России жили два архитектора с одинаковыми именами.

М.В. Волкова

Казанская церковь

Казанский церковный ансамбль занимает особое место в культуре Рыбинска благодаря ряду особенностей. Во-первых, Казанская церковь является старейшей из сохранившихся на территории города. Конечно, она не была первым рыбинским храмом. Например, сохранились сведения о старом Спасо-Преображенском соборе, построенном в 1654 г.¹ Здание не сохранилось до наших дней: в середине XIX в. на его месте была возведена одноименная постройка в стиле классицизма, которая и сегодня украшает одну из центральных площадей города.

Ныне существующая церковь Казанской Божьей Матери датируется 1697 г.² Как сообщают писцовые книги дворцовой ловетской слободы 70-х гг. XVII в., на месте храма в устье реки Черемухи находился монастырь, огражденный деревянным забором, "а на монастыре церковь Пресвятой Богородицы Казанские деревянные, клецки, да келья попа Тараса"³. Там же приводится опись скромного имущества довольно бедного монастыря, который был закрыт, как только в 15 верстах от Рыбной слободы появился Югско-Дорофеевский монастырь, так как почти вся братия перебралась в новую обитель. После упразднения здесь находился "убогий дом" (богодельня), а в конце XVII в. был построен новый Казанный храм в честь иконы Казанской Богоматери. Нужно отметить, что сам факт строительства церкви говорит о значимых экономических возможностях жителей слободы

(в конце XVII в. здесь было 88 дворов и 350 человек мужского пола⁴). К этому времени в Рыбной слободе уже действовал упомянутый выше значительный по размерам Спасо-Преображенский монастырь.

В последующие два столетия при Казанском приходе ведутся значительные строительные работы⁵. В 1721 г. возведена теплая церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, которая в 1831 - 1833 г. была вновь полностью перестроена. В 1813 г. на северо-западном углу церковной ограды была заложена отдельно стоящая колокольня, которая по завершению строительства в 1829 г. удачно вписалась в облик города, замыкая от Соборной площади перспективу Большой Казанской улицы.

События Октябрьской революции 1917 г. внесли существенные изменения в судьбы и Казанской церкви и всего ансамбля в целом. В 1926 г. из храма Казанской Богоматери изымается и передается в Госфонд все церковное имущество, а здание решено было приспособить под антирелигиозный музей⁶. В пользование общины верующих оставили лишь Введенский храм, но в конце 1930-х гг. он был разрушен, а позже, в 1950-х гг., его перестроили в жилой трехэтажный дом. Примерно в то же время были разобраны церковная колокольня.

Довольно долго в советский период Казанская церковь стояла без глав; в ней хранились дела районного архива. Только в конце 1980-х гг. храм был возвращен верующим, что дало возможность на специально собранные деньги провести капитальную реставрацию церкви. В ноября 1991 г. в обновленном здании прошла первая служба⁷. За многолетнюю историю существования Казанская церковь не раз подновлялась, что отразилось на ее внешнем облике, но ни разу коренным образом не перестраивалась.

Третья особенность заключается в самой архитектуре храма. Нужно отметить, что Рыбинск – город достаточно молодой (он существует с 1777 г.), поэтому большинство его церквей датируется XIX в. и исполнены в стиле классицизма. Казанская же церковь тяготеет к традициям Ярославской школы конца XVII в. В плане – это четверик без подклета, завершающийся пятиглавием. Храм бесстолпный, что объясняет его небольшие размеры и использование невысоких глухих барабанов – "свечек". Известный советский искусствовед Т.Е. Казакевич считает, что церковь стилистически близка церквям Николы "Рубленный город" и Благовещения в Ярославле⁸. В результате искусствоведческого анализа она же высказала предположение, что в строительстве Рыбинского храма принимали участие ярославские мастера. Поскольку храмовая надпись не сохранилась, то подтвердить или опровергнуть эту версию трудно. Однако достоверно известно, что роспись церкви была выполнена ярославскими живописцами под руководством Федора Потатуева и Михаила Соплякова в середине XVIII в.⁹

Икона Казанской Божьей Матери являлась наиболее почитаемой у православных, особенно в Поволжье. Изгнание польских интервентов народным ополчением под руководством Минина и Пожарского в начале XVII в. было обеспечено, как считает церковь, покровительством Богоро-

дицы, так как ее икона находилась при ополчении неотступно. Это событие определило характер и содержание росписей храма, размещенных в шести горизонтальных рядах. Основные сюжеты – прославление Богородицы (сцена "Коронования Богородицы" – восточная часть свода). В верхних росписях показана земная жизнь Христа, а чуть ниже – "Чудеса Богородицы Казанской". Интересна роспись северной стены со сценой встречи казанской иконы в Москве в 1612 г.¹⁰

Таким образом, история Казанского храма, как и всего ансамбля, интересна и во многом уникальна. Небольшая церковь, стилистически отличная от подобных сооружений города, прошла путь от религиозного центра до антирелигиозного музея и после 65-летнего перерыва вновь служит верующим. Нужно отметить, что многие факты истории храма до сих пор остаются неизвестными и из-за плохой сохранности источников, и из-за недостаточной изученности сохранившихся документов.

➤ **Примечания**

1. Солонцев М. Рыбинские соборные храмы и святыня их. Рыбинск, 1879.
2. Рыбинский филиал. Государственного архива Ярославской области (РФ. ГАЯО). Ф. 247. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-5
3. Писцовая книга дворцовой ловетской слободы. 1674-1676 гг. Ярославль, 1917. С. 30-31.
4. Гумелевский М.И. Описание города Рыбинска. Спб, 1837. С. 11.
5. РФ. ГАЯО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 73. Л. 1-15.
6. Там же. Ф. Р. 2. Оп. 2. Д. 93. Л. 2, 11, 15, 26, 52
7. Тихомиров А. Воскрес старинный храм // Золотое кольцо, 1991. 6 нояб.
8. Казакевич Т.Е. Краткое описание церкви Казанской–Богоматери в городе Рыбинске. Рыбинск, 1971. С. 5-9.
9. РФ. ГАЯО. Р. 2. Оп. 2. Д. 212. Л. 1-21.
10. Там же.

О.В. Ольнева

“Распутинская” тема и общественные настроения в российской провинции весной 1917 г.

Уже в первые недели после Февральской революции прилавки книжных магазинов России заполнили многочисленные, наспех изданные брошюры со скандальными рассказами о жизни царского семейства. Качество большинства из них было ниже всякого уровня. Восемь месяцев спустя в обзоре публикаций на эту тему отмечалось: “Почти все, что появилось, до сих пор не может быть названо иначе, как книжной макулатурой”¹. Царь, царица и Распутин потеснили Вильгельма II в качестве главных персонажей лубочных картин. Не отставал и новый, самый популярный, вид искусства – кинематограф.

22 марта 1917 г., спустя всего три недели (!) после свержения монархии, на экраны Ярославля вышел фильм “Смерть Гришки Распутина”². Несмотря на очень высокие цены на билеты - от 75 коп. до полутора рублей (для сравнения: фунт белого хлеба лучшего качества стоил 11 - 15 копеек), владельцы кинотеатров не оставались в убытке. Создатели фильмов на скандальную тему острейшим образом конкурировали между собой. Акционерное общество Г.И. Либкина опубликовало в газетах сообщение о том, что в электротeatре “Прогресс” на Сенной площади будет демонстрироваться фильм “Темные силы (Гришка Распутин)”, с триумфом прошедший по экранам столиц. Объявление предупреждало о том, что все прочие ленты со схожими названиями к фирме отношения не имеют.

Интересно, что один из фильмов на эту тему (возможно, тот самый “блокбастер” фирмы Либкина) снимался в Ярославле. 8 марта (еще раз – со времени отречения императора прошло менее недели) газеты сообщили, что накануне в Ярославле проходили съемки ленты об убийстве Распутина. При этом роль Юсуповского дворца выполнял дом Вахрамеева на Стрелецкой улице. Отсюда на глазах зевак, привлеченных работающими кинокамерами, выносили зашитый в рогожу тюк, призванный изображать труп Распутина³.

В фильмах такого рода, рассчитанных на потребу толпы, скандальные факты уживались с так называемой “клубничкой”. В Москве комитет по регламентации театральной жизни по моральным соображениям потребовал вырезать из ленты фирмы Либкина сцены, в которых Распутин “учил смирению”⁴. Петербургский исследователь Б.И. Колоницкий, один из немногих, кто специально изучал эту проблематику, определил подобный жанр как “политическую порнографию”.

Конечно, публика во все времена тяготела к скандальным сплетням. Несомненно и то, что мгновенная реакция издателей и деятелей киноиндустрии диктовалась стремлением поскорее сделать деньги, используя модный сюжет. Но в данном случае широкое муссирование “распутинской” темы имело и более глубокий смысл. Революция стала слишком неожиданной для большинства населения страны. На первом заседании ярославского Комитета общественного порядка избранный его председателем Д.Е. Тимрот делился со знакомыми своими ощущениями: “Да, все как неожиданно. Я не верю себе. Сейчас я проводил собрание и голосовал за свержение царя, а ведь не так давно был верноподданным. Родился и вырос в преданности престолу”⁵. Все разговоры о Распутине, нравах царского двора и т.д. подсознательно оправдывали это мгновенное превращение недавних верноподданных в столь же ярых сторонников свободы.

Мгновенное крушение того, что еще недавно казалось незыблемым, требовало каких-то дополнительных акций для того, чтобы закрепиться в массовом сознании. 12 марта 1917 г. крестьяне деревни Поповской Еремеевской волости устроили торжественное сожжение портретов членов дома Романовых. Это было организовано в поле за деревней в присутствии всех ее жителей⁶. Такое мероприятие, напоминающее языческий обряд, должно было разграничить старую и новую эпохи.

Падение авторитета власти предшествует любой революции. Имело место это и в России. Однако ко времени крушения монархии этот процесс еще не достиг общих масштабов. Поэтому и понадобилась десакрализация прежних символов задним числом, проявлением чего и стала эксплуатация “распутинской” темы.

➤ Примечания

1. Сивков К. Николай II и его царствование: библиографический обзор // Голос минувшего. 1917. № 9-10. С. 386.

2. Голос (Ярославль). 1917. 22 марта.

3. Там же. 8 марта. Автор газетной заметки называет организатором съемок именно фирму Либкина, но, похоже, не очень в этом уверен.

4. Колоницкий Б.И. “Политическая порнография” и десакрализация власти в годы первой мировой войны (слухи и массовая культура) // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М. 1998. С. 69.

5. Цит. по: Федюк В.П. Ярославль. Весна 1917-го... // Историко-революционные памятники Ярославской области. Ярославль. 1989. С. 106.

6. Голос (Ярославль). 1917. 15 марта. Впрочем, газеты сообщали о том, что в ряде случаев крестьяне делали исключение для портретов “царя-освободителя” (речь в данном случае идет о селе Кукобой).

Ю.В. Красовская

**Городские думы и октябрьский переворот:
надежды и разочарования горожан
(по материалам Ярославской и Костромской
губерний)**

О событиях, связанных с установлением Советской власти в Ярославской и Костромской губерниях, написано немало исследований. Большинство из них посвящено деятельности различных организаций, партийной борьбе¹. Темой настоящей статьи является изучение взаимосвязи между деятельностью органов городского общественного самоуправления, основными надеждами, возлагаемыми на них населением и причинами их ликвидации.

Статья написана на основе изучения документов фондов ГАЯО, ГАКО, а также опубликованных источников.

Реакция дум городов обеих изучаемых губерний на события в стране 25 октября 1917 года не отличалась разнообразием. Анализ документов показывает, что ни одна из них не поддержала восстание, в категоричных формах выступая против «захвата власти так называемыми большевиками» (Пошехонская дума)² и выражая «свой протест кучке безответственных людей, ... ведущих родину к гибели...» (Угличская городская дума)³. Первоначально большинство муниципалитетов заняли активную антибольшевистскую позицию, выступая инициаторами создания «Комитетов спасения Родины и Революции» – по аналогии с Ярославским⁴, – но носящих разные названия. Например, Пошехонская дума организовала «Комитет борьбы с анархией», Даниловская – «Комитет охраны Государственной безопасности и порядка» и т.п.⁵

Однако не все муниципалитеты приняли решение о борьбе с большевиками. Костромское, Рыбинское, Ростовское и Романово-Борисоглебское общественные самоуправления заняли позицию нейтралитета по отношению к новой власти⁶. Более того, они направили своих представителей и в военно-революционные комитеты и в губернский «Комитет спасения Родины и Революции». Как объяснил на общем собрании «Комитета спасения Родины и Революции» член Ростовской городской управы Жаров, такое компромиссное решение было вызвано «стремлением избежать кровопролития»⁷.

Население городов в конце октября 1917 г. волновали не теоретическая и политическая борьба между большевиками и их противниками о необходимости перехода власти в руки Советов, а более «земные» вопросы, главным из которых был продовольственный. Несмотря на значительное падение авторитета органов городского самоуправления к осени 1917 г., широкие слои населения связывали свои надежды на предотвращение го-

лодной зимы именно с думами. Действительно, обеспечение продовольствием населения являлось одной из основных функций муниципалитетов. Кроме того, после летних муниципальных выборов, проведенных впервые в России на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования думы претендовали на роль органов власти, облаченных доверием большинства горожан. Именно проблема недостатка основных продуктов питания и стала определяющей для горожан в выборе между свергнутым и новым правительством. В Данилове Ярославской губернии, согласно сообщению его городского головы Москательникова, «толпа определенно заявила городскому самоуправлению, что если оно не удовлетворит продовольственные нужды, то население вынуждено будет обратиться к большевикам»⁸. В Нерехте Костромской губернии был избит рабочими фабрики Брюханова член Продовольственного бюро городской управы А.И. Чаровой за отказ выдать муку, предназначенную для других жителей города⁹.

Муниципалитеты пытались обеспечить продовольствием горожан с помощью методов, выработанных ещё цензовыми думами – просьбы на имя властей о срочной высылке хлеба, делегации в различные организации, открытие дешёвых столовых для беднейших слоёв населения¹⁰. Отсутствие позитивного результата таких действий представляется закономерным. В условиях всестороннего кризиса такие методы были абсолютно неэффективны.

Следует отметить, что СНК одним из своих первых постановлений «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле», предоставило городским думами самые широкие полномочия по данному вопросу¹¹. Однако, не признавая Советской власти, муниципалитеты не считали возможным действовать на основе её законов. В результате городские думы Костромской и Ярославской губерний не смогли оправдать возлагаемые на них надежды населения и ликвидировать недостаток продовольствия и угрозу голодной зимы.

Обеспечение безопасности и порядка в городе в конце октября 1917 г. стало такой же значимой по степени важности задачей, как и продовольствие. В городах начались массовые разгромы винных складов. Сообщения о беспорядках, вызванных пьяными солдатами, и просьбы о высылке войск продолжали поступать в адрес Министерства внутренних дел Временного правительства из Галича, Буя Костромской губернии и после 25 октября¹². В Ярославле солдатами также был разгромлен склад со спиртом и город, по выражению гласного Лопатина, оказался «фактически... в руках вооружённых и не всегда трезвых солдат»¹³. Аналогичные попытки предпринимались и солдатами Ростова и Рыбинска¹⁴. Помимо нетрезвых солдат безопасности городского населения угрожали постоянные самочинные обыски, проводимые неизвестными лицами без чьей-либо санкции, грабежи и другие преступления уголовного характера. И вновь горожане надеялись на думы, одной из основных функций которых являлось поддержание личной и имущественной безопасности. В этих условиях деятельность органов город-

ского самоуправления по восстановлению порядка также принимала политический характер.

Против толп солдат, громящих винные склады, сил городской милиции было явно недостаточно. В период массовых погромов Ярославская управа смогла организовать лишь 50 конных милиционеров, «которые разъезжают по городу и рассеивают собирающиеся толпы, настроенные на погром»¹⁵. Милиционеры пытались предотвратить беспорядки, а для прекращения уже начавшихся использовалась пожарная команда, которая также не могла противостоять толпе¹⁶. Ярославская дума и после 25 октября обращалась за содействием к Совету солдатских депутатов в вопросе поддержания порядка. Однако депутат Совета С. Д. Эпштейн на заседании думы 28 октября заявил, что «Совет бессилён бороться. С./овет/С/олдатских/.Д./епутатов/ обращался за помощью в Москву, чтобы прислали броневик, и получил отказ, и если Дума не примет решительных мер сейчас, то он не ручается за безопасность населения»¹⁷. «Решительной мерой», принятой думой, явилось создание очередной комиссии с участием в ней помимо членов управы представителей Советов, начальника гарнизона, губернского комиссара и начальника милиции, которая и должна была «выработать прочные меры по охране города»¹⁸.

Дружина добровольной милиции, инструкция которой столь долго разрабатывалась в комиссиях, также не была создана. Предложения о её создании и текст инструкции были разосланы в городские управы уездных городов, но в действительность данная идея не была воплощена. Более того, городская милиция оказалась не в состоянии защитить даже себя. В ночь на 15 ноября городское управление милиции и районные части оказались захвачены и обезоружены Красной гвардией¹⁹. Собрание думы постановило, что все служащие милиции должны «нести всю текущую работу в пределах фактической возможности», что означало «... иметь наблюдение и принимать меры к тому, чтобы захват дел милиции не вызвал беспорядки в делопроизводстве и потери или порчи документов...»²⁰. Иными словами, 15 ноября деятельность городской милиции в Ярославле фактически завершилась.

По такой же схеме развивались события и в других городах. Например, в Пошехонье чрезвычайное собрание думы 5 ноября принимает решение о создании дружины самозащиты и ночной охраны города²¹. А уже 10 ноября только что образованную дружину и городскую милицию разоружил вооруженный отряд большевиков, который и стал реальным хозяином в городе²².

Таким образом, ключевые проблемы (продовольствие и обеспечение личной и имущественной безопасности горожан) муниципалитеты в послеоктябрьские дни решить не смогли. Неспособность органов самоуправления накормить и защитить население окончательно подорвала их довольно слабый авторитет в глазах масс, автоматически оставляя надежду последним лишь на новую власть, – во всяком случае, она не успела ещё никого разочаровать. С другой стороны, думы, не справляющиеся с возлагаемыми на

них задачами, были не нужны и новому правительству. Поэтому, когда в 1918 г. Советская власть ликвидировала органы самоуправления, не нашлось никого, кто бы выступил в их поддержку.

➤ **Примечания**

1. См.: Конокотин А. Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. Кострома, 1927. С. 13; Очерки истории Ярославской организации КПСС (1883 – 1937). Ярославль, 1985. С. 164-174 и др.
2. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5251. Л. 21.
3. Там же. Д. 5257. Л. 90.
4. См.: ГАЯО. Ф. 509. Оп. 5. Д. 130. Л. 35.
5. См.: Там же. Д. 5243. Л. 59; Д. 5251. Л. 20.
6. См.: ГАКО. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 124. Л. 9; Протокол общего собрания комитета спасения родины и революции 23-24 ноября 1917 года // Ярославская старина. Вып. 3. 1996. С. 82.
7. Там же. С. 82.
8. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 4. Д. 2556. Л. 48.
9. См.: ГАКО. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 167. Л. 31.
10. См.: ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5244. Л. 43; Д. 5257. Л. 72; Ф. 512. Оп. 1. Д. 1185. Л. 87.
11. См.: Собрание узаконений и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 1. С. 6-7.
12. См.: ГАКО. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 16. Л. 2, 3, 8.
13. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 5. Д. 130. Л. 36
14. См.: Протокол общего собрания комитета спасения родины и революции 23 - 24 ноября 1917 года. С. 82.
15. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 5. Д. 130. Л. 36.
16. См.: Там же.
17. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 5. Д. 130. Л. 29.
18. Там же.
19. См.: ГАЯО. Ф. 509. Оп. 5. Д. 131. Л. 185.
20. Там же. Л. 185.
21. См.: ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5251. Л. 20.
22. См.: Протокол общего собрания комитета спасения родины и революции 23-24 ноября 1917 года. С.82.

Л.Н. Курцев

Начало формирования советской бюрократии (октябрь 1917 - 1918 гг.)

Формирование советской бюрократии началось сразу после октябрьских событий 1917 г. Первоначально довольно заметную роль в создании новой бюрократии играли служащие с дореволюционным стажем работы.

По данным современных исследователей, старое чиновничество составляло от 16 до 72% кадров наркоматов, а удельный вес рабочего класса среди, например, московских служащих в 1918 г. не превышал 1%¹.

Советская власть проявляла завидную гибкость и умело сочетала карательные меры с приемами материального стимулирования, привлекая опытных управленцев к сотрудничеству. Нередко на практике имело место единовременное комбинирование «кнута и пряника».

Что касается «пряника», то еще 5 декабря 1917 г. СНК издал постановление о выдаче дополнительных 50 рублей к зарплате почтово-телеграфных служащих за ноябрь месяц, а 11 декабря повторил маневр в отношении служащих-железнодорожников². В Ярославле к использованию подобных рычагов борьбы с саботажем прибегал городской исполком. В начале января 1918 г. здесь была установлена прибавка в 50 рублей чиновникам казенной палаты.

Из репрессивных мер наиболее действенной была угроза расчета с лишением права на пенсионное пособие. Интересный пример синтеза административного давления и материального стимулирования являет собой эпизод, связанный с национализацией банков в Ярославле (декабрь 1917 г.). Управляющему одного из ярославских банковских филиалов власти предложили на выбор: тюрьма или согласие работать с большевиками за 600 рублей в месяц. На размышление дали 10 минут. Управляющий выбрал последнее³.

Любопытная картина наблюдалась с кадровым составом ярославского Военно-Революционного трибунала. Например, секретарем трибунала 3 июня 1918 г. был назначен Б.И. Гляуберт, с 1907 г. служивший в Любавском Окружном суде. Столоначальником трибунала стал О.О. Коссак, имевший за плечами 16-летний опыт работы в Гродненском окружном суде⁴.

Нечто схожее проявлялось и в других советских структурах. Так, бывший банковский клерк беспартийный Кузнецов занял пост комиссара Ярославского отделения Госбанка и заместителя комиссара финансов. Бывший ярославский городской голова Суворов приглашался регулярно для консультаций комиссаром финансов и работал в должности председателя коллегии городского хозяйства. Бывший бухгалтер ярославской губернской земской управы Смирнов благополучно пересел в кресло бухгалтера губернского СНХ⁵.

Что касается коммунистических управленцев, то они занимали лидирующие позиции в государственных структурах. Приступая к характеристике новой правящей элиты, заострим внимание на нравственном аспекте ее деятельности. Еще Л.Б. Красин отмечал, что 90% членов РКП (б) составляют «бессовестные приспособленцы», а не борцы за идею⁶. Это не удивительно, если, по словам местной большевички О.И. Розановой, на рубеже 1917 - 18 гг. в партию принимали «всякого встречного и поперечного».

Процесс зарождения партноменклатуры сопровождался распространением разнообразных льгот и привилегий. Косвенное тому свидетельство – фраза большевика Будкина, произнесенная им на заседании горисполкома в

марте 1918 г.: «Все противники говорят о нашем благополучии. Не надо им давать козыря»⁷. Остановимся на прямых, конкретных проявлениях «их благополучия».

Во-первых, денежное обеспечение. Средняя зарплата совслужащего в то время составляла 400 - 450 рублей, тогда как заработок учителя равнялся 115 рублям, столичного рабочего 255 рублей⁸. И несмотря на это, члены едва избранного губисполкома в феврале 1918 г. не постеснялись назначить себе на март оклады в размере 555 рублей, что превышало жалование народного комиссара⁹.

Кроме того, участие во власти обеспечивало различные материальные льготы. Это и бесплатный проезд в общественном транспорте (трамвае, пароме), и лучшего качества продовольствие без очередей. Компоблажки проникли и в сферу трудовых отношений. По закулискому решению большевики принимались в советские учреждения помимо Биржи труда¹⁰.

Немалый барыш приносили реквизиции от имени Совета. Например, председатель горисполкома Д. С. Закгейм подарил своей сестре золотые часы из числа конфискованных на дело революции товаров. Губернский комиссар милиции Ф.М. Горбунов практиковал освобождение из-под стражи взамен на купеческие шубы. Член исполкома Габелко справил шубу, провернув аферу с продажей национализированного табака по подложным документам¹¹.

Помимо полукриминальных практиковались и откровенно уголовные деяния. В числе обвиняемых Военно-Революционным Трибуналом значился Ф.Ф. Ефимов (член ярославского продотдела), ответственный за растрату 6,7 тыс. руб. А член горсовета Пудков похитил 920 руб. из кассы безработных при Отделе Труда для погашения своих карточных долгов¹².

Итак, двумя составляющими элементами советской бюрократии были старые кадры и коммунистические управленцы. Ключевые посты взяли в свои руки большевики. Служебный персонал составили работники с дореволюционным стажем. «Деятельное невежество» первых вкупе с традиционной («вечно-гоголевской» по Н.А. Бердяеву) привычкой к бюрократическим приемам службы вторых породило феномен советской номенклатуры.

➤ Примечания

1. Леонов С. В. Рождение советской империи. М., 1997. С. 189; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917-1920 гг. М., 1998. С. 117.

2. Власть труда. 1918. № 3. С. 3.

3. ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 68. Л. 16.

4. ГАЯО. Ф. Р-601. Оп. 1. Д. 93. Л. 176-177.

5. ГАЯО. Ф. Р-1992. Оп. 1. Д. 2. Л. 19 об.

6. Цит. по: Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 167.

7. ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 88. Л. 97.

8. Дробижев В. З. и др. Рабочий класс Советской России. М., 1975. С. 107.

9. ГАЯО. Ф. Р-1431. Оп. 2. Д. 38. Л. 7, 12.

10. ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 163. Л. 119.

11. ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 68. Л. 20.

А.С. Клопов

Региональный сепаратизм в Центральной России в первые годы советской власти (на материалах Ярославской губернии)

Периоды социально-политических потрясений в истории России всегда вели к росту центробежных сил, появлению как национального, так и *регионального, областного сепаратизма*. Так и в начале XX в. революции и войны настолько расшатали традиционную государственную машину, что Россия «затрещала по швам» не только на окраинах, но даже в Ярославской, Владимирской, Тверской и др. центральных губерниях.

Разумеется, здесь не было ни национализма (как в Польше и на Кавказе), ни желанья полной автономии от Москвы (как в Сибири). Суть регионального сепаратизма в Центральной России в эти годы составляет *конфликт уездных и губернских властей*. Общей тенденцией было стремление многих уездных центров дистанцироваться от своих губернских «столиц» и образовать независимые от них административно-территориальные единицы.

В Ярославской губернии в 1918 - 1920-х гг. эти центробежные тенденции наиболее ярко проявились в сепаратизме Рыбинска и Ростова.

Здесь уместно сказать о самом понятии «сепаратизм». Обретя сейчас кровавый, националистический оттенок, это слово на самом деле более широко. Так, словарь С.И. Ожегова определяет сепаратизм как *всякое «стремление к отделению, обособлению»*¹. В данном случае этот термин более отвечает реально развивавшейся ситуации, нежели «местничество» (по Ожегову: *«соблюдение своих узкоместных интересов в ущерб общему делу»*²).

Да, действительно, те же власти Рыбинска часто «тянули одеяло на себя», но главным для них все же была идея именно *обособиться* от Ярославля и образовать Рыбинскую губернию. То есть, действия рыбинских (да и ростовских) властей в отношении Ярославля в годы гражданской войны можно обозначить как «рыбинский сепаратизм» и «ростовский сепаратизм».

Единственно серьезным возражением против такой постановки проблемы может послужить лишь ссылка на целый ряд большевистских декретов о необходимости реорганизовать *«старое административное деление»*³.

Не означает ли это, что якобы сепаратизм – это начатая Советским правительством реформа? Нет, поскольку сами центральные органы вплоть до конца 1922 г. этой проблемой практически не занимались, *отдав уни-*

циативу местным властям. И лишь вооружившись принципами экономического районирования, административно-территориальная реформа действительно заработала. И многие губернии, созданные еще в 1918 - 1922 гг. по местной (т.е. сепаратистской) инициативе, были упразднены уже в середине 1920-х гг.

Итак, подытожим: *первые годы советской власти – это время усиления в Центральной России регионального сепаратизма*, причем он значительно отличался от того же сепаратизма в Сибири, не говоря уже о Польше и др.

Обращаясь к материалам Ярославской губернии⁴, можно выделить следующие его наиболее характерные черты:

1. Здесь региональный сепаратизм не был лишь банальной борьбой за власть, имел *объективные причины*, отражая общую тенденцию ослабления власти на губернском уровне. Так, Ярославль после июльского мятежа 1918 г. объективно уже не мог нормально управлять губернией, и стремление уездов «уйти» от него кажется обоснованным;

2. Если Рыбинск желал выделения в особую губернию (Мологский, Мышкинский, Пошехонский, Рыбинский и Угличский уезды), то Ростов претендовал лишь на экономическую автономию. Тем не менее как отделение пяти уездов с Рыбинском, так и полный контроль Ростова над своим важным в стратегическом плане овощным рынком едва ли не одинаково *больно ударили по интересам своей губернской столицы*;

3. В этой связи реакция Ярославского губисполкома на сепаратизм чаще всего была *карательной*: роспуск в октябре 1918 г. Ростовского Совета, в марте 1919 г. – Рыбинского, сопровождавшиеся рядом обвинений, зачастую надуманных либо преувеличенных;

4. Отношение же Москвы к уездам, наоборот, было *благожелательным*. Вероятно, критически оценивая возможности ярославцев (допустивших у себя белогвардейский мятеж), ЦК партии делало ставку более на местных (рыбинских и ростовских) партийцев;

5. Сравнивая рыбинский и ростовский сепаратизм, можно заметить особую роль для последнего *фактора лидера*. Так, председатель Ростовского Совета в 1918 г. Ф.Н. Вишневский был настолько харизматичным главой руководимого им уезда, что одной только своей фигурой скрывал несостоятельность в принципе всех притязаний Ростова. И когда Вишневского не стало – не стало и ростовского сепаратизма! Рыбинск же, наоборот, еще до революции претендовал на особое положение, и для создания в 1921 г. Рыбинской губернии вполне хватило того потенциала, который у Рыбинска был и позволял ему предъявлять *веские аргументы для своих автономистских притязаний*;

6. Региональный сепаратизм 1918 - 1920-х гг. для политического, экономического и культурного развития Ярославского региона не прошел бесследно. И хотя уже в 1923 г. та же Рыбинская губерния была ликвидирована, идеи автономии и ощущение своей исключительности продолжали

долгое время определять характер проводимой рыбинскими властями политики. Зачастую именно эта незатухающая конкуренция двух крупнейших городов и составляла весь ход новейшей истории Ярославской области, имея как позитивные, так и негативные последствия.

➤ **Примечания**

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 3-е изд. М.: АЗЪ, 1995. С. 701.
2. Там же. С. 344.
3. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 12. Ст. 179; 1918. № 21. Ст. 318.
4. Автором использовались фонды пяти архивов: ГАРФ, РГАСПИ, ЦДНИ ЯО, ГАЯО, РФ ГАЯО.

А.С. Клопов

Ярославль и Рыбинск в первые годы советской власти: история конфликта

Переломные эпохи в периоды смут в истории нашей страны всегда отмечались усилением местнических сепаратных тенденций. Так и в начале XX в. революции и войны привели к полной дезорганизации центральной власти, а отсюда – стремление администраций на местах захватить большую власть, противопоставить себя ослабшему центру.

Ярославский край в этом отношении не составлял исключение. Здесь в годы гражданской войны наиболее заметным стал конфликт между властями Ярославля и Рыбинска. Об этом противостоянии и пойдет в речь в настоящей работе.

Главными источниками послужили неопубликованные материалы Государственного архива Ярославской области (в том числе, и его филиала в г. Рыбинске). Наиболее интересными и информативными оказались фонды Ярославского губернского отдела управления и ревтрибунала, а также фонд Рыбинского совнархоза.

Заметное экономико-географическое и культурное значение долгое время предопределяло стремление Рыбинска стать менее зависимым от Ярославля, выйти из-под его административной опеки.

Однако практическая реализация этого стала возможной лишь после Октябрьской революции 1917 г., когда правительство РСФСР начало коренную реорганизацию административно-территориального деления страны.

Так, НКВД в декабре 1917 г. установил, что изменение границ должно идти не по фискально-полицейскому, как раньше, а с учетом естественно-исторических, экономических и национальных интересов населения¹.

В результате, на карте РСФСР вскоре появились уже целые россыпи новых губерний: Череповецкая, Иваново-Вознесенская, Северо-Двинская губернии.

Эти примеры столь легкого «завоевания» губернского статуса не могли не увлечь и амбициозных рыбинских властей, которые тоже решили действовать. На волне всеобщего возбуждения они рассчитывали быстро отделиться от Ярославля и создать самостоятельную Рыбинскую губернию в составе Мологского, Мышкинского, Пошехонского, Рыбинского и Угличского уездов. Выделение новой губернии обосновывалось необходимостью более полноценного управления этими уездами, в экономическом и административном отношении тяготевшими более к Рыбинску, нежели к Ярославлю.

Однако поначалу эта инициатива неизменно разбивалась о глухую стену непонимания ярославских властей. Те просто отказывались серьезно обсуждать этот вопрос, считая его в условиях войны абсолютно некорректным и неактуальным.

Но в июле 1918 г. внутривластная ситуация в губернии изменилась. Белогвардейский мятеж в Ярославле настолько ослабил губернские власти, что те просто вынуждены были сесть за стол переговоров и начать действительно серьезное обсуждение вопроса о Рыбинской губернии.

Губисполком тем не менее продолжал взывать к совести рыбинцев, упрекая их в местничестве. Однако ничего серьезного ослабленный Ярославль в это время так ничего и не предпринял – все его действия не шли далее многочисленных бумажных резолюций.

Но и рыбинцы, несмотря на столь удачную конъюнктуру, ничего толком не сделали, за исключением того, что в начале 1919 г. добились образования т.н. Рыбинской промышленной области. По сути дела, за все два года борьбы за самостоятельность это был единственный их успех. И это при том, что тогда почти любой регион, доказавший свою экономическую самостоятельность, в принципе, легко мог оформить и административную автономию – стать, например, новой губернией. Так случилось с Череповцом, всего за пять месяцев ставшим губернским (февраль – июль 1918 г.). Более же экономически развитый Рыбинск вплоть до 1921 г., то есть в течение двух лет, этого сделать не смог.

В чем же причина? Неужели власти города были настолько бездарны и неопытны, что не смогли сделать последний, во многом даже формальный шаг, и добиться, наряду с экономической, и административной самостоятельности?

Скорее всего, не последнюю роль в этом сыграли ярославские власти, к концу 1918 г. уже оправившиеся от июльского мятежа и, видимо, решившие более активно бороться с сепаратизмом. Не случайно именно в январе-феврале 1918 г., когда была образована Рыбинская промышленная область, Ярославская ЧК начинает крупномасштабное дело о злоупотреблениях рыбинских властей.

По обвинению в превышении полномочий, пьянстве и хищениях были арестованы: председатель и секретарь уездного исполкома Московский и А. Филюшкин, заведующий отделом управлений Зонов, председатель ЧК П.И. Голышков. Все они были известны и как активные сторонники идеи рыбинской автономии.

Сомневаться в предъявленных по «Рыбинском деле» обвинениях не приходится, но дело в том, что подобные нарушения имели место и в других уездах. Удар же был нанесен по рыбинским сепаратистам.

Этим Ярославль, очевидно, стремился убить сразу двух зайцев. Во-первых, вернуть себе престиж сильного губернского центра, наведя порядок в уездах; во-вторых, обескровить рыбинский сепаратизм путем кадровых перестановок. И, в целом, это ему удалось, так как многие руководящие посты в городе тогда заняли ярославцы, начавшие действовать сугубо в интересах губернского центра.

Однако не все из них задержались в Рыбинске надолго. Местный аппарат, хотя и был ослаблен, все же нашел возможность уже в скором времени «искоренить» из своих рядов наиболее проярославски настроенных товарищей.

Так случилось, например, с назначенным после «Рыбинского дела» новым председателем уездной ЧК Васильевым. Он настолько активно мешал курсу на выделение в губернию, что очень скоро местный аппарат, естественно, решил сместить его с должности. Воспользовавшись отъездом Васильева в Ярославль (лето 1919 г.), Рыбинский уком партии провел ревизию кладовой местной ЧК и изъял из нее большое количество продуктов и оружия. Обвинив председателя в злоупотреблениях, уком сместил его с поста, назначив на его место «своего» человека.

По возвращении Васильева в Рыбинск разгорелся скандал с взаимными угрозами. Специально созданная комиссия по улаживанию конфликта нашла действия укома «вредными», но в то же время признала необходимость «оздоровить» Рыбинскую ЧК, сменив председателя и влив туда местных партийцев².

Так губернский центр реально оценил свои возможности в деле влияния на кадровую ситуацию в Рыбинске. Ярославцы поняли, что грубое вмешательство в рыбинские дела отнюдь не уничтожит сепаратизм, а только усилит его, дав рыбинцам возможность в очередной раз обвинять губисполком в диктате.

В результате, к осени 1919 г. ярославские власти меняют свои основные тактические приемы против сепаратистов и, в частности, начинают практику завуалированных подлогов и провокаций.

Так, в декабре 1919 г. губернные эмиссары, собиравшие в Мологском уезде топливо, получили некую телеграмму, предлагавшую им немедленно оставить работу и вернуться в Ярославль. На телеграмме стояли подписи заведующих Ярославским губернным и уездным отделами управления Богомолова и Сулоева.

Вскоре выяснилось, что такие же депеши были получены и в остальных четырех уездах, составлявших «сферу влияния» Рыбинска. Но, как заявил Богомолов, «таких телеграмм он не посылал и подобным им не подписывал».

Это был явный подлог, но сделанный, скорее, не рыбинскими, как-то можно было предположить, а ярославскими властями.

Формально у Рыбинского исполкома повод был – в случае успеха афера дала бы ему все недособранное эмиссарами топливо.

Но провал таких махинаций уже с самого начала очевиден, и рыбинцы вряд ли бы стали так неосторожно «пачкать руки».

Поэтому авторами подлога, наверное, были все же пока неизвестные нам представители ярославских властей. Для них интерес был явным – не только еще раз арестовать пару видных сепаратистов, но и запятнать действия Рыбинского исполкома как «идущие в разрез политике Советской власти»³.

Начатое уголовное дело вскоре было отправлено в Москву, в ВЧК⁴.

Интересы рыбинских уездных учреждений в 1920 г. продолжали сталкиваться с интересами Ярославля, и на этой почве нередко возникали новые конфликты. Однако в целом можно утверждать, что рыбинским властям было нанесено крупное поражение.

Лишь в конце 1920 г., в условиях перехода к мирной политике вопрос о Рыбинской «автономии» вновь зал злободневным. И на это раз решен он был, несмотря на протесты Ярославля, положительно, и с 5 февраля 1921 г. на всех добротных (!) картах РСФСР неизменно обозначалась Рыбинская губерния⁵.

Но снова недовольство Ярославля своими урезанными полномочиями, его подспудные, не всегда законные, действия не позволили Рыбинску укрепиться в губернском статусе. Уже 15 февраля 1923 г. Президиум ВЦИК постановил произвести обратное «слияние Рыбинской и Ярославской губерний с центром в г. Ярославле»⁶.

* * *

А может быть, и к лучшему, что идея отделения Рыбинска от Ярославля так и осталась, в конце концов, не осуществленной – два волжских города прекрасно дополняют друг друга, совместно увеличивая экономический и культурный потенциал нашей области.

➤ **Примечания**

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 12. Ст. 179.

2. Данилов А.Ю. Местные чрезвычайные комиссии в 1918-1922 гг. (на материалах Ярославской и Рыбинской губерний): Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. С. 135-136.

3. ГАЯО. Ф.Р-238. Оп. 2. Д. 66. Л. 223.

4. Нам, к сожалению, не удалось обнаружить, чем оно закончилось, но о печальном для Рыбинска результате можно вполне догадываться.

5. Собрание узаконений и распоряжений... 1921. № 9. Ст. 65.
6. Там же. 1923. № 14. Ст. 187.
-

А.С. Корнилова

Промышленность Ярославской губернии в период восстановления народного хозяйства (1921 - 1925 гг.)

Источниками для изучения данной темы могут служить, конъюнктурные обзоры хозяйственного положения Ярославской губернии в 1920-е гг., отчеты губернского экономического совещания Совету труда и обороны, периодические издания «Наше хозяйство», «На перевале».

В 1913 г. в Ярославской губернии было 185 промышленных предприятий. Особенно развитыми являлись текстильная и пищевая промышленность. На долю текстильной промышленности приходился 61% рабочих. В 1913 г. вся промышленность губернии произвела товаров на сумму 83 млн. рублей, а в 1915 г. уже на 126 млн. рублей¹. После смены власти в стране и гражданской войны промышленность Ярославской губернии находилась в кризисе: после 1918 г. действовало немногим свыше 60% всех предприятий, к 1920 г. число рабочих составляло 43% довоенного уровня и т.д. Наиболее пострадала текстильная промышленность (хлопчатобумажное производство), ибо отрезаны были поставщики сырья².

В период нэпа, в 1920-е гг., Ярославская губерния вошла в состав Центрально-промышленной области. Наиболее крупные предприятия, работающие в одной отрасли, объединялись в тресты.

В период с 1 октября 1922 г. по 1 апреля 1923 г. в Ярославской губернии действовало 173 заведения, из которых 66 были трестированные и 107 не трестированные. Но все они находились под непосредственным контролем государства. В губернии в это же время насчитывалось 13 трестовых объединений, из них 10 центральных (под контролем ВСНХ) и 3 местных (в ведении Губсовнархоза (ГСНХ) – местного органа по управлению хозяйством). К центральным трестам относились, например, трест Эмба-нефть (Константиновский нефтеперегонный завод), трест Гомза (машиностроительный завод «Феникс»), трест Верхневолголес (15 лесопильных заводов) и др., к местным – Кожтрест, трест хлопчатобумажный, льнотрест. Нетрестированные государственные предприятия находились под контролем ГСНХ, «автономно управляющихся» предприятий на тот момент не было зарегистрировано³.

В 1925 г. ГСНХ подчинялось 17 предприятий (приблизительно 4 тысячи рабочих и служащих). Эти предприятия, по свидетельству М.Е. Кадека, были местного значения и сравнительно мелки⁴.

Значит, центральная власть брала под свое покровительство наиболее крупные, доходные и стратегически важные заводы и фабрики, чтобы не упускать их из виду. Тем более, было бы опасным своевременно не заметить какие-либо сбои в проведении новой экономической политики на этих предприятиях в то сложное время, каким являлось начало 1920-х гг.

В Ярославской губернии находилось 215 цензовых промышленных предприятий, т.е. состоящих на учете текущей промышленной статистики, из них 188 (95%) принадлежало государству, 22 были кооперативными, 5 частными. В то же время предприятия вообще на 1 апреля 1923 г. распределялись таким образом: 208 государственных, 140 кооперативных и 3084 частных⁵.

Как видно, процент частной собственности был мизерным в цензовой промышленности. Зато в остальной промышленности он был велик. Но это была мелкая и кустарная промышленность, которая не могла дать большого дохода экономике страны. Кустарное производство изживало себя, будущее было за крупной и средней промышленностью.

К концу 1925 г. в «Ярославском статистическом вестнике» было отмечено, что «преобладающее значение в Ярославской губернии имеет государственная трестированная промышленность, находящаяся в ведении центральных организаций»⁶.

Исходя из материалов отчета Ярославского губэкономсовещания за 1922/23 гг. следует, что торфяная и текстильная промышленность, табачное производство принадлежали исключительно государству⁷.

Это объясняется тем, что торф – выгодный вид топлива, которым богата Ярославская губерния (местные леса были сильно вырублены), а текстильная промышленность с дореволюционных времен занимала главенствующие позиции в структуре местной промышленности и давала большой доход.

Так, в 1924 г. общая валовая продукция промышленности составила 79 млн. рублей, из них примерно 20 млн. рублей пришлось на долю хлопчатобумажной, а на долю крахмалопаточной - всего 4 - 7 млн.⁸

Государство практиковало сдачу местных, мало доходных предприятий в аренду. В 1922 г. планировалось сдать 83 предприятия сроком на 5 лет (до 1927 г.). Каждое арендованное предприятие должно было выполнить определенную производственную программу⁹.

Значит, государство все же не упускало такие предприятия из виду и ожидало, что некоторые из них спустя какое-то время внесут свой вклад в экономику.

Хорошо оснащенные, сильные предприятия часто переводились на коммерческий расчет, т.е. получали некоторую долю самостоятельности. Но перевод на коммерческий расчет являлся серьезным испытанием на прочность предприятия и прозорливость его руководства. В то время это явление называли «радикальной мерой», которая позволит «снизить затраты на производство единицы продукта без понижения снабжения рабочих».

Промышленность 1920-х гг. испытывала серьезные трудности, ставившие подчас под угрозу существование некоторых отраслей. Например, остро стояла сырьевая проблема.

К началу 1923 г. некоторые предприятия были обеспечены сырьем максимум на полгода. Отдельные предприятия (махорочного, винокуренного, маслособойного, полиграфического производств) имели запасы на несколько дней. Некоторые виды сырья предлагались в ограниченном количестве, поступали с задержкой.

Имел место недостаток оборотных средств. Размеры сырьевых заготовок, а значит и размеры производства, зависели от имеющихся средств и кредитных возможностей. Сырьё предприятия могли закупить через Губторг (с 1 января 1923 г. Снабторг), предоставляя ему средства на покупку. Но очень часто предприятия не имели средств на закупку сырья, поэтому Губторг не мог им помочь. Тем не менее экономисты-современники признавали наличие сырьевого кризиса «только в отношении хлопка, льна высоких номеров, махорки, лесоматериалов...»¹⁰.

Уже в 1922 г. ГСНХ предпринял попытку субсидировать местные предприятия. Естественно, что такие денежные вливания не могли поправить ситуацию, когда нужно было новое оборудование, сырье. Тогда в отношении локальных предприятий была применена концентрация и сокращение размеров производства (например Кожтрест).

Несмотря на многочисленные трудности, к концу 1925 г. промышленность Ярославской губернии достигла некоторых успехов.

С 28 сентября 1925 г. заработала на полную мощность фабрика «Красный Перекоп», на ней функционировало 307 000 веретен (в 1921 г. их было всего 21 741). В том же году Ярославский машиностроительный завод «выпустил две совершенно новых трехтонных машины, сконструированных инженером В.В. Даниловым»¹¹.

К декабрю 1925 г. промышленность губернии «достигла значительного увеличения». Выпуск валовой продукции в декабре превысил таковую же за ноябрь на 48,23%.

Увеличилось количество рабочих на предприятиях. К концу 1925 г. на 18 предприятиях, подавших сведения, работало 6 062 человека (в декабре 1924 г. на том же количестве заводов и фабрик было 3 608 рабочих)¹².

Средняя заработная плата рабочего в 1922 г. составляла 90 рублей, в 1922/23 г.- 175 рублей, в 1924/25 г.-209 рублей. Рабочий день был сокращен до 8 часов (в 1913 г. - 11 часов)¹³.

В целом, промышленность губернии восстанавливала свои силы.

➤ Примечания

1. Кадек М.Е. Очерки по экономике Ярославского края. Ярославль, 1925. С. 73.

2. Там же.

3. Отчет Ярославского губернского экономического совещания совету труда и обороны с 1 октября 1922 года по 1 апреля 1923 год. Ярославль, 1923. С. 14.
 4. Кадек М.Е. Указ. соч. С. 75.
 5. Там же. С. 55.
 6. Ярославский статистический вестник. Ярославль, сентябрь-декабрь 1925. С. 87.
 7. Отчет Ярославского губернского экономического совещания ... С. 55.
 8. Кадек М.Е. Указ. соч. С. 75.
 9. Наше хозяйство, 1922. № 7-8. С. 6.
 10. Отчет Ярославского губернского экономического совещания ... С. 16.
 11. Ярославский край в документах и материалов (1917-1977 гг.). Ярославль, 1980. С. 57-58.
 12. Хозяйственное положение Ярославской губернии. Ярославль, октябрь-декабрь 1925. С. 48-50.
 13. Ярославский статистический вестник. С. 99.
-

Е.Г. Малкина

Экскурсионная работа с детьми в ярославских школах (1920-е годы)

В 1923 - 1925 гг. в России произошла очередная реформа содержания школьного образования, результатом которой стало введение комплексных программ ГУСа, т.е. такого способа построения образования и обучения, в основе которого лежал бы единый связующий стержень – труд. Были определены три комплекса тем: «природа и человек», «труд», «общество» – и весь учебный материал должен был быть подогнан под эти три «колонки». Ключевым пунктом в обучении должна была явиться активизация ученика в учебном процессе за счет самостоятельного исследования, изучения действительности в ее предметах и явлениях. Из этого вытекал еще один важный принцип новой школы – краеведческий уклон школьного курса. Среди основных новых форм обучения значились практические занятия, исследования и, самое главное, экскурсии.

Задача педагогической общественности состояла в первую очередь в проведении в жизнь провозглашенных принципов новой школы, в обосновании необходимости их принятия, т.е. в их популяризации. Теоретики и практики экскурсионного дела приступили к разработке различных классификаций экскурсий, методической и технической их разработке.

Примером такой работы стала в 1920-е гг. Ярославская губерния. Ярославский педагогический журнал «Наш труд» уделял значительное внимание на своих страницах проблемам экскурсионной работы.

Одной из самых актуальных экскурсионных тем считалась так называемая экскурсия «в современность», изучающая главным образом социальные, экономические и др. стороны жизни определенного города, местности.

Результатом таких экскурсий должно было стать прямое приобщение учащихся к современной жизни (к труду, производству и т.п.). В «Нашем труде» приводится пример такой экскурсии «в современность» одной ярославской школы. Это была экскурсия на фабрику «Красный перекоп»¹. Цель экскурсии – показать учащимся, что обыденная жизнь так богата содержанием, что заслуживает внимания и изучения. Кроме того, в качестве экскурсии «в современность» для младших школьников предлагались две экскурсии в город Ярославль для Великосельской школы II ступ. им. К. Маркса Ярославского уезда и Якушовской школы I ступ. Песоченской волости Рыбинского уезда². Главной целью таких экскурсий детей младшей школы, как правило, является элементарное знакомство с большим промышленным городом (с мостами, железными дорогами, трамваями и т.д.). В одной из этих экскурсий налицо еще одна характерная черта того времени – шефство городских школ над сельскими.

Ярославским школьникам предлагались и экскурсии на производство как еще один важный и распространенный вид школьных экскурсий в 1920-е гг. В одной из журнальных статей описана такого рода экскурсионная работа с учащимися старших групп Песоченской 7-летней школы Рыбинского уезда на Первомайскую фарфоровую фабрику³. Выбор темы экскурсии – «Сотрудничество человека и техники в современном производстве» – обосновывался актуальностью данной проблемы и был напрямую связан с программным комплексом «труд».

Кроме того, приводился пример экскурсии на Махорочную фабрику № 1 в Ярославле с учащимися 8-й группы школы им. Некрасова с присутствием нетрадиционного для обычной экскурсии на производство подхода. Эта экскурсия проводилась учителем-словесником, и нетрадиционность подхода наиболее явно проявилась при проработке материала после экскурсии (чтения докладов, декламация стихов, сценки и т.д.). В этом проявлялся один из способов активизации учеников в учебном процессе. А также таким способом достигалась важная цель новой школы 1920-х гг. – с ранних лет приобщать детей к общественно-полезному труду.

Экскурсии на природу, представленные в ярославском варианте на примере экскурсии на Волгу⁴, практически всегда становились комплексными. В частности, программа школьной экскурсии по Волге состояла из геолого-географической, историко-экономической, биологической и литературной частей. Сбор различных коллекций минералов, знакомство с производительными силами края и т.д. отвечали в первую очередь краеведческим установкам школьного образования.

Одним из результатов другой подобной же экскурсии на природу явилось создание целого школьного краеведческого музея.

Важное место в школьной работе занимали и литературные экскурсии. Это было характерно и для Ярославской губернии. «Наш труд» предоставлял ярославским школьникам несколько вариантов таких экскурсий. Это могли быть, к примеру, комплексная литературно-художественная экскур-

сия в картинную галерею или экскурсия в с. Грешнево учащихся 7-й группы школы им. К.Маркса для изучения жизни и творчества Некрасова⁵.

Можно сказать, что экскурсионная работа с ярославскими учениками строилась в соответствии с удовлетворением потребностей новой школы. Это выражалось в последовательном соблюдении комплексной системы обучения, в целенаправленном воспитании в учащихся сознательных граждан, тружеников строящегося государства посредством экскурсий на производство, в деревню и т.п., в проведении принципа активизации ученика в учебном процессе за счет самостоятельного исследования, изучения, анализа действительности в различных ее проявлениях и в краеведческом уклоне системы школьного образования.

Нужно отметить и тот факт, что ярославская педагогическая общественность 1920-х гг. в основном следовала за центральными установками в области экскурсионного метода преподавания, что проявлялось в использовании традиционной классификации экскурсий, методов ведения и тематическом выборе экскурсий.

➤ **Примечания**

1. См.: Жизнь фабричной улицы (экскурсия в современность) // Наш труд. 1925. № 9-10. С. 35-37.

2. См.: Наша экскурсия в Ярославль // Там же. 1929. № 4. С. 56-57; № 5-6. С. 91-93.

3. См.: На первомайской фарфоровой фабрике // Там же. 1928. № 11. С. 75-81.

4. См.: Наши экскурсии на Волгу // Там же. 1924. № 6. С. 25-27.

5. См.: Н.А. Некрасов и Грешнево // Там же. 1928. № 1. С. 6-9.

Е.А. Страдина

Научные общества Ярославской губернии в 1920-е гг.

После Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны начался новый этап в развитии отечественной науки. Исследовательская работа широко проводилась не только в центре, но и на местах. Основной формой организации региональной науки стали научные общества.

Ярославское естественно-историческое общество (ЯЕИО) открылось в 1864 г. После революции оно расширило свою деятельность. В 1923 г. общество создаёт секцию краеведения. Помимо этого в его составе работала физико-математическая секция. Председателем был С.Н. Слободской.

Вторым по объёму деятельности в губернии было Рыбинское научное общество, которое открылось в 1909 г. как отделение ЯЕИО, но в 1921 г. с выделением Рыбинской губернии приобрело самостоятельность. На протяжении всего периода его неизменным председателем был А.А. Золотарёв.

Самостоятельное Ростовское научное общество по изучению местного края возникло в 1924 г. При обществе стали действовать естественно-историческая, общественно-экономическая и культурно-историческая секции, в 1925 г. была организована библиографическая комиссия. Членами общества были Г.К. Шляков, Д.А. Ушаков и другие.

Мышкинское естественно-историческое и краеведческое общество было основано в 1920 г. Н.Г. Николаевым. Сразу началась работа по организации музея и восстановлению метеорологической станции, положено начало химической лаборатории. В 1922 г. в связи с отъездом руководителя общество прекратило свою деятельность и было воссоздано в 1923 г. с другим составом¹. Действовало четыре секции – бытовая, производственная, ботаническая и зоологическая. В ботанической секции велись наблюдения над растительностью, зоологической – над животным миром водоёмов и вредителями сельскохозяйственных растений. Бытовая секция особое внимание уделяла этнографическим исследованиям. Производственная секция занималась составлением анкеты для выявления состояния сельского хозяйства и промышленности, кустарного производства, рынка².

Мологское общество изучения местного края возникло 1 февраля 1920 г. по инициативе школьного работника Н.Н. Розова. В его составе действовали естественно-историческая и историко-археологическая секции. В начале 1920-х гг. были изучены местные соляные источники, Рыльбовское болото с отложениями торфа и залежами железной руды³. Был поднят вопрос о почвенном и ботаническом исследовании Молого-Шекснинского между-

речья⁴. Историко-археологическая секция занималась сбором документов по истории города и его окрестностей, образцов говоров⁵.

Угличское общество возникло в 1924 г. при участии научных работников из Рыбинска. Его председателем стал Н.П. Редозубов. Помимо участия в географическом обследовании края, оно работало по составлению путеводителя по Угличу⁶.

В Тутаеве действовало отделение ЯЕИКО, но в 1920-е гг. оно не сумело развернуть широкой деятельности.

Особенностью рассматриваемого периода стало возникновение научных обществ на волостном уровне. Многие из них носили формальный характер, но некоторые развернули действительно активную научную деятельность.

Норское научное общество по изучению местного края Ярославского уезда возникло в 1923 г. Здесь стало действовать две секции – общественно-экономическая и естественно-историческая. Первая секция занималась исследованиями в области истории, экономики, этнографии, в частности обследованием местных промыслов, изучением быта и народного творчества местных жителей и т.д. Естественно-историческая секция проводила метеорологические и фенологические наблюдения⁷. В 1925 г. при обществе был открыт музей. Работы велись успешно и по их результатам в мае 1926 г. была созвана первая Норская волостная конференция по краеведению.

В селе Коприно Рыбинского уезда на выставке местного сельскохозяйственного общества в 1920 г. выделился отдел родного края, который на организационном собрании в мае 1921 г. был преобразован в научное общество. Открылись отделы земледелия и статистики, художественный, геологии, ботаники и зоологии, быта и производства⁸.

Петровское общество Рыбинского уезда открылось в 1920 г. При нём действовали научная и культурная комиссии, изучались вопросы по гончарному производству, истории имения Михалковых, местному судостроению и быту рабочих⁹.

Николо-Кормское общество изучения местного края Рыбинского уезда было основано в 1920 г. При нём в 1923 г. был открыт музей.

Таким образом, в 1920–е гг. в нашей губернии повсеместно действовали научные общества, ставившие своей целью всестороннее изучение местного края. Направления их работ были аналогичны. Различия обуславливались лишь особенностями природы и культуры данной местности.

На рубеже 1920 - 1930 гг. большинство научных обществ было ликвидировано, что в первую очередь коснулось городских организаций. На территории страны создавалась сеть бюро и ячеек краеведения.

➤ **Примечания**

1. Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО) Ф. Р-334. Оп. 1. Д. 190. Л. 3-3об.

2. Там же. Л. 1-1об.

3. Там же. Ф. Р-1270. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-3.
 4. Там же. Ф. Р-334. Оп. 1. Д. 152. Л. 11.
 5. Там же. Ф. Р-1270. Оп. 1. Д. 1. Л. 69-69об.
 6. Там же. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.
 7. ГАЯО. Ф. Р-1308. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.
 8. РФ ГАЯО Ф. Р-334. Оп. 1. Д. 89. Л. 3-4об.
 9. Там же. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.
-

Ю.С. Юрьев

Деятельность Ярославского ГПУ – ОГПУ в 1920-е гг.

Государственное политическое управление (с 1923 г. Объединенное государственное политическое управление)- это охранительная структура, по своей сути являвшаяся органом государственной безопасности.

В целях наиболее полного и широкого понимания сути ГПУ следует дать общее определение органам государственной безопасности: это особые правоохранительные органы, основная деятельность которых направлена на пресечение и раскрытие преступлений против существующего государственного (конституционного) строя, внешней и внутренней безопасности государства¹.

В Советском государстве орган безопасности – Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) была создана сразу же после Октябрьской революции согласно постановлению СНК РСФСР от 7 (20) декабря 1917 г. В 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ), история появления и функционирования которого – один из наименее изученных феноменов истории России.

Итак, 27 декабря 1921 г. В.И. Ленин в записке Л.Б. Каменеву предложил переименовать ВЧК в Госполитотдел и превратить из самостоятельного органа при СНК в часть НКВД. Этот факт имел особое политическое значение, так как подчеркивал принципиальный отказ от чрезвычайных мер и системы чрезвычайных органов.

Отделения Госполитуправления действовали и на местах. В Ярославле Губернское отделение ГПУ (ЯрГОГПУ) было образовано в феврале 1922 г.

Тогда же, в 1922 г., ВЦИК учредил новый для Советской власти орган – Государственную прокуратуру и принял "Инструкцию о Прокурорском надзоре". Эта инструкция вменяла прокуратуре необходимость наблюдения за законностью выполняемой ГПУ деятельности, что являлось главным отличием ГПУ от ВЧК. Вместе с тем прокуратура не имела права вмешиваться в розыскную и оперативную работу ГПУ. В Ярославле прокурорский надзор стал функционировать с 1 сентября 1922 г.²

С февраля 1922 г. по февраль 1923 г. на современной территории Ярославской области, кроме Ярославского Губотдела ГПУ, существовал еще и Рыбинский. Это связано с разделением в 1922 г. губернии на Ярославскую и Рыбинскую. В феврале 1923 г. эти губернии объединили, Рыбинский отдел ГПУ был упразднен³.

Цели и задачи местных отделений ГПУ в основном совпадали с теми, что предписывались для центральных. Ярославский Губотдел ГПУ занимался, в основном, пресечением контрреволюции и ликвидацией бандитизма.

Под статью контрреволюционной деятельности в 1920-е гг. попадали и уголовные дела и дела, связанные с деятельностью оппозиционных партий и групп – эсеров, анархистов, троцкистов и др.

Так, в августе 1922 г. в ЯрГОГПУ пришла телеграмма, в которой предписывалось "в целях полнейшего разгрома правых эсеров ... произвести ликвидацию всех активных членов этой партии"⁴, что и было сделано позже.

В 1925 г. в Рыбинске и Ярославле благодаря действиям ГПУ прекратили существование группы анархистов, занимавшихся антиправительственной агитацией. В 1927 г. Ярославский отдел ГПУ вскрыл оппозиционную троцкистскую группу из 15 человек⁵.

Также большую работу ЯрГОГПУ проводил в сфере ликвидации бандитизма. В июле 1924 г. сотрудниками отдела ГПУ по Даниловскому уезду был задержан Дмитрий Озеров. Банда, которую он возглавлял, выродилась в чисто уголовную и занималась грабежами, участвовала в погромах советских учреждений и убийствах их руководителей. В итоге Д. Озеров был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, что и было осуществлено 19 апреля 1925 г.⁶

Серьезным врагом для Советской власти продолжала оставаться церковь. Ярославская епархия была одной из самых сильных и крупных и насчитывала к 1917 г. около 1 000 церквей. В числе репрессированных в 1920 - 1930-е гг. оказалось 894 служителя культа, большинство из которых к настоящему времени реабилитированы⁷.

Госполитуправление имело свой постоянный штат сотрудников, но помимо этого ЯрГОГПУ прибегало к мобилизации гражданских кадров. В случае необходимости тот или иной человек передавался в распоряжение сотруднику ГПУ "по его личному усмотрению", причем члены партии, мобилизованные таким образом, отклоняться от возложенных на них обязанностей не имели права⁸.

Также для постоянного пополнения своих рядов Ярославское ГПУ в 1922 г. приступило к организации так называемых "бюро содействия", которые должны были находиться при советских учреждениях и набираться из членов партии на добровольной основе. Цель их была проста – содействие органам ГПУ в области агентурно-осведомительной работы. Здесь Ярославское ГПУ столкнулось с большой проблемой – люди не хотели ра-

ботать на них и, как выразился один из отказавшихся (член Губревтрибунала), "быть шпииками"⁹.

Кроме того, что большая роль уделялась количественному составу ГПУ, не менее важной была и качественная подготовка кадров. Так, в августе 1923 г. в Ярославский Губком РКП (б) пришло указание о создании спецшкол Транспортного отдела ГПУ¹⁰. Прием курсантов шел на основании рекомендаций партийных и профессиональных органов. Таким образом складывалась основа для пополнения рядов ГПУ профессиональными агентами.

Для более эффективной работы органы ЯрГОГПУ применяли практику совместных совещаний с вопросом о взаимной информативности с другими государственными и военными структурами – реввоентрибуналом, представителями Ярославского военного гарнизона¹¹. Также были случаи сотрудничества с отрядами ЧОН (части особого назначения).

Следует заметить, что на протяжении всех 1920-х гг. наблюдается тенденция сведения спектра деятельности ГПУ, как органа следствия и дознания, к вопросам чисто политическим. Все дела, не подпадающие под эту статью, изымались из делопроизводства Госполитуправления и передавались другим структурам.

Таким образом, ГПУ-ОГПУ можно назвать своеобразным переходным этапом в истории становления органов государственной безопасности, как структуры охранительной, но не только в отношении государственного строя, но и политической структуры общества, действовавшей в условиях НЭПа.

➤ Примечания

1. Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 653.
2. ГАЯО. Ф. Р-214. Оп. 3. Д. 1. Л. 9; ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 27. Д. 798. Л. 233.
3. См. подробнее: Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль. 2001. С. 142
4. ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 27. Д. 798. Л. 135.
5. См. подробнее: Верой и правдой. С. 145.
6. ГАЯО. Ф. Р-214. Оп. 3. Д. 185.
7. Верой и правдой. С.149.
8. ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 27. Д. 798. Л. 123.
9. Там же. Л. 164-165.
10. Там же. Л. 13.
11. Там же. Л. 119.

Р.А. Михалищев

Ярославская партноменклатура и общество (1937 - 1939 гг.)

В России отношения между властью имущими и рядовыми членами общества традиционно складываются крайне сложно. Бездушный бюрократизм и коррумпированность первых весьма органично сочетаются с политическим инфантилизмом вторых. Опасности, заложенные во взаимоотношениях подобного типа, достаточно ярко проявились в период массовых политических репрессий 1930-х гг.

В исторической литературе при определении движущих сил репрессий едва ли не традиционным является возложение всей ответственности за данный процесс на сталинскую группировку в ВКП(б)¹. При этом все остальные общественные силы выступают либо как невинные жертвы репрессий, либо как бессильные нейтралы, либо как обманутые соучастники преступлений. Тем самым правящей верхушке партии приписывается фактически тотальный контроль не только над поступками, но и над умами большей части общества. Но это весьма упрощенный взгляд на события. Разумеется, на митингах и собраниях официозная точка зрения практически всегда принималась на-ура, но это не мешало весьма значительной части населения иметь свои представления о происходящем и действовать в соответствии с ними.

При этом оценки репрессий колебались от махрово-антисемитских – «борьба с жидами»² – или религиозно-эсхатологических – «раздор в стане Антихриста»³ – до весьма точно проникавших в суть событий. Так, в сентябре 1937 г. мастер-учетчик Вареговского торфоболота Молоков И.В., указывая на плакат «Искореним шпионов и диверсантов троцкистско-бухаринских агентов фашизма» заявил: «Вот так же скоро возьмем вашего брата коммунистов, чтобы из вас так же потекло как из этой змеи, передумшим всех партийцев и тогда будет нашему брату жить лучше, а то как с партбилетом в кармане, так и вредитель»⁴.

У населения действительно были серьезные причины рассматривать номенклатурных работников как своих угнетателей и эксплуататоров. К 1937 г. практически во всех отраслях промышленности положение рабочего персонала было ужасающим, что и дало себя знать при «разоблачении» контрреволюционной и вредительской деятельности «врагов народа». Повальным явлением были нарушения дирекцией трудового законодательства, массовые обсчеты рабочих, наложение на них штрафов, разного рода издевательств⁵. При этом легальная возможность постоять за свои права отсутствовала: и советские, и судебные учреждения действовали исключительно в интересах директората, будучи связаны с ним своего рода круговой пору-

кой⁶. Еще более тяжелым было положение крестьянства. Неслучайно среди исключенных из партии 527 номенклатурных работников около 25% были непосредственно заняты в сельском хозяйстве⁷, а значительная часть была связана с ним косвенно. 13 человек и вовсе были исключены с «чисто крестьянскими» формулировками: «за издевательство над колхозниками» (зав. Солигаличского райфо Дорохин), «за массовое наложение штрафов на колхозников» (райуполкомзаг Чухломского района Коротков) и т.д.⁸

Однако большая часть населения достаточно апатично относилась к нарушению своих прав и, во всяком случае, не была готова к открытому конфликту с номенклатурой. Главным было другое: верхушка номенклатуры быстро превращалась в замкнутую привилегированную касту. А поскольку ее большую часть составляли выходцы из других областей, то коренным жителям области дорога во власть была фактически закрыта. Те же, кто все-таки попадал туда, не имели никаких перспектив карьерного роста. Так, значительную часть мест в обкоме и ряд важных постов в облисполкоме заняли бывшие сослуживцы А.Р. Вайнова (1-й секретарь Ярославского обкома до июня 1937 г.) по Донбассу. Схожим образом поступали почти все более-менее крупные начальники, например, директор треста «Севстройпуть» Воронцов перевез из Ленинграда 95 человек – от главного инженера до шофера⁹. Особенно ярко недовольство подобным решением кадрового вопроса проявилось на 2-й областной партконференции (июнь 1937 г.). Из выступлений делегатов: «Случайно ли у нас отсутствовал рост местных кадров? Нет. Культивировалась целая теория о том, что наши кадры не прошли той школы, которую прошли кадры южных областей ...Противопоставление кадров требовалось для того, чтобы конкретизировать и как бы узаконить принцип подбора кадров по принципу знакомства.» (секретарь Красносельского райкома ВКП(б) Федоров)¹⁰; «У нас сейчас в районах Ярославской области создана пробка в выдвижении кадров. Возьмем горком, нет ни одного (местного – Г.М.) заведующего, то же самое и в районных организациях. У нас в районе только 38 человек местных людей из 126 человек парторганизации, остальные все приезжие и на руководящей работе местных людей нет.» (секретарь Парфеньевского райкома Мартынов)¹¹.

Негативное восприятие «семейственного принципа подбора кадров» подготовило почву для объединения усилий наиболее активной части социальных низов и «обиженных» местных номенклатурщиков. Итогом стал полный разгром обкомовского руководства и его «клиентелы» и, как следствие, стремительное заполнение вакантных постов местными выдвиженцами.

За период с начала деятельности Н.Н. Зимина как первого секретаря обкома (июнь 1937 г.) до третьей областной партийной конференции (июль 1938 г.) на руководящую партийную и советскую работу было выдвинуто 4 484 человека (причем эти цифры даны без учета Ярославля, где новые посты получили еще около 2 000 человек). Лишь на заводе № 26 (Рыбинск) к

маю 1938 г. было выдвинуто на руководящую работу 479 человек. «Выдвижение новых кадров шло начиная от мастера и кончая директором завода»¹². Поскольку репрессии затронули не одну Ярославскую область, а весь Советский Союз (и, как следствие, нехватка кадров ощущалась везде), то вряд ли стоит сомневаться в том, что абсолютное большинство «выдвиженцев» были обычными жителями области (разумеется, отличавшимися высокой социальной активностью).

А после третьей партконференции местные кадры продолжают укреплять свои позиции в структуре руководства областью. Так, с июля 1938 по март 1940 гг. обком ВКП(б) выдвинул лишь 170 номенклатурных работников, а горкомы и райкомы – более 4 000. Бюро обкома утвердило также 852 руководящих работника, выдвинутых снизу¹³.

Всего за два с небольшим года - около 11 тысяч «выдвиженцев», т.е. Ярославская область, будучи лишь одной из более чем сотни подобных региональных административных образований, значительно опережала общесоюзные показатели. С января 1934 по март 1939 гг. на руководящие посты в партийных и государственных структурах страны было выдвинуто «всего» 500 тысяч новых работников. При этом кадры союзной номенклатуры на 1 января 1937 г. насчитывали 1 751 тыс. человек¹⁴, то есть различного рода «перестановки» составили менее трети от общего числа. Необходимо учесть также, что весьма значительная часть из вышеупомянутых 500 тысяч человек пришла в номенклатуру в силу непрерывного роста штатов партгосаппарата, а не на смену репрессированным. А в Ярославской области, где аппарат госслужащих вместе с выборными постами облисполкома, райисполкомов, горсоветов, сельсоветов составил к 1937 г. 6 117 человек (численность партаппарата – 1 615 человек на май 1937 г.)¹⁵, «свежие» кадры почти вдвое превосходили «старые».

Столь мощное обновление номенклатурных кадров за счет рекрутирования в них активной части социальных «низов», лучше знакомых с «подвластным» им обществом и нередко более компетентных чем их предшественники (если не по наличию управленческого опыта, то по образовательному уровню), позволило рационализировать усилия по управлению регионом, улучшить их результаты и, как следствие, снизить уровень социальной напряженности. Цена, уплаченная за это, оказалась непомерно высока, но более гуманные методы разрешения конфликта между властью и обществом в условиях тоталитарного режима были неприемлемы ни для одной из сторон.

➤ Примечания

1. Новейшая история Отечества. XX век: Учеб. для студентов вузов: В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 82.

2. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 272. Оп. 223. Д. 146. Л. 28.

3. ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 576. Л. 360.

4. Там же. Л.364.
5. Там же. Д. 586. Л. 1, 4, 10.
6. Там же. Д. 573. Л. 9.
7. Там же. Д. 632.
8. Там же.
9. Там же. Д. 576. Л. 107.
10. Там же. Д. 344. Л. 41.
11. Там же. Д. 344. Л. 125.
12. Там же. Д. 751. Л. 14
13. Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1938-1965. Ярославль, 1990. С. 31.
14. XVIII съезд ВКП(б). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 529.
15. ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 344. Л. 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Аркадий Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории

Васильев А.В. – выпускник исторического факультета 2001 г. специальности «История»

Веденский Е.С. – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории

Великанова Елена Николаевна – аспирантка кафедры всеобщей истории

Ветерков Александр Иванович – аспирант кафедры музеологии и краеведения

Волкова Марина Владимировна – студентка V курса исторического факультета специальности «Музеология»

Доманова А.В. – выпускница исторического факультета 2001 г. специальности «История»

Евстифеева Е.В. – выпускница исторического факультета 2002 г. специальности «Музеология»

Ельцова Ольга Дмитриевна – аспирантка кафедры отечественной средневековой и новой истории

Жижев А.А. – студент Сыктывкарского государственного университета специальности «История»

Ивановская Ольга Генриховна – аспирантка кафедры отечественной средневековой и новой истории

Канинский Сергей Павлович – студент IV курса исторического факультета специальности «История»

Киселев Алексей Валерьевич – аспирант кафедры музеологии и краеведения

Клопов Анатолий Сергеевич – студент V курса исторического факультета специальности «История»

Князева Олеся Викторовна – студентка V курса исторического факультета специальности «Музеология»

Кольцов М.В. – аспирант кафедры всеобщей истории

Корнилова Александра Сергеевна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Корнилович Андрей Михайлович – студент V курса исторического факультета специальности «История»

Красовская Ю.В. – аспирантка кафедры новейшей отечественной истории

Кудрявцева Марина Николаевна – выпускница исторического факультета 2002 г. специальности «История»

Кузина Екатерина Павловна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Курцев Леонид Николаевич – студент V курса исторического факультета специальности «История»

Личак Наталья Алексеевна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Лукьянец А.В. – аспирант кафедры всеобщей истории

Лунев Дмитрий Михайлович – студент VI курса исторического факультета специальности «История»

Малкина Евгения Геннадьевна – студентка V курса исторического факультета специальности «Музеология»

Медведева О.Г. – студентка исторического факультета специальности "История"

Михалищев Роман Александрович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории

Морозова Дина Павловна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Накропин Владимир Валентинович – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории

Никифорова Ольга Вячеславовна - студентка III курса исторического факультета специальности «История»

Нуждина А.А. – студентка V курса исторического факультета специальности «История»

Озерова Дарья Евгеньевна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Ольнева Ольга Владимировна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Онучин Михаил Михайлович – студент V курса исторического факультета специальности «История»

Оторочкина Александра Евгеньевна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Павлова Кристина Михайловна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Пичуев Алексей Николаевич – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории

Плишина Ирина Сергеевна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Попов Роман Игоревич – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории

Рубан Елена Сергеевна – студентка IV курса исторического факультета специальности «Музеология»

Семенов Илья Евгеньевич – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории

Смирнов Николай Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории

Советова Ксения Сергеевна – студентка III курса исторического факультета специальности «История»

Спиридонова Елена Владиславовна – аспирантка кафедры отечественной средневековой и новой истории

Спиридонова Ольга Владиславовна – студентка V курса исторического факультета специальности «История»

Страдина Елена Александровна – выпускница исторического факультета 2002 г. специальности «История»

Тихонова Евгения Александровна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Третьякова С.В. – выпускница исторического факультета 2001 г. по специальности «История»

Третьякова Татьяна Анатольевна – соискатель кафедры музеологии и краеведения

Фирсов Александр Вениаминович – студент V курса исторического факультета специальности «История»

Фирсов Денис Евгеньевич – выпускник исторического факультета 2002 г. специальности «История»

Шуникова Александра Евгеньевна – аспирантка кафедры музеологии и краеведения

Шустов А.В. – аспирант кафедры всеобщей истории

Юрьев Юрий Сергеевич – выпускник исторического факультета 2002 г. специальности «История»

СОДЕРЖАНИЕ

1. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. МУЗЕОЛОГИЯ.....	3
<i>С.В. Третьякова</i> Мифологические функции дома в традиционных представлениях палеоазиатских народов.....	3
<i>О.Г. Медведева.</i> Представления островных кельтов о жизни и смерти (по данным римской эпиграфики).....	5
<i>М.М. Онучин.</i> Феномен колдовства у финнов (по данным эпических материалов).....	7
<i>А.А. Жижев.</i> Погребения в лодках на Шиховском могильнике.....	9
<i>Е.В. Спиридонова.</i> Изучение славянских погребальных памятников Ярославского Поволжья краеведами XIX - начала XX в.	10
<i>Е.С. Рубан.</i> Керамические изделия из Ярославля XVIII в. (по результатам раскопок 1999 - 2001 гг.).....	15
<i>А.В. Киселёв.</i> Русские предания и поверья о разбойниках в XIX - начале XX вв. (на материале Верхневолжского региона).....	17
<i>И.С. Плишина.</i> Космологические воззрения русского крестьянина XIX - начала XX в. (по материалам загадок).....	20
<i>А.А. Нуждина.</i> О социально-психологическом облике российского крестьянина.....	22
<i>Е.А. Тихонова.</i> Трансформация мужского крестьянского костюма во второй половине XIX в.	24
<i>Е.А. Тихонова.</i> Провинциальный городской костюм средних классов России второй половины XIX в. (на примере мужского костюма).....	26
<i>О.В. Князева.</i> Деятельность Московского археологического общества по сохранению памятников старины в XIX в.....	29
<i>Д.П. Морозова.</i> Образовательная и просветительская деятельность музеев Ярославской губернии в 1920-е гг.	31
<i>Д.Е. Озерова.</i> О становлении и развитии музейной педагогики.....	34
<i>Т.А. Третьякова.</i> К вопросу комплектования народных музеев.....	41
2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ	44
<i>А.В. Лукьянец.</i> Должность praefectus urbi в концепции римской государственности Теодора Моммзена.....	44

<i>Е.Н. Великанова.</i> Объективные факторы мотивации поступков Гая Калигулы (на примере политики по отношению к иудеям)	47
<i>Д.Е. Фирсов.</i> «Жизнеописание Демонакта» как источник реконструкции мировоззрения Лукиана	50
<i>Д.М. Лунев.</i> Константин Философ и Македонское Возрождение.....	51
<i>А.А. Абакумов.</i> Американцы и индейцы: колониальный опыт.....	53
<i>О.В. Спиридонова.</i> Коммерциализация культурной жизни Англии в XVIII в.....	55
<i>А.В. Доманова.</i> Развитие системы начального и среднего образования в Англии в XIX в.	57
<i>Н.А. Смирнов.</i> К вопросу о характеристике внутривластной ситуации в Польше (1944-1948 гг.).....	60
<i>А.М. Корнилович.</i> Московские советники в Венгрии (1949 - 1953).....	65
<i>А.М. Корнилович.</i> Использование рекламных технологий в изображении венгерских событий на страницах газеты "Правда" (1950-е гг.).....	67
<i>М.В. Кольцов.</i> От союзника к противнику: трансформация образа Великобритании в СССР в 1945-1951 гг.....	69
<i>С.П. Канинский.</i> Эволюция образа США в газете «Правда» в 1985 - 1988 гг.....	72
<i>А.В. Шустов.</i> Межэтнические конфликты и этносоциальные процессы в Таджикистане (1989 - 2000 гг.).....	73
<i>К.С. Советова.</i> Африканский художник в западном обществе.....	77
3. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.....	80
<i>К.М. Павлова.</i> “Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел” А.П. Волынского и попытки его реализации	80
<i>Р.И. Попов.</i> Ново-архангельск первой половины XIX века в воспоминаниях русских мореплавателей.....	84
<i>В.В. Накропин.</i> Карьера Алексея Петровича Ермолова в годы войн России с наполеоновской Францией (1805 – 1812 гг.).....	88
<i>Е.С. Веденский.</i> Русская православная церковь и начальное народное образование во второй половине XIX в.	91
<i>А.Н. Пичуев.</i> Центральные и местные правоохранительные органы России последней трети XIX – начала XX вв.....	95

И.Е. Семенов. Проблема российской оккупации Маньчжурии в 1900-1904 гг. в освещении русских общественно-политических журналов.....	97
Н.А. Личак. Развитие системы охраны памятников в РСФСР в 1921 - 1930 гг.....	101
А.И. Ветерков. Библиотечная работа профсоюзов в первой половине 1920-х гг.....	104
А.В. Васильев. Влияние религии на творческое развитие отечественных рок-музыкантов.....	109
4. ИСТОРИЯ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ.....	111
О.Д. Ельцова. Церковное и монастырское землевладение в Ярославской епархии в середине XVIII – начале XX вв.....	111
О.Д.Ельцова. Доходы духовенства от прихожан в Ярославской епархии в конце XVIII – начале XX вв.	113
А.Е. Оторочкина. Женские частные учебные заведения в Ярославской губернии в первой половине XIX в.	115
А.В. Фирсов. Образование Ярославской военной начальной школы (1850-е гг.).....	119
Е.П. Кузина. Финансирование строительных работ г. Ярославля в XIX в.	121
Е.В. Евстифеева. Социально-психологический портрет ярославского отходника во второй половине XIX в.....	125
М.Н. Кудрявцева. Православное братство святителя Димитрия Ростовского Чудотворца (1883 – 1918 гг.).....	127
Е.В. Спиридонова. Древний Ростов в трудах краеведов XIX в.	129
О.Г. Ивановская. "Описание города Рыбинска..." М.И. Гумилевского	132
О.Г. Ивановская. Первый ярославский путеводитель Ф.Н. Никольского.....	135
О.В. Никифорова. Издательское дело К.Ф. Некрасова.....	140
А.Е. Шуникова. Ярославский городской архитектор А.А.Никифоров.....	143
М.В. Волкова. Казанская церковь.....	145
О.В. Ольнева. “Распутинская” тема и общественные настроения в российской провинции весной 1917 г.	148
Ю.В. Красовская. Городские думы и октябрьский переворот: надежды и разочарования горожан (по материалам Ярославской и Костромской губерний).....	150

<i>Л.Н. Курцев.</i> Начало формирования советской бюрократии (октябрь 1917 - 1918 гг.)	153
<i>А.С. Клопов.</i> Региональный сепаратизм в Центральной России в первые годы советской власти (на материалах ярославской губернии).....	156
<i>А.С. Клопов.</i> Ярославль и Рыбинск в первые годы советской власти: история конфликта	158
<i>А.С. Корнилова.</i> Промышленность Ярославской губернии в период восстановления народного хозяйства (1921 - 1925 гг.)	162
<i>Е.Г. Малкина.</i> Экскурсионная работа с детьми в ярославских школах (1920-е годы).....	165
<i>Е.А. Страдина.</i> Научные общества Ярославской губернии в 1920-е гг.....	168
<i>Ю.С. Юрьев.</i> Деятельность Ярославского ГПУ – ОГПУ в 1920-е гг.....	170
<i>Р.А. Михалищев.</i> Ярославская партноменклатура и общество (1937 - 1939 гг.).....	173
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	177

Путь в науку

*Сборник научных работ
аспирантов и студентов исторического факультета*

Выпуск 7

Редактор, корректор Л.Н. Селиванова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать .2002. Формат 60x84/16. Бумага тип.
Усл. печ.л. 10,69. Уч.-изд.л. 11,32. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Ярославский государственный университет
150000 Ярославль, ул. Советская, 14

Отпечатано на ризографе.
ООО "Рио-Гранд"
Ярославль, ул. Чкалова, 2